

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5156 (print)

2024 / № 6

ISSN 2949-5164 (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: История и политические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. — Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. — Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. — Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. — Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. — Domestic history (historical sciences); 5.6.2. — Global history (historical sciences); 5.6.5. — Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. — International relations (political sciences).

ISSN 2949-5156 (print)

2024 / № 6

ISSN 2949-5164 (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN
OF FEDERAL STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения»
Серия: История и политические науки»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — д-р полит. наук, доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Журавлев В. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Захаров В. Н. — д-р ист. наук, проф., Институт российской истории Российской академии наук;

Каширина Т. В. — д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Штоль В. В. — д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.istpolitmgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 6. 116 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

**Founder of journal «Bulletin of Federal State University of Education.
Series: History and Political Sciences»
Federal State University of Education**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K.A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2949-5156 (print)

ISSN 2949-5164 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of Federal State University of Education, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of Federal State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the journal (www.istpolitmgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of Federal State University of Education" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 6. 116 p.

© Federal State University of Education, 2024.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ЗАПАД КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНТИПОД

<i>Дугин А. Г.</i> Карта вестернологии для русской цивилизации	7
<i>Багдасарян В. Э.</i> Образ Запада как цивилизационного антипода в истории русской идеологической саморепрезентации	25
<i>Багдасарян В. Э., Марасанова В. М., Фукс А. Н., Соловьёв Я. В., Жиряков И. Г., Лазарева Л. Н., Куренкова Е. А., Иерусалимский Ю. Ю., Косторниченко В. Н.</i> Историческая наука в условиях современных вызовов и трансформаций (круглый стол) . .	36

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Соловьёв Я. В.</i> Роль министров финансов Российской империи в общей системе управления второй половины XIX – начала XX вв.	70
<i>Суханова Н. И.</i> Южное казачество России: политические искания в условиях ликвидации монархического режима.	82
<i>Лазарева Л. Н.</i> Культурная политика позднего сталинизма в фокусе концепции догоняющей модернизации.	88

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Жиряков И. Г.</i> Включение коллективным Западом экономических и финансовых инструментов в архитектуру холодной войны (конец 40-х – 50-е годы XX века)	97
--	----

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Фукс А. Н.</i> Отечественные и зарубежные школьные учебники о Сталинградской битве как о начале коренного перелома в Великой Отечественной войне.	108
---	-----

CONTENT

THEME OF THE ISSUE:
THE WEST AS THE CIVILIZATIONAL ANTIPODE

A. Dugin. The Map of Western Studies for the Russian Civilization 7

V. Bagdasaryan. The Image of the West as a Civilizational Antipode in the History
of Russian Ideological Self-Representation. 25

V. Bagdasaryan, V. Marasanova, A. Fuks, Ya. Soloviev, I. Zhiryakov, L. Lazareva,
E. Kurenkova, Yu. Ierusalimskiy, V. Kostornichenko. Historical Science in the Context
of Modern Challenges and Transformations (Round Table) 36

DOMESTIC HISTORY

Ya. Soloviev. The Role of Finance Ministers of the Russian Empire in the General Management
System of the Second Half of the 19th – Early 20th Century 70

N. Sukhanova. The Southern Cossacks of Russia: Political Quest in the Context
of the Monarchical Regime Liquidation 82

L. Lazareva. The Cultural Policy of Late Stalinism in the Focus of the Concept
of Catching-Up Modernization 88

WORLD HISTORY

I. Zhiryakov. The Inclusion of Economic and Financial Instruments by the Collective West
into the Architecture of the Cold War (Late 40^s –50^s of the 20th Century) 98

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY
AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

A. Fuks. Russian and Foreign School Textbooks on the Battle of Stalingrad as the Beginning
of a Radical Turning Point in the Great Patriotic War 109

Тема номера: ЗАПАД КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНТИПОД

Россия и Запад – эта тема относится к константной категории русской общественной мысли. Сегодня в контексте политических и научно-мировоззренческих вызовов она нуждается в переосмыслении. Политический вызов состоит в фактическом столкновении России с коллективным Западом в формате гибридной войны. Многие эксперты оценивают её как войну цивилизационную.

Научно-мировоззренческий вызов заключается в происходящей в науке и образовании ревизии социогуманитарных парадигм. Прежние сопряжённые с либеральной идеологией подходы обнаружили свою деструктивность. Новые подходы находятся ещё в фазе формирования. Очевидно, что необходима ревизия прежнего апологетического отношения к Западу, а соответственно, и западным наукам. Надо зафиксировать, что Западная цивилизация – одна из ряда цивилизационных систем, не выше и не ниже других цивилизаций. Цивилизации не могут быть вообще более или менее развитыми, передовыми и отсталыми. Освобождение от стереотипов западничества является в этом отношении основой курса деколонизации и восстановления суверенных потенциалов.

В третьем номере «Вестника» было заявлено новое направление цивилизационного анализа – *вестернология*. Заявка нового направления, как и введение соответствующего понятия, вызвало широкий резонанс. Суть вестернологического подхода состоит в том, чтобы посмотреть на Запад как на одну из цивилизаций в ряду соответствующего цивилизационного рядоположения. До настоящего времени на Запад смотрели иначе – как на некий универсалий мирового общественного развития. Удивительно, но при акцентированности изучения западного сообщества цивилизация Запада остаётся почти неизвестной и непонятой.

В этом номере представлена новая постановка вопроса – *отношения между Западом и Россией*. Необходимо объяснить природу современного российско-западного противостояния. Объяснять его персоналиями, конъюнктурой, как это делалось до сих пор, совершенно неудовлетворительно. Конфликт этот при мегахременном рассмотрении обнаруживает устойчивую воспроизводимость. Почему работает эта воспроизводимость? Очевидно, причины её носят фундаментальный характер. Авторы номера предлагают свои размышления.

УДК 303.01

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-7-24

КАРТА ВЕСТЕРНОЛОГИИ ДЛЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Дугин А. Г.*Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Системная критика западной эпистемологической гегемонии и универалистских претензий, выражающихся в навязывании западных критериев развития и прогресса как единственно верных для всего мира.

Процедура и методы. Анализ вестернологии, демонстрирующий значение цивилизаций и отрицающий универсальность западного образца развития. Критика европоцентристского подхода в науке и гуманитарных исследованиях, разоблачение искажённых представлений о незападных культурах (на примере работы Э. Саида «Ориентализм»). Изучение исторических практик колониализма и их влияния на формирование ложных представлений о превосходстве Запада.

Результаты. Выявление и демонстрация системности и масштабности западной эпистемологической гегемонии. Понимание того, как западные представления о научности, истинности, прогрессе навязывались и продолжают навязываться остальному миру. Обоснование необходимости более системного подхода к развенчанию западного универсализма в условиях формирования многополярного мира.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретически работа способствует развитию постколониальных исследований и формированию более объективного понимания мировой истории и культурного многообразия. Практически она может способствовать построению более справедливых международных отношений, основанных на уважении к культурному своеобразию разных народов и отказу от навязывания западных ценностей и стандартов как единственно возможных.

Ключевые слова: вестернология, Запад, государство-цивилизация, цивилизация, модернизация

THE MAP OF WESTERN STUDIES FOR THE RUSSIAN CIVILIZATION

A. Dugin*Russian State University for the Humanities
Miusskaya pl. 6, Moscow 125047, Russian Federation*

Abstract

Aim. Systematic critique of the Western epistemological hegemony and universalist claims expressed in the imposition of the Western criteria of development and progress as the only true ones for the whole world.

Methodology. Analysis of Western studies demonstrating the importance of civilizations and denying the universality of the Western model of development. Criticism of the Eurocentrist approach in science and humanitarian studies, exposure of distorted ideas about non-Western cultures (as exemplified by the work of Edward Said "Orientalism"). Study of the historical practices of colonialism and their influence on the formation of false ideas about the superiority of the West.

Results. Identification and demonstration of the systematicity and magnitude of the Western epistemological hegemony. Understanding how Western ideas of science, truth, progress have been and continue to be imposed on the rest of the world. Justification of the need for a more systematic approach to the collapse of Western universalism in the context of the formation of a multipolar world.

Research implications. In theory, the work contributes to the development of post-colonial studies and formation of a more objective understanding of world history and cultural diversity. In practice, it can contribute to building more just international relations based on respect for the cultural identity of different peoples and the rejection of the imposition of Western values and standards as the only possible.

Keywords: Western studies, West, State-Civilization, civilization, modernization

Введение

Вестернология, т. е. изучение западной цивилизации как самостоятельного объекта, основана на принципе полного равноправия цивилизаций и на отказе от признания Запада, его истории и культуры как *универсального образца* для всех остальных народов и обществ в общем контексте человечества. В ходе столетий своих колониальных практик и, прежде всего, в Новое время западная цивилизация преуспела в том, чтобы навязать человечеству ложное представление о том, что *только Запад* обладает последним словом в определении критериев научности, истинности, развития и прогресса, а сама история народов Запада является *образцом* всей мировой истории в целом. Если народы Запада проходят в своём развитии определённые стадии, значит, и все другие народы обречены на то, чтобы, пусть с отставанием, но следовать по тому же маршруту. Если на Западе вместо богословия и религии утвердился рациональная наука и основанное на ней мировоззрение, то это непререкаемый закон для всех остальных обществ, которые также должны принять научные представления современного Запада, отказываясь от своих традиционных идей, верований и учений. Всё незападное и несовременное Запад осмеивает и унижает, сводя к «детским» или «примитивным» формам цивилизации, стадии которых сам Запад уже давно, прошёл, а остальные народы завязли в предрассудках прошлого.

Всё это является *аксиомой* современной науки – как гуманитарной, так и

естественной, и до последнего времени не ставилось всерьёз под сомнение ни одной незападной культурой. По крайней мере, масштабно и системно. В каких-то отдельных сферах незападные общества имели право на самостоятельность, но поднимаясь к научным и цивилизационным обобщениям, только западные критерии и принципы признавались адекватными и нормативными.

Целевым ориентиром представляемого рассмотрения является проведение научной критики системы западной эпистемологической гегемонии. Универсалистские претензии, предъявляемые с позиций вестернизированной науки, необходимо подвергнуть ревизии с позиции представления о равенстве цивилизаций и вариативности познавательных моделей.

Цель исследования определяет применяемый методологический инструментарий. Пересмотр позиции западного универсализма возможен на платформе методологии, отрицающей сам принцип универсализации. Этому критерию соответствует цивилизационный подход. Обращение к цивилизационному подходу даёт возможность в данном случае задать цивилизационную оптику: взгляда на цивилизацию Запада через призму ценностей и смыслов цивилизации России.

Ориентализм и вестернология: к системной критике западной эпистемологической гегемонии

Многие авторы пытались поставить под сомнение такую *эпистемологическую гегемонию*, но лишь для критики сплошь

и рядом совершенно искажённых представлений Запада о незападных цивилизациях. Так, американский философ арабского происхождения Э. Саид написал программный труд «Ориентализм» [12], в котором подверг системной критике колониальные представления Запада о том, что представляет собой культура Востока, справедливо показав, что мы имеем дело с заведомой карикатурой, подменяющей действительно глубокое изучение незападных цивилизаций набором предубеждений и расистских клише.

Но такого рода работы затрагивали чаще всего лишь отдельные стороны западного универсализма. По мере строительства многополярного мира стало очевидно, что необходим *более системный и масштабный подход* к развенчанию универсалистских претензий Запада на то, чтобы быть единственной и главной инстанцией, выносящей окончательное решение о том, что является истинным или ложным, научным или ненаучным, справедливым и несправедливым, прогрессивным и отсталым, моральным и аморальным, и даже существующим и несуществующим.

На современном Западе, по выражению Ф. Ницше [11], это цивилизационная аксиома. Значит, в глазах людей Запада Бога нет для всего человечества, а если кто-то считает иначе, то только в силу своего «невежества» и «отсталости». Также дело обстоит и со всеми другими метафизическими основаниями западной цивилизации, автоматически считающей, что то, что справедливо для неё, верно и обязательно и для всех остальных обществ, культур, народов и территорий.

Таким образом, возникла потребность в том, чтобы по аналогии с «ориентализмом» Саида ввести дисциплину, которая изучала бы Запад и его претензии на общечеловечность *со стороны*, не впадая в иллюзорный гипноз претензий Запада на универсализм. Этим и стало новое направление – *вестернология*, т. е. изучение западной цивилизации как од-

ной из нескольких наряду с другими, с параллельным понижением статуса всей системы западной науки, культуры, политики и философии с глобального до регионального уровня, до одной из нескольких возможных точек зрения, совершенно не обязательно являющейся истиной в последней инстанции. Основные операции при разработке полной и общей карты вестернологии можно представить на следующих схемах.

Базовые схемы вестернологии: цивилизационный плюрализм

Рассмотрим реальную картину соотношения цивилизаций между собой (рис. 1).

На рисунке наглядно представлена модель плюрализма цивилизаций, где каждая из них обладает полным эпистемологическим и культурным суверенитетом, но только в своей зоне приоритетного влияния. Эти зоны влияния цивилизаций могут накладываться друг на друга, порождая феномены фронта, но, тем не менее, в некоторой зоне ядра или устойчивой доминации той или иной цивилизации именно её критерии, ценности, аксиомы и эпистемы являются высшим и неоспоримым – *последним* – уровнем, над которым не существует никакой более высокой инстанции. В таком случае мы фиксируем твёрдый и бескомпромиссный *цивилизационный плюрализм* как базовую фундаментальную установку многополярного мира.

Карта западной гегемонии

Однако гегемония Запада на всех уровнях настаивает на иной схеме. Запад провозглашает свою систему ценностей и свои эпистемологические основания *универсальными* и воспринимает свою собственную цивилизацию и её критерии как *общечеловеческие* и *глобальные*. В этом и состоит феномен *глобализма* как убеждённости в том, что либеральная идеология, политическая представительская демократия, рыночная экономика и

техноцентрическое развитие представляют собой не просто характеристики современного западного общества, но являются общечеловеческими нормами, ценностями и целями (рис. 2).

Именно так обстоит дело в современной науке и образовании в глобальном масштабе. И западные общества, и западные по умолчанию разделяют именно такой *глобалистский* и *гегемонистский*

Рис. 1 / Fig. 1. Соотношение цивилизаций / Ratio of civilizations

Источник: составлено автором

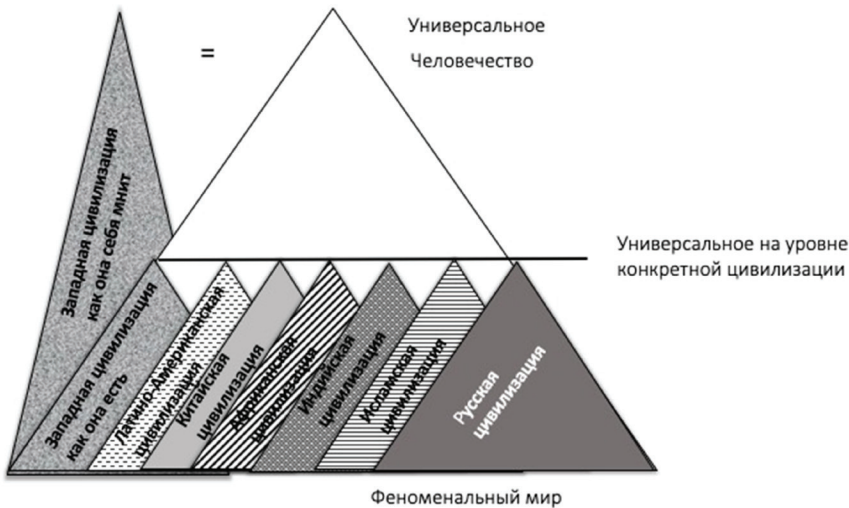

Рис. 2 / Fig. 2. Глобалистский и гегемонистский подход восприятия западной цивилизации / Globalist and hegemonic approach to the perception of Western civilization

Источник: составлено автором

подход. Конечно, и на самом Западе есть школы и течения, которые критикуют эту претензию на эпистемологическую *монополию смыслов* Запада. Ярче всего это представлено в американской культурной антропологии (Ф. Боас и его школа [1]), в структурной антропологии К. Леви-Строса [9], в некоторых направлениях постмодернизма и антиколониальных исследований. Но в целом даже критика претензий Запада на универсальность обосновывается чаще всего именно западными критериями и, более того, касается только тех архаических обществ, которые считаются «примитивными». Применить метод плюральной антропологии, основанной на эмпатии и на погружении в систему иных незападных культур для выяснения их закономерностей и семантических осей, к развитым незападным цивилизациям не решился вообще практически никто из самых авангардных критиков западного культурного империализма.

Отвержение западной претензии на универсальность

Многополярный мир требует именно этого, и в этом, собственно, и состоит основа вестернологии – *возвратить Запад к его частной позиции в контексте цивилизаций и лишить какого бы то ни было права на легитимацию своих претензий на универсальность*.

Наглядно это представлено на рисунках 3 и 4.

В результате отвержения претензии западной цивилизации на тождество с общечеловеческими критериями и ценностями и возвращению универсалистских амбиций Запада к реальным пропорциям и адекватному месту в контексте различных человеческих цивилизаций мы снова должны получить соотношение цивилизаций, схему, с которой и начали (рис. 1).

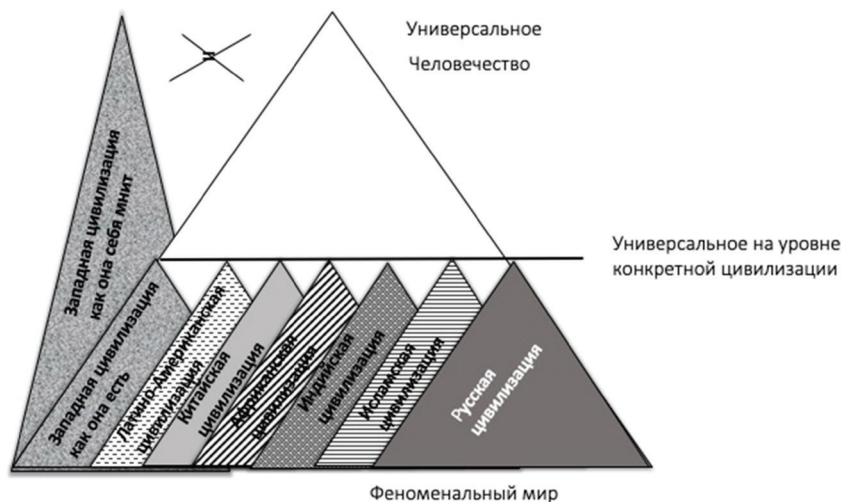

Рис. 3 / Fig. 3. Акт отвержения претензии западной цивилизации на тождество с общечеловеческими критериями и ценностями / The act of rejecting the claim of Western civilization for identity with universal criteria and values

Источник: составлено автором

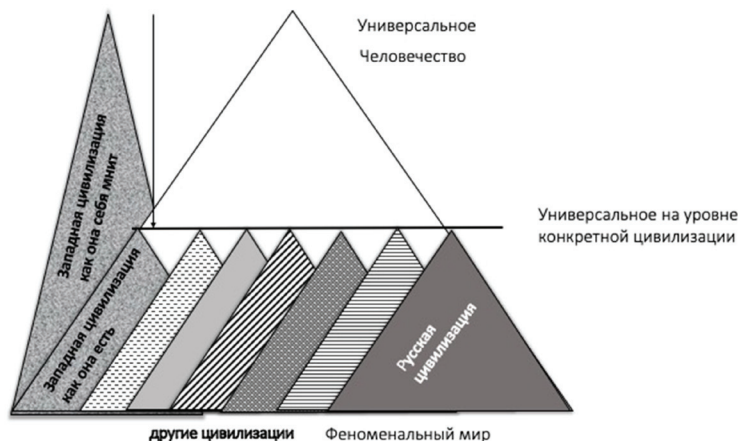

Рис. 4 / Fig. 4. Процесс возвращения универсалистских амбиций Запада к реальным пропорциям и адекватному месту в контексте различных человеческих цивилизаций / The process of returning the universalist ambitions of the West to the real proportions and an adequate place in the context of various human civilizations

Источник: составлено автором

Гептархия

Такова структурная логика построения вестернологии. Все начинается с постулата многополярности, множественности цивилизаций, которую можно приблизительно и предварительно свести к модели гептархии, т. е. к 7 главным цивилизациям:

1. западной,
2. русской,
3. китайской,
4. индийской,
5. исламской,
6. латино-американской,
7. африканской.

Причём 4 из них уже оформлены в государства-цивилизации:

1. коллективный Запад, NATO-land;
2. Россия–Евразия, Русский мир;
3. Великий Китай;
4. Великая Индия (Акханд Бхарат).

Остальные 3 представляют собой констелляции отдельных национальных государств, объединённые религией, культурой, географией, историей, экономикой и т. д., но ещё не сплотившиеся в единую политическую и геополитическую систему.

Собственно, многополярность и создаётся через построение вестернологии

и помещение вестернологических процедур, самым общим образом представленных в данных схемах, в основание новой архитектуры международного полицентричного порядка.

Вестернологическое древо русской цивилизации

Следующим шагом является построение вестернологической модели применительно к каждой из цивилизаций. Очевидно, что отношение к Западу и история взаимных контактов с ним в ходе колонизации или цивилизационного противостояния у каждой из больших человеческих цивилизаций представляют собой нечто *уникальное* и не подпадающее под единообразную схему.

Так, в отношении содержания и природы русской цивилизации можно услышать 2 противоположных мнения:

- это – *часть западной цивилизации*,
- это – *полностью самобытная цивилизация* (не западная и не восточная, а евразийская).

Это противоречие разрешается схемой (рис. 5), где дан график истории русской цивилизации, начиная с её корней. Именно такую схему и следует взять за

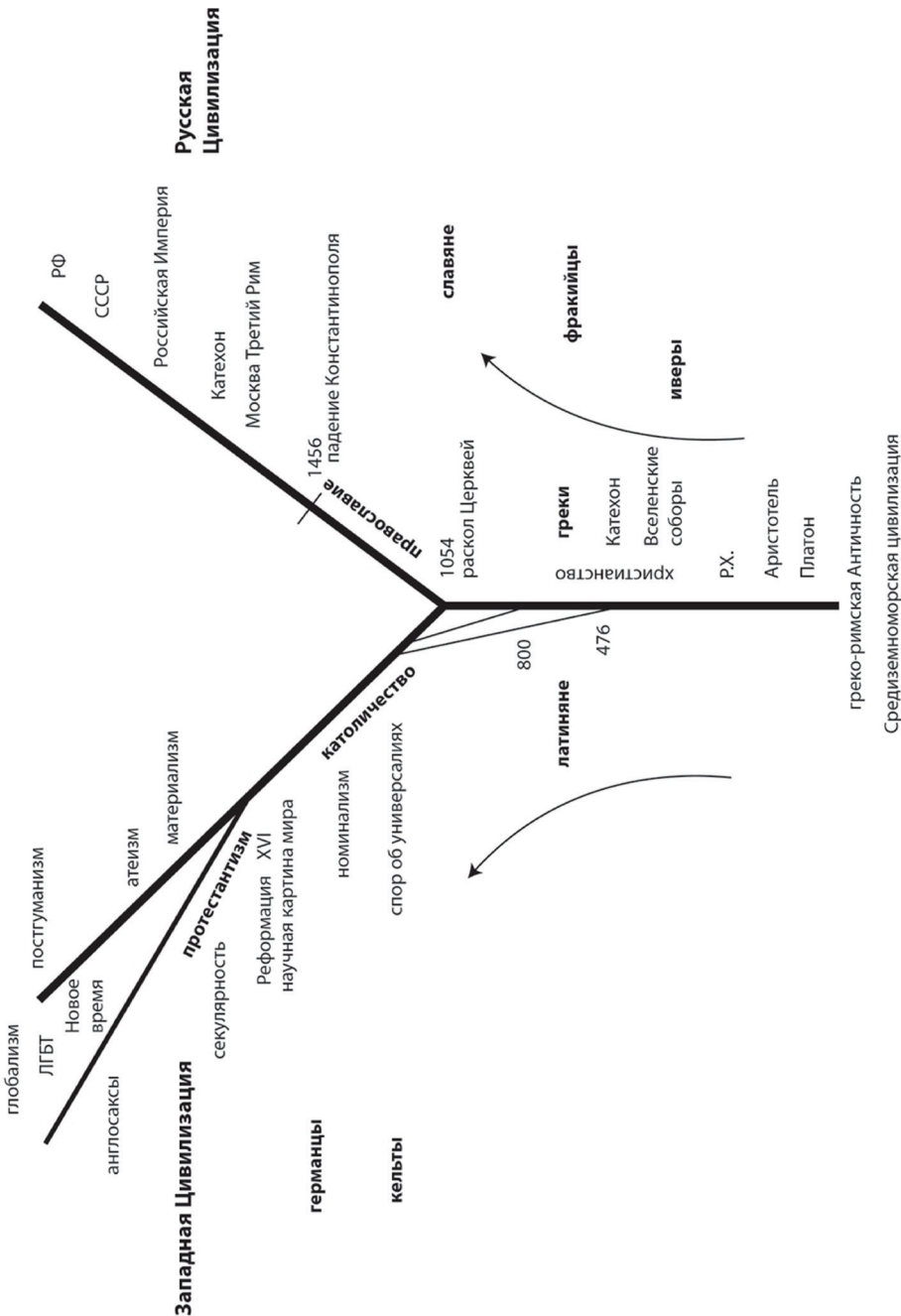

Рис. 5 / Fig. 5. График истории русской цивилизации / The Graph of the history of Russian civilization

Источник: составлено автором

основу построения *русской версии венетологии*.

Наглядно показано, как решается противоречие между утверждениями о том, что «Россия – цивилизация западная» и «Россия – незападная». В исторической перспективе мы видим, что Россия является *наследницей христианской цивилизации по византийской линии*, а сама византийская православная культура является прямым продолжением греко-римской традиции с греческими корнями (прежде всего воплощёнными в философских системах Платона и Аристотеля). Поэтому до определённого момента русская цивилизация и её предшественница византийская цивилизация являются *одним и тем же* с западноевропейской цивилизацией – также христианской, греко-римской и платоновско-аристотелевской по своим истокам, а с какого-то момента они *разделяются*. Восточные славяне включаются в византийский контекст и выступают в её наследие незадолго до момента окончательно раскола христианства на западную (католическую) и восточную (православную) ветви, поэтому большинство исторического времени наше становление проходит уже в отдалении от западно-европейского католического Средневековья, и дистанция с Западной Европой со временем только возрастает, но до церковного раскола XI в. и греко-византийская православная линия, и римо-католическая представляли собой *нечто целое*. А значит, в своих истоках и наша русская цивилизация может рассматриваться как *продолжение этого греко-римского синтеза*. Причём с содержательной культурной духовной и интеллектуальной точки зрения, доминантой греко-римского синтеза и в христианскую, и в дохристианскую эпохи была именно *греческая идентичность*, и даже решающий во многом фактор Римской Империи был продолжением Греческого царства Александра Великого, в свою очередь, вписанного в непрерывную месопотамскую традицию

Всемирной Империи [10]. А всё содержание римской имперской культуры после символической передачи миссии от Селевкидов Риму тем более было лишь *латинским переводом* или в лучшем случае *латинскими вариациями на греческие темы*.

Запад превращается в свою противоположность

Латинизация греко-римской традиции, которая следовала за расколом церквей в XI в., не была прямым продолжением более древнего латинства, но своего рода *нововведением*, где латинский рационализм и явное тяготение к юридической однозначности и формализму наложилось на новые факторы – германскую и кельтскую идентичности, в изначальном греко-римском контексте большой (а тем более решающей) роли не игравшей. Поэтому следует различать то, что мы понимаем под «латинством» *до* и *после* 1054 г. Естественно, эту дату раскола церквей стоит брать как символическую, и процессы разделения христианского Востока и христианского Запада прослеживаются намного раньше – ещё в V в. и в эпоху завоевания германскими племенами Рима, и далее в моменте узурпации статуса Императора Рима франкским королём Карлом Великим в 800 г. Да и в IX и X столетиях, накануне раскола, отношения между Востоком и Западом христианской экумены были весьма проблематичными. Но с XI в. мы видим уже чёткое и однозначное *необратимое разделение некогда единой цивилизации на 2 строго различных течения*, и расстояние между ними со временем только *возрастает*.

Поэтому в своих корнях русская (православная) цивилизация *едина* с западной (греко-римской). Затем она следует только за византийским вектором, а на последних этапах полностью перенимает византийскую миссию в религии и политике и становится единственным историческим выражением Катехона, удерживающего, вступая в полноту наследия,

статуса Всемирной Империи, уходящей корнями в Рим, в греческое царство, и ещё глубже – к Империи Ахеменидов и вавилонян (Навуходоносор) [10]. Это отражено в знаменитом учении Москва – Третий Рим [6]. И после падения Константинополя в 1453 г. в скором времени Россия осознаёт себя *избранным ковчегом всей греко-римской цивилизации и христианской экумены* с общими корнями, уходящими к истокам христианства, Империи и греческой духовной и философской культуры.

Спор об универсалиях: поворотная точка в судьбе Запада

Конечно, православная и католическая цивилизации не сразу окончательно разошлись даже после раскола церквей и до какого-то момента имели довольно много общего.

Существенным поворотом от единого наследия стал *спор об универсалиях*, который во многом определил судьбу западной философии и теологии, но который при этом был совершенно чужд Византии, и, следовательно, православному миру в целом, включая русских. Точнее, в этом споре столкнулись 3 философские парадигмы – идеализм, реализм и номинализм, 2 из которых – идеализм Платона и реализм Аристотеля – изначально присутствовали и преобладали в греческой культуре и органично перешли затем в христианское богословие, став его метафизическим основанием, но третья – *номинализм* – была чем-то совершенно чуждым и христианской мысли, и греко-римской традиции и ранее имела маргинальный статус в форме натурфилософии и античного атоизма.

Номинализм, представленный в схоластике вначале Иоанном Росцелином, а позднее несколькими поколениями францисканских монахов вплоть до Д. Скота и У. Оккама, вопреки идеалистам-платоникам (допускавшим существование идеи без вещи) и реалистам-аристотелианцам (признававшим реальность идеи

в вещи, но не допускавшим автономного существования ни идей самих по себе, ни вещей самих по себе) утверждал, что существуют *только сами вещи* – материальные, телесные и индивидуальные, а их обобщённые образы – эйдосы, концепты и т. д. – являются не чем иным как *случайными классификационными схемами*, «просто именами» (отсюда термин «номинализм» от латинского *nomen* – имя), «сотрясением воздуха» (*flatus vocis*). Таким образом, закладывалась совершенно *иная модель реальности*, в которой истинным существованием наделялись только *индивидуальные материальные вещи*, а всё идеальное полностью лишалось автономного бытия. С точки зрения номиналистов, универсалий не существует. А Бог творит все вещи мира в их раздельном материально-телесном выражении. Имена же даются вещам случайным образом для удобства классификации.

Показательно, что основатель номинализма французский философ и богослов Иоанн Росцелин не побоялся применить этот принцип и к толкованию догмата о Святой Троице, заявив, что её Лица следует рассматривать как отдельных индивидуальных «богов», а не единое Божество, как учит православная и католическая традиции. Это мнение было категорически отвергнуто как ересь католиками, и в целом номинализм вплоть до начала протестантской Реформации считался неортодоксальным учением, представители которого неоднократно подвергались Римом анафеме.

Восхождение номинализма

На периферии католической мысли – и особенно в Италии эпохи Возрождения, в Англии и более узко в Ордене Францисканцев эта парадигма, тем не менее, была широко распространена, но по-настоящему она стала доминировать лишь после Лютера и волны протестантских реформ. Номинализм параллельно религии стал *главной догмой научной картины мира*, складывавшейся параллель-

но Реформации, пока не превратился в фундаментальную и абсолютную аксиому западного понимания природы реальности – как в естественных науках, так и в богословии, в толковании природы общества, политики, человека и т. д. Католическая традиция до конца номинализм так и не приняла, но её влияние на доминантное мировоззрение Западной Европы в Новое время постоянно сокращалось, пока не стало в свою очередь чем-то маргинальным.

И напротив, в православном мире, в Византии и в традиционной дореволюционной России, эта метафизическая установка осталась чуждой и распространялась исключительно под прямым воздействием западноевропейской науки и культуры Нового времени. *Внутрицивилизационных оснований для номинализма в православной и русской цивилизации никогда не было.* Все теории, учения и школы, основанные на презумпции номинализма, и в частности, материализм, атеизм (как крайнее развитие номинализма, утверждающее, что «Бог» это всего лишь «имя»), атомизм, прогрессизм, капитализм, индивидуализм, позитивизм на православный Восток приходили *извне*, из контекста западной цивилизации, где они утвердились в качестве основополагающей и не подлежащей постановке под сомнение метафизической догмы.

Номинализм стал важнейшим *водоразделом* в философии и онтологии между двумя расходящимися векторами некогда единой цивилизации. Применительно к богословию именно номиналистский подход предопределил идеологию протестантизма. Важнейшим моментом Реформации было отвержение её вождями и теоретиками католического (а ранее православно-католического) учения о Церкви как о онтологически необходимом для спасения институте. Само бытие Церкви мыслилось католиками и православными как духовная инстанция, ос-

нованная на таинствах и объединяющая христиан *в нечто единое*. В определённом смысле такое представление о Церкви делало её *универсалией*, т. е. именно тем, что номиналисты отрицали. Протестанты же считали реально существующим только отдельных индивидуумов и настаивали на том, что их отношение с Богом является исключительно *личным* делом. Отвергали они и таинства, и само бытие Церкви, поставив на её место простое собрание отдельных верующих – конгрегации, которые могли свободно обсуждать различные вероисповедательные вопросы, и если сходились во мнении, то продолжали регулярно встречаться для совместных молитв и проповедей, а если нет, то её члены могли свободно перейти в другую общину или создать собственную. Тем самым номинализм в религии привёл к появлению множества протестантских толков и течений, ещё дальше уйдя от единого ствола христианской греко-римской цивилизации.

В науке номинализм привёл к атомизму и материализму, которые предопределили картину мира Нового времени. Духовное измерение было вычеркнуто из природы, и тем самым произошёл решительный разрыв с традиционными для той же греко-римской культуры представлениями о физике, уходящими корнями в учение пифагорейцев, элеатов, платоников и аристотелианцев. Нечто аналогичное атомизму и материализму мы можем обнаружить ещё у досократиков и в классической Греции – натурфилософы (Фалес, Анаксагор и т. д.), атомисты (Левкипп, Демокрит, Эпикур и т. д.), но там они были маргинальными течениями, а в христианской культуре – полностью отвергнуты и забыты [15]. Европа Нового времени снова обратилась именно к этим воззрениям и на сей раз поставила их *в центре* своего научного мировоззрения. Это сделало разрыв с прежними эпохами ещё более радикальным.

Англия как авангард мировой модернизации

Постепенно номинализм проник и в гуманитарные науки, политические и экономические учения, что выразилось в индивидуализме, демократии и капитализме. Причём более всего продвинулись на этом пути те европейские страны, в которых номинализм распространился одновременно на все основные области – религию (протестантизм), политику (либерализм, парламентаризм, демократия), экономику (капитализм), науку (эмпиризм, механицизм), философию (утилитаризм, материализм, позитивизм) и т. д. Постепенно в этом качестве лидерство закрепилось за *Англией*, которая создала глобальную колониальную Империю, распространив идеологию Нового времени и свойственный ей технологически уклад на территорию всей планеты.

Именно в Англии раньше всего возник номинализм и получил там наибольшее развитие ещё со времён Средневековья, что выразилось в склонности к *эмпирике* у многих богословов (Р. Бэкон, Д. Скотт), собственно в номинализме таких философов, как У. Оккам, научной программе Ф. Бэкона, Т. Гоббса, И. Ньютона, Д. Локка и т. д. Реформация, начавшись в Германии, быстро перекинулась на Англию, где достигла самых крайних форм, включая цареубийство (Английская революция и диктатура Кромвеля). В Англии сложились первые *научные* институты – «Незримая коллегия» и «Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе». Там же бурными темпами развивались *индустриализация* и *капитализм*. А философия *индивидуализма*, *либерализма* и *утилитаризма* стала отличительной чертой именно английской культуры Нового времени. Из Англии эти тенденции были перенесены на британские колонии – прежде всего в Северную Америку – и распространялись на остальные европейские страны. Так западноевропейская цивилизация стано-

вилась всё более *англосаксонской*. В XX в. её центр сместился в США, которые после Второй мировой войны стали безусловным лидером западного мира и одной из двух сверхдержав (наряду с СССР).

Англосаксы отошли от греко-римских корней на максимально возможное расстояние

С точки зрения содержательной модели, цивилизация современного Запада, всё более полно совпадающая именно с англосаксонской цивилизацией, ушла от греко-римской эпохи *максимально далеко*. И по мере этого удаления от своих истоков англосаксы постоянно пересматривали и переписывали свою и мировую историю, подчёркивая, выделяя и прославляя в ней именно те стороны, которые соответствовали этой новой парадигме, и критикуя, отбрасывая или забывая те, которые ей противоречили. Так, к XXI в. англосаксонская цивилизация стала представлять собой почти полностью *перевернутую версию* изначальной греко-римской и средневековой христианской цивилизации. В таком состоянии она оказалась в оппозиции своим же традиционным ценностям – платоническому учению об идеях, аристотелевскому реализму, полноценному христианству (с догматами, символами, таинствами, учением о церкви, христоцентричной антропологией и т. д.), идее Империи, сословному обществу, ценностным иерархиям, даже семье и самому человеческому виду, что ярко выражено в гендерной политике и ориентации на трансгуманизм. Англосаксонский либерализм и глобализм, особенно левого толка, представляют собой *прямую антитезу* цивилизации того Запада, которым он был изначальным.

Поэтому последнее тысячелетие истории привело Запад к точке, максимально удалённой от момента раскола церквей, до достижения которой она была прямо противоположной тому, чем стала позднее и к чему пришла сейчас.

Маршруты русской цивилизации

Теперь обратим внимание на русскую ветвь (рис. 5). На ней мы видим не просто отклонение от основного ствола греко-римской цивилизации за точкой Великого раскола церквей, но по сути, её *непрерывное продолжение*. И самым важным моментом в определении цивилизации, которая постепенно становилась русской – от византизма к теории Москвы – Третьего Рима – является *отсутствие в православной культуре спора об универсалиях и особенно номинализма*. Платонизм и аристотелизм сохраняли своё влияние вплоть до падения Византии в 1456 г. под ударами турок, и на позднем этапе византийской истории мы видим их в паламитских спорах, где был поставлен вопрос о природе божественных энергий Пресвятой Троицы. Между собой сталкивались разные интерпретации платонизма – у исихастов (в духе Дионисия Ареопагита [4]) и их противников Варлаама и Акиндина, а также аристотелизма. Но *никогда в истории православия вплоть до конца Российской Империи атомизм и эмпиризм не вторгались в область богословия*, оставаясь вне теологического контекста. Следовательно, в православной и руско-православной культуре отсутствовали сами *предпосылки* для того пути развития, по которому пошла цивилизация Западной Европы и который привёл её к эпохе модерна, научной картине мира и, в конце концов, гегемонии *англосаксонской* модели. Поэтому и позднее появление самостоятельной русской философии в XIX в. шло под эгидой платонизма (В. Соловьёв [13], о. П. Флоренский [14], о. С. Булгаков [2; 3]), заново открытого русским обществом – и напрямую, через переводы диалогов Платона, и опосредованно, через философские системы немецких идеалистов (прежде всего, Фихте, Шеллинга и Гегеля). При этом само православное богословие в своём ядре продолжало в полной мере византийские средневековые традиции, сохраняя цер-

ковное предание и саму онтологию Церкви (с её таинствами) по возможности в первозданном виде.

Модернизация как вестернизация: археомодерн

При этом любые течения, которые имели характер *модернизации*, в т. ч. и в сфере религии, были продуктами *внешнего влияния* и приходили со стороны западноевропейской цивилизации. Этот процесс модернизации русского общества и русской культуры был фундаментально *экзогенным* и не имел в самой русской культуре никаких автохтонных, *эндогенных* предпосылок. Модернизация и вестернизация России – *синонимы*. От прямой колонизации этот процесс отличался лишь тем, что Россия смогла в течение последних столетий сохранить свой политический *суверенитет* и государственную независимость. Но с точки зрения цивилизационного содержания, *модернизация представляла собой установление гегемонии Запада над самобытным и суверенным цивилизационным сознанием русского общества*. При этом основной вектор в этом процессе был направлен *строго против глубинной идентичности России* и её цивилизационной природы. Именно это порождало конфликты между прозападными элитами и русскими массами с эпохи раскола и особенно в период петровских реформ и при продолжателях его дела. Современная наука была перенесена на русскую почву с Запада, где она сложилась в совершенно отличных от православия философских и исторических условиях. Это же во многом касалось культуры, искусства, политических идей, гуманитарных дисциплин и даже некоторых богословских течений, которые оказались под воздействием католицизма и протестантизма.

Однако цивилизационное ядро России сохранялось *нетронутым*, и всякий раз, когда давление модернизаторов ослабевало, русское общество постепенно

возвращалось к своей идентичности, эксплицитно или имплицитно восстанавливая органичные пропорции своей самобытности.

Таким образом, русская цивилизация в своём ядре не только не стала антитезой греко-римскому стволу, но и не удалась от него на критически большую дистанцию. А если и удалась, то лишь под прямым *экзогенным* (!) влиянием Запада как отличной и внешней по отношению к России цивилизации.

Шпенглер назвал это явление «*псевдоморфозом*» [17]. В нашей лексике мы обозначили его как «*археомодерн*» [5]. Речь идёт о том, что в процессе модернизации России элементы одной цивилизации (современной западной) накладывались хаотично и почти случайным образом на другую цивилизацию, организованную вокруг её русско-византийского православного ядра. Так проходила *экзогенная вестернизация русского общества*, не имеющая эндогенных предпосылок, но силовым образом накладываемая прозападной элитой поверх совершенно отличных цивилизационных парадигм. В результате сложилась *гетерогенная модель*, отчасти современно-западного, а отчасти русско-традиционно-православного симбиоза двух ядер – более западного в случае элит (но не всех элит) и более архаического и традиционного в случае масс.

Ярче всего это можно проследить в спорах славянофилов и западников XIX в., когда первые отстаивали цивилизационную самобытность России, призывая освободиться от привнесённых из другой цивилизации элементов, а вторые, наоборот, рассматривали Россию как часть западного мира и призывали к ещё более ускоренной и полной вестернизации и модернизации.

Большевистский археомодерн

По пути модернизации пошли в XX в. большевики, стремясь на сей раз трансформировать идентичность народных

масс, навязав им идеологическую модель, заимствованную в западном марксизме. Но успех большевистской революции и дальнейшее конструктивное строительство социализма во многом были результатом именно *цивилизационной самобытности русского народа*, который мобилизовался для отстаивания своей идентичности, пусть и на основе западного по происхождению и структуре политического учения, на самом Западе остававшегося маргинальным. Это было ещё одной формой русского археомодерна, где под влиянием специфических большевистских элит, но на основе цивилизационного ядра русского народа, сложилась сложная и во многом противоречивая система, ставшая полюсом *цивилизационного противостояния* с Западом.

Так, даже в условиях интенсивной модернизации и слома традиционных ценностей Россия оказалась в цивилизационном антагонизме с Западом. Полнее всего этот дуализм проявился во второй половине XX в., когда сложилась двухполюсная модель мировых систем – социалистическая с центром в советской России и капиталистическая с центром в англосаксонских Соединённых Штатах Америки.

СВО: столкновение цивилизаций

После краха СССР началась новая волна вестернизации, на сей раз в контексте *либеральной идеологии*. Это стало моментом капитуляции России как цивилизации перед лицом либерального Запада. Но при этом на уровне религии стало восстанавливать свои позиции русское Православие как основное ядро цивилизационной идентичности.

При Путине снова стало расти самосознание общества, и параллельно восстановлению политического и государственного суверенитета начался растянутый во времени процесс поворота России к своим *цивилизационным корням*. Это сопровождалось нарастающим разочарова-

нием в либерализме и повышением уровня конфронтации с Западом.

Так, Россия постепенно становилась самостоятельным полюсом многополярного мира, и параллельно усиливалась субъектность других цивилизаций и государств-цивилизаций (Китая, Индии), что бросало вызов гегемонии либерального Запада.

После начала специальной военной операции (СВО) 24 февраля 2024 г. конфликт с Западом вошёл в горячую стадию, и на сей раз он был осмыслен властью и обществом как полноценное *столкновение цивилизаций* [16]. Причём уже не *опосредованно*, как было в случае советской идеологии, но напрямую – в терминах, близких к позициям русских славянофилов (И. В. Кириевского, А. С. Хомякова, братьев И. С. и К. С. Аксаковых, К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского и т. д.), евразийцев (Н. С. Трубецко, П. Н. Савицкого, Н. Н. Алексеева и т. д.) и монархистов (И. А. Ильина, Л. А. Тихомирова, И. Л. Солоневич и т. д.). Именно тогда, при президенте РФ В. В. Путине, был подписан указ № 809 о защите *традиционных ценностей*, и, собственно, встал вопрос о вестернологии¹.

В такой ситуации поляризация с цивилизацией Запада стала очевидной, наглядной и контрастно выраженной, и вся вестернологическая картина, представленная на рисунке 5, приобрела своё значение. На ней наглядно содержится ответ на вопрос, является ли Россия западной цивилизацией или чем-то особенным и самобытным, т. е. иной цивилизацией. В своих корнях – да, но постепенно пути России и Запада всё больше расходились, пока они не стали *двумя антагонистическими полюсами*, двумя совершенно различными цивилизациями, более того,

находящимися в ценностной и геополитической конфронтации.

Также ясно очерчена преемственность в отношении Византии, христианской Империи, греко-римской культуры.

У других цивилизаций, безусловно, вестернологическая карта будет иметь совершенно иной вид, но какой именно, следует рассмотреть в отдельных статьях. Пока же стоит ограничиться русской версией.

Греческая доминанта

Последнее, на что стоит обратить внимание при рассмотрении вестернологической схемы, это *этнический контекст*, в котором проходили основные цивилизационные процессы.

Следует подчеркнуть, что истоки всей рассматриваемой нами системы – *греческие*. Это касается языка, культуры, философии, основных понятий и представлений, на которых либо прямым, либо обратным (как в случае англосаксонского либерализма) образом строится цивилизационная идентичность. Конечно, сама древнегреческая цивилизация испытывала влияния и Месопотамии, и Египта, и семитских культур, и иранского зороастризма, но тем не менее именно она представляла собой нечто *цельное и органичное*, что впоследствии определило содержание христианской культуры, а несколько раньше культуры имперского Рима. Огромное значение имеет и тот факт, что Ветхий Завет был переведён вначале именно на греческий – Септуагинта, а Евангелия были написаны на греческом языке. Даже идея Империи была передана латинянам греками (Селевкидами и другими эллинистическими правителями бывшей Империи Александра Великого). В ещё большей мере на латинян повлияли греческая философия, культура и религия, предопределив основные семантические узлы культуры имперского Рима. Театр, философия, религиозные мифы, искусство в целом – всё это было по сути *переводом* на латинский

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022. // Собрание законодательства РФ. 2022.

язык греческих образцов и школ. Даже знаменитая любовь латинян к области права свои истоки имела в законах и правовой мысли греческих полисов. То, что называется «латинской культурой имперского периода» было переводом с греческой и латинской версии именно греческих смыслов и парадигм.

Перенос императором Константином столицы Римской Империи в Византию (Константинополь) был логическим движением в контексте *единого греко-римского культурного пространства*, но и предшествовавшие периоды в истории Средиземноморья, после начала римских завоеваний его восточных областей, были основаны на *греческом содержании*, которое постепенно переходило в латинские формы.

Греческое и латинское начала в греко-римской цивилизации не были равнозначными и равновесными. Основная фундаментальная парадигма всей этой цивилизации была именно *греческой* – не столько в языковом, сколько в семантическом измерении.

Кельто-германский фактор в модернизации Запада

Дальнейшее разделение Запада и Востока не было автономизацией греческого и латинского начал в общем контексте средиземноморской имперско-христианской культуры. И в латинской части до определённого момента по-прежнему преобладали греческие смыслы, лишь переведённые на латинский язык. И хотя язык имеет большое значение, смысл *первичнее* и важнее. Поэтому едва ли можно объяснить отклонение христианского Запада от христианского Востока чем-то «латинским» или «римским». Намного более важным фактором было усиление влияния *германских и кельтских* народов, которые стали реципиентами греко-римского христианства и римско-имперской политической традиции. Влияние этого ядра нарастает по мере удаления Запада от общего греко-латинского ство-

ла, а тот факт, что Западная Европа сохраняет своим койне именно *латинский* язык, остающийся до сих пор языком католической мессы и бывший общеевропейским языком философии и науки, едва ли можно признать определяющим, поскольку латынь несла в себе фундаментальное влияние греческой парадигмы.

Собственно, Новое время в Европе как начало полного *разрыва* со своими предшествующими этапами и глубинными корнями начинается тогда, когда формируются национальные системы западноевропейских народов в двух полюсах – *германском и кельтском*. Причём то обстоятельство, что полнее всего европейский модерн воплощён в *англосаксонских* культурах, объясняется тем, что в Англии произошло *наложение германского и кельтского начал* [7], что постепенно привело к отдалению от латинского наследия и восстанию против католического Рима. Западная современность достигла своего наиболее острого и интенсивного проявления именно в кельтско-германской среде Северной Европы, тогда как католический и латинский юг от Австрии через Италию и до Иберийского полуострова оставался более связанным с предыдущими эпохами. Это довольно ярко отразилось в религиозных войнах XVII в. между протестантами и католиками, с поправкой на то, что Франция, будучи католической и латиноязычной, выступала против католической Австрии. Более того, уже с XIV в. во Франции появляется течение галликанства, аналогичное англиканству в Англии и настаивавшее на автономии французской церкви от власти Римских пап [8].

Окончательный переход к принципу наций и отказ от духовной юрисдикции Рима стал следующим шагом в модернизации Западной Европы, её секуляризации и отдаления от греко-римских корней.

Католические страны Южной Европы в процессе модернизации занимали более умеренные позиции, что сказалось на

2 типах колониальных обществ в Новом свете – более *модернизированных* англосаксонских протестантских колоний и более *архаичных* латинских и католических (испано-португальских). По сути, это обусловило выделения латино-американской цивилизации в нечто самостоятельное и отличное как от США, так и от современной западной цивилизации в целом.

Русское ядро

В православной цивилизации тоже произошли определённые *этнические* сдвиги. Здесь греческое начало сохраняло своё доминантное положение вплоть до падения Константинополя, что в определённой мере и позволяет рассматривать православную традицию как *аутентичную и изначальную*, основанную на непрерывности культурной парадигмы с эпохи греческой Античности и вплоть до XIV в. При этом другие народы, принимавшие православие – грузины, болгары, сербы, румыны и русские – брали за образец именно греческие смыслы и формы и до определённого момента двигались в русле византийской культуры и традиции.

Греческое начало не замещалось и не опосредовалось латынью, значение которой в православной культуре было невелико.

В поздние периоды Византии болгары, сербы и румыны выдвигали идеи о преемственности византийской цивилизации и претендовали на роль Катехона, т. е. полюса православной экумены, но в XV в., когда Византия пала окончательно, в состоянии подхватить миссию Константинополя смогла только Россия [6]. И с этого момента единственный раз в истории греко-римской цивилизации в её наиболее аутентичном византийско-православном издании *сменился доминирующий этнос* – с греческого на русский. Другие православные народы либо утратили политический суверенитет (болгары, сербы, румыны под осма-

нами), либо (как в случае Грузии) им не хватало масштаба для того, чтобы претендовать в полной мере на роль всемирной христианской Империи. Только Московская Русь оказалась в состоянии провозгласить себя Третьим Римом и продолжить историю цивилизации. Так, русский народ стал *новым ядром древней цивилизации*. И хотя под влиянием Запада и модерна в последние столетия устои этой цивилизации были существенно поколеблены, а в определённые эпохи и подвергались целенаправленному уничтожению, в сердцевине русского народа и в непрерывном историческом бытии русской Церкви эта цивилизация и её основные смысловые узлы сохранились вопреки всему.

И в моменте прямого и жестокого столкновения с западной цивилизацией обращение к этому уровню русской идентичности является главным залогом нашей Победы.

Выводы

Проведённый анализ позволяет в очередной раз зафиксировать ту мысль, что Россия к цивилизации Запада в любой модификации западной эпистемы не принадлежит. Перенос западных парадигм и установок в российский цивилизационный контекст поражает суверенные потенциалы России как государства-цивилизации. Русский постмодерн, как и русский модерн есть слова-оксюмороны. И постмодерн, и модерн являлись продуктом западного цивилизационного развития, и их перенос в Россию, равно как и в иные цивилизации, является западнической экстраполяцией. Ранее такой же искусственной экстраполяцией западных эпистем являлись эволюционный подход и теория общественных формаций.

Подтверждая в очередной раз позицию о том, что Россия не есть в цивилизационном смысле Европа, результаты исследования позволяют внести важное дополнение, объясняющее близость определённых образов и форм куль-

турной рефлексии. Исторически протозападное и протороссийское сообщества действительно составляли единую цивилизационную общность. Однако внутренние противоречия привели на определённом историческом этапе (XI в.) к цивилизационному расколу. Далее кристаллизовавшиеся по результатам этого раскола 2 цивилизации всё более дистанцировались друг от друга. Цивилизации России и Запада всё более превращались в цивилизационных антагонистов. На современном этапе раскол достиг исторического максимума.

Цивилизационное дистанцирование не означало отсутствия попыток идеологических и культурных экстраполяций. Напротив, такие попытки даже усиливаются. Но чем больше была цивилизационная дистанция, тем разрушительней оказывались соответствующие переносы.

России сегодня необходимо перейти на цивилизационные эпистемы. Применительно к себе – отбросить западные установки; применительно к Западу – отбросить претензии на универсальность.

Дата поступления в редакцию 26.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Боас Ф. Антропология и современность. М.: Альма-матер, 2024. 39 с.
2. Булгаков С. Н. Философия имени. Париж: YMCA-press, 1953. 278 с.
3. Булгаков С. Н. Свет не вечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 414 с.
4. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя; Издательство Олега Абышко, 2002. 854 с.
5. Дугин А. Г. Археомодерн. М.: Академический проект, 2022. 255 с.
6. Дугин А. Г. Москва Третий Рим. Семь диспенсаций Русской Идеи. СПб.: Владимир Даль, 2024. 239 с.
7. Дугин А. Г. Ноомахия. Англия или Британия? Морское могущество и позитивный субъект. М.: Академический проект, 2015. 595 с.
8. Дугин А. Г. Ноомахия. Французский Логос. Орфей и Мелюзина. М.: Академический проект, 2015. 439 с.
9. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 399 с.
10. Малофеев К. В. Империя. В 3 т. М.: АСТ, 2022. 1520 с.
11. Ницше Ф. В. Веселая наука / пер. с нем. М. Кореновой, С. Степанова, В. Топорова. СПб.: Азбука-классика, 2006. 349 с.
12. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2016. 672 с.
13. Соловьев В. С. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 822 с.
14. Флоренский П. А. Сочинения. Т. 1. М.: Правда, 1990. 842 с.
15. Фрагменты ранних греческих философов / сост. А. В. Лебедев. Ч. 1. М.: Наука, 1989. 576 с.
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новиковой. М.: АСТ, 2003. 603 с.
17. Шпенглер О. Закат Западного мира / пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Альфа-книга, 2014. 1088 с.

REFERENCES

1. Boas F. *Antropologiya i sovremennost* [Anthropology and modernity]. Moscow, Alma-mater Publ., 2024. 391 p.
2. Bulgakov S. N. *Filosofiya imeni* [Philosophy of the name]. Paris, YMCA-press Publ., 1953. 278 p.
3. Bulgakov S. N. *Svet nevecherniy. Razmyshleniya i razmyshleniya* [Non-evening light. Contemplation and speculation]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 414 p.
4. Dionisiy Areopagit. *Esse. Tolkovaniya Maksima Ispovednika* [Dionysius the Areopagite. Essays. Interpretations of Maximus the Confessor]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., Izdatelstvo Olega Abyshko Publ., 2002. 854 p.
5. Dugin A. G. *Arkheomodern* [Archeomodern]. Moscow, Akademicheskij proyekt Publ., 2022. 255 p.
6. Dugin A. G. *Moskva – Tretiy Rim. Sem ustroyeniy Russkoy Idei* [Moscow Third Rome. Seven dispensations of the Russian Idea]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2024. 239 p.

7. Dugin A. G. *Noomakhia. Angliya ili Velikobritaniya? Morskaya sila i pozitivnaya tema* [Noomakhia. England or Britain? Sea power and positive subject]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2015. 595 p.
8. Dugin A. G. *Noomakhia. Frantsuzskiy logotipy. Orfey i Melyuzina* [Noomakhia. French Logos. Orpheus and Melusine]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2015. 439 p.
9. Levi-Stross K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 399 p.
10. Malofeyev K. V. *Imperiya* [Empire]. Moscow, AST Publ., 2022. 1520 c.
11. Nitshe F. V. *La gaya scienza* (Rus. ed.: Koreneva M., Stepanova S., Toporova V., transl. *Veselaya nauka*. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2006. 349 p.)
12. Said E. V. *Orientalizm. Zapadnyye predstavleniya o Vostoke* [Orientalism. Western concepts of the East]. St. Petersburg, Russkiy mir Publ., 2016. 672 p.
13. Solovyev V. S. *Sochineniya. Tom 2* [Works. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publ., 1988. 822 p.
14. Flopenskiy P. A. *Sochineniya. Tom 1* [Works. Vol. 1]. Moscow, Ppavda Publ., 1990. 492 p.
15. Lebedev A. V., ed. *Fragmenty pervykh grecheskikh filosofov* [Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 576 p.
16. Huntington S. *Kampf der Kulturen* (Rus. ed.: Novikova Yu., transl. *Stolknoveniye tsivilizatsiy*. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.)
17. Spengler O. *Der Untergang der westlichen Welt* (Rus. ed.: Makhankova I. I., transl. *Zakat zapadnogo mira*. Moscow, Alfa-kniga Publ., 2014. 1088 p.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дугин Александр Гельевич – кандидат философских наук, доктор социологических наук, доктор политических наук, директор Учебно-научного центра «Высшая политическая школа имени Ивана Ильина» Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: vpsh@rggu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr G. Dugin – Cand. Sci. (Philosophy), Dr. Sci. (Sociology), Dr. Sci. (Political Sciences), Director of the Educational and Research Center “Ivan Ilyin Higher Political School”, Russian State University for the Humanities;
e-mail: vpsh@rggu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дугин А. Г. Вестернология: в направлении суверенной русской науки // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 6. С. 7–24.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-7-24

FOR CITATION

Dugin A. G. The map of Western Studies for the Russian Civilization. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 6, pp. 7–24.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-7-24

УДК 930.1

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-25-35

ОБРАЗ ЗАПАДА КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО АНТИПОДА В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Багдасарян В. Э.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Сформировать подходы переосмысления образа Запада на основе российского исторического опыта противостояния Западной цивилизации современного ценностно-мировоззренческого позиционирования

Процедуры и методы. Методологическую основу исследования составило сочетание цивилизационного, дискурсивного и дихотомического подходов. Применение цивилизационного подхода определяется рассмотрением конфликта России с Западом как цивилизационного столкновения, дискурсивного – обращением к истории российской общественной саморефлексии, дихотомического – гипотезой отношения к Западной цивилизации через дихотомию вопроса о добре и зле.

Результаты. Рассмотрено восприятие Запада в российском самосознании в развёртке истории России. Выделены 4 исторических этапа идеологической репрезентации Запада. Предложены подходы к переосмыслению феномена Запада на основе цивилизационной теории.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при формировании социогуманитарных парадигм нового мировоззренческого строительства России и использованы в образовательном процессе.

Ключевые слова: Запад, Россия, идеология, цивилизации, цивилизационный антагонизм, антихристианство, дехристианизация, капитализм, антицивилизация

THE IMAGE OF THE WEST AS A CIVILIZATIONAL ANTIPODE IN THE HISTORY OF RUSSIAN IDEOLOGICAL SELF-REPRESENTATION

V. Bagdasaryan*Federal State University of Education**ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To develop approaches for reinterpreting the image of the West based on Russia's historical experience of opposing Western civilization and its current value-based worldview positioning.

Methodology. The methodological foundation of the study is the combination of civilizational, discursive, and dichotomous approaches. The civilizational approach is used to examine Russia's conflict with the West as a civilizational clash; the discursive approach focuses on the history of Russian social self-reflection; and the dichotomous approach investigates attitudes toward Western civilization through the dichotomy of good and evil.

Results. The study analyzes the perception of the West in Russian self-awareness throughout Russian history. Four historical stages of ideological representation of the West are identified. Approaches to reinterpreting the phenomenon of the West based on civilizational theory are proposed.

Research implications. The results of the study can be utilized in shaping social and humanitarian paradigms for Russia's new worldview development and applied in the educational process.

Keywords: West; Russia; ideology; civilizations; civilizational antagonism; anti-Christianity; de-Christianization; capitalism; Anti-civilization

Введение

Конфликт на Украине, родившийся в 2014 г., а потом и начавшаяся с 2022 г. его острая фаза обнаружили то, что в патриотических кругах называли и ранее – существование враждебного России коллективного Запада. Границы коллективного Запада фактически совпали с военными границами НАТО. Могли быть отдельные страновые флуктуации, которые лишь подтверждали коллективность Запада и враждебность его России. При этом незападный мир, опять-таки за определёнными исключениями, принуждение к соучастию в блокаде России в основном не принял [17].

Абсурдными и неуместными в свете этого противостояния оказались популярные прежние рассуждения о России как составной части Запада или составной части Европы. Они в настоящее время модифицировались в версию – «другая Европа». Понятие «другая Европа» оставляет шансы российским западникам отыграть назад при возможных изменениях политической конъюнктуры.

Утверждение, что у России и стран Запада единая европейская идентичность следует зафиксировать как крайне опасный концепт. Из него следует, что все разногласия и противоречия есть в сути недоразумения и могут быть разрешимы посредством нового компромисса («договорняка»). Россия в версии концепта «другой Европы» оказывается гораздо ближе европейцам, чем цивилизациям Востока. А потому восточные и южные векторы для неё будто бы ошибочны, а естественен исключительно западный.

Западники сохранили свои позиции во многих институтах, включая образование и науку, и ждут политических изменений. Определённый шанс на реанимацию западничества может предо-

ставить смена администрации в Белом доме. Приход Д. Трампа способен стать искушением или предложением для российских элит для выдвижения ими новой западнической повестки. Не исключён и остракизм тех, кто окажется противником нового разворота и будет заклеен в качестве «изоляционистов» и «партии войны».

Об опасности принятия западнической повестки необходимо предупредить государство и общество. Для России она опасней любой изоляции. Вхождение в Западный мир исторически приводило Россию к утрате своих суверенных потенциалов, отказе от идентичных для себя ценностей, заменяемых ценностями западными. Такое вхождение обернулось в 1990-е гг. геополитической и цивилизационной катастрофой. Восстановление суверенных потенциалов заняло четверть столетия, сталкиваясь с сопротивлением различного рода западных бастионов.

Угрозы нового западнического поворота определяют цель переосмысления отношения России к Западу с учётом исторического опыта и современного российского ценностно-мировоззренческого позиционирования.

Тема восприятия Запада в российской саморефлексии является не просто одной из важнейших, но ключевой. Через отношение к Западу как к иному выстраивалось в значительной степени русское самопознание.

Русская религиозная мысль разворачивалась в полемике с латинством. Ключевые фигуры допетровской Руси – Владимир Креститель, Александр Невский, Иван Грозный – вошли в российский метанарратив как отвергшие западное прельщение [26]. В этот ряд целесообразно было бы добавить умученного поляками за православную веру патриарха

Гермогена. Конфликт на западнорусских и южнорусских землях начался с инициированного Брестской унией запрета православия, официально продолжавшегося до 1633 г. и фактически пролонгируемого и в дальнейшем в формате попыток униатизации востока [5; 20; 21; 27].

Петровская европеизация (а ранее европеизация царевны Софьи) стала вызовом для цивилизационного самосознания России, приведя к внутреннему расколу на «русских-русских» – большинство населения и «русских-европейцев» – дворянскую элиту. По оценке А. Тойнби, ответом на вызов петровской европеизации стали Русская революция и большевизм [29]. Полемика М. В. Ломоносова с немецкой академической группировкой по норманнской проблеме являлась, в сути, тем же вопросом выбора между европейской универсальностью и русской цивилизационной самобытностью [33].

Как известно, суть расхождений славянофилов и западников – в отношении к Западу и избранному Петром I европейскому пути развития [13]. Европа была вызовом, на который одни отвечали страгемой стать европейцами, другие – остаться православными и русскими. Но даже русские западники мыслили себе Запад по-русски не как реальность, а в качестве некой утопии, либо обращённой в прошлое, либо в будущее [35]. Основоположник цивилизационного подхода Н. Я. Данилевский назвал свой ключевой труд «Россия и Европа», т. к. именно через их оппозицию он выходил на понимание вариативности развития историко-культурных типов [14].

В тематике Русской идеи Россия рассматривалась философами серебряного века как альтер эго Запада. Философия русского зарубежья в целом приняла эту линию осмысления [23]. Евразийцы привнесли в вопрос о противостоянии России и Запада азиатскую компоненту российской репрезентации. Вместо России–Европы обнаружилась новая оппозиция – атлантизм–евразийскость [24].

Казалось бы, опирающийся на марксистскую теорию советский обществоведческий дискурс цивилизационными категориями не оперировал. Но и для советского обществоведения оппозиция капитализм–социализм являлась, в сущности, оппозицией Запад–Россия [9].

Методологическую основу проводимого исследования представляет сочетание цивилизационного, дискурсивного и дихотомического подходов. Применение цивилизационного подхода позволяет определить отношение к Западу с позиции осмысления России как государства-цивилизации. Концепт государства-цивилизации в настоящее время является официальной версией государственного самоопределения России. Использование концепта государства-цивилизация в Концепции внешней политики России практически означает, что отстаиваемая Российской Федерацией многополярность мира есть его многоцивилизационность¹. Запад является одной из мировых цивилизаций, а вовсе не универсалией развития человечества, как это заявлялось в рамках эволюционного подхода и теории модернизации. Обращение к концепту осмысления России как государства-цивилизации в Указе Президента «Об основах государственной политики в области исторического просвещения» означает практически императив перехода на цивилизационный взгляд в преподавании гуманитарных и обществоведческих дисциплин и, прежде всего, истории². Пока, надо признать, за исключением вузовского курса «Основ российской государственности» цивилизационный подход в преподавании не реализуется [34].

¹ Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 08.11.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 08.11.2024).

Применение дискурсивного подхода задаётся самой темой исследования российской общественной мысли. Отношение к Западу являлось одной из фундаментальных составляющих российского дискурса на всех без исключения этапах его исторической развёртки. Запад являлся воспроизводимым исторически вызовом. При этом содержание того, что понималось под Западом и как он политически маркировался, варьировалось.

Третий подход – дихотомический – вызывает наибольшее дискуссионное напряжение. Применение его исходит из предположения, что Запад оказывался в российском восприятии не просто «другим», а другим-антиподом. Отношение к нему выстраивалось через призму цивилизационного раскрытия категорий добра и зла. Запад мыслился как полюс зла, или для западников – полюс добра. И это является ключевой констатацией. Дихотомическая методология оказывается одновременно и гипотезой исследования.

Первый период цивилизационного антагонизма: Запад как еретическая общность

Выдвижение темы оппозиции Россия–Запад может вызвать (и вызывает) возражения. Суть возражения – производность обоих сообществ от единого римского христианского мира. Проекту *Pax Christiana* предшествовал, проект *Pax Romana*. И Аристотель, и Платон, и противостояние Афин со Спартой принадлежали как Западу, так и Византии, а через неё – России [22]. Действительно, цивилизационные истоки у цивилизаций Запада и России частично совпадали. Будучи когда-то единой христианской цивилизацией, они далее дистанцировались. Историю этого размежевания описал А. Г. Дугин¹, датируя переход рубежа окончательного разъединения XI в. и

связывая его с расколом церковей. Будучи когда-то единой по истокам и преемству цивилизацией, новые общности оказались цивилизационными антагонистами. Существование других цивилизаций – китайской, индийской, арабской, японской – не могли изменить цивилизационного бытия России. Другое дело, Запад – само его существование и развитие означали вызов для российской цивилизационной легитимности. Но и российское цивилизационное существование являлось вызовом для Запада.

Легитимизация обоих сообществ шла непосредственно от Христа. Политически она выражалась в легитимизации Христианской империи. Но двух империй, как и двух трактовок христианства, быть не могло. Наличие альтернативной трактовки означало, что одна из сторон является еретиком и узурпатором. Еретичество возведённое на уровень цивилизационного существования позволяло маркировать соответствующее сообщество как антихристианское, а в эсхатологической перспективе – антихристово. Запад, таким образом, оказывался для православной Руси не иным христианством, а империей антихриста. Впрочем, на Западе в таком же качестве трактовали Русь. Римский папа воспринимался как лжепророк, а папский престол как престол антихриста [3].

К гибеллинам отношение на Руси, и в целом в православном мире, было гораздо лучше, чем к папской партии – гвельфам. Протестанты являлись более приемлемы, чем католики, т. к. они боролись с папским антихристовым престолом [8; 12; 32; 36].

Будучи западником, Петр I изгоняет дважды из России иезуитов. Его западничество с ориентацией на протестантские страны было более приемлемо для Русской Церкви, чем западничество двора царевны Софьи – с ориентацией на круг стран католических. И патриарх Иоаким в борьбе за престол не случайно поддержал группировку Петра, что стало важнейшим фактором её победы. Более

¹ Дугин А. Г. Вестернология: в направлении суверенной русской науки // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 6. С. 7–21.

жёсткое неприятие католиков в сравнении с протестантами тем показательней, что Реформация гораздо радикальнее разрывала с церковной традицией, на которой стояла Русская Церковь [2; 19].

Сообразно с историософией Третьего Рима Запад пал, впад в ересь. Соответственно, образ Запада для русского средневекового сознания был, прежде всего, сопряжён с еретичеством. Борьба с Западом мыслилась как религиозная война. Её эсхатологическое прочтение состояло в противоборстве Святой Руси антихристовым силам.

Второй период цивилизационного антагонизма: Запад как общность дехристианизации

Петровская европеизация привела к созданию институтов западничества на высшем государственном уровне России. Одной из таких институций стала петербургская Академия наук. Отношение к Западу варьировалось по правлениям и зависело от личности императора. Было отмечено, что правители-западники и антизападники в России менялись в строгой последовательности через одного.

Безусловным потрясением в восприятии Запада и основанием переоценки западной политической мысли стала в глазах российского общества и высшей власти Великая Французская революция. Казнь короля, конвейер гильотины, погромы церквей стали следствием распространения модных просветительских идей, что давало основание поставить их под сомнение, а вместе с ними – и саму западную культуру. Русское западничество распалось фактически на 3 направления: либеральное, революционное и консервативно-католическое. На формирование консервативно-католического направления существенное влияние оказал переехавший в Петербург Ж. де Местр [16]. Версию деместровской историософии развивал, в частности, П. Я. Чаадаев [25].

Идеологическая модификация взгляда на Запад происходит в Российской им-

перии в период правления Николая I [31]. Триада Православие–Самодержавие–Народность подразумевала не только то, что Россия стоит на этом фундаменте, но и о том, что Запад его лишён. Известно, что русская триада была предложена как оппонирование триаде Великой Французской революции – Свобода, Равенство, Братство. Запад в противоположность России раскрывался как антихристианский (противоположность православной России), республиканский или конституционалистский (противоположность самодержавию) и индивидуалистический или партийно-групповой (в противоположность народности). Не исключено, впрочем, что на выдвижение триады оказал влияние испанский национал-консерватизм с его триадной формулой – Народ, Вера, Держава [4; 11; 30].

Необходимость идеологической коррекции в репрезентации Запада определялась тем, что он существенно изменился. Это уже не был Запад католический, обвиняемый на Руси в еретичестве. Новый Запад перешёл на позицию секулярного общества. Критика Запада с позиций российского консерватизма состояла в его дехристианизации. В распространении западных идей в России виделись угрозы её расхристианивания¹. Союзниками в борьбе с дехристианизацией виделись русской власти европейские правые, прежде всего, роялисты. Крымская война, в которой западное сообщество – и левые, и правые – выступило консолидированно против России, и стала провалом проекта российского консервативно-христианского лидерства [28].

Поддерживаемый усилиями Российской империей Священный союз императоров распался. В дальнейшем Россия предпочла альянс с западными секуляристами – Англией и Францией – против

¹ Высочайший Манифест о событиях в Западной Европе (1848 г., марта 14) // Русский портал Ж [сайт]. URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1848_03_14_01 (дата обращения: 08.11.2024).

центральноевропейских консервативных монархий – Германией и Австро-Венгрией. Идеологически неправильный союз в Первую мировую войну приблизил геополитическую катастрофу России 1917 г.

Третий период цивилизационного антагонизма: Запад как капитализм

Большевизм исторически вышел из революционного западничества. Но реальный Запад, буржуазный, отличался от Запада должного, коммунистического. Вопреки марксистской логике революций как разрешения противоречий между производительными силами и производственными отношениями революционный переход к социализму в недокапиталистической России осуществился раньше, чем на Западе. Большевизм из западнического учения становится антизападническим. Запад организует военную интервенцию против Советской России, санкционирует её экономическую блокаду [7; 18].

Капитализм в советской пропаганде оказался фактически тождественен Западу. Советский Союз и его последующие союзники, отъединяемые понятием социалистический лагерь, являлись де-факто обозначением русского мира. За иными цивилизациями было закреплены понятия «третий мир» и «развивающиеся страны» [1].

Для классического марксизма, следует напомнить, социализм и капитализм не являлись альтернативными системами. Социализм как первая фаза коммунизма приходил на смену капиталистическому обществу, являясь его стадийной заменой, а не альтернативой. В реалиях холодной войны речь шла вопреки марксистской схеме именно об альтернативности. Ядро социалистической системы составляла Российская цивилизация с её специфическим опытом и ценностями (прежде всего, ценностями коллективизма, воспринятые основой социалистической морали). Смещение границ социализма и ка-

питализма в рамках проекта конвергенции было с точки зрения цивилизационной теории смещением границ цивилизаций. Для СССР как государства-цивилизации конвергенция имела катастрофические последствия, проявленные в полной степени в период перестройки [15].

Четвёртый период цивилизационного антагонизма: Запад как Антицивилизация

В настоящее время необходим методологический подход, который бы предложил новый и с учётом характера современного позиционирования России и вместе с тем преемственный с опорой на её прежний опыт взгляд на феномен Запада. Ключевыми в формировании этого подхода должны стать идеи российского суверенитета, опоры на традиционные российские духовно-нравственные ценности, понимания России как особого типа государства-цивилизации. При применении этих критериев оказывается очевидным осмысление Запада как другой цивилизации, вступившей исторически в конфликт с цивилизацией Российской. Без соответствующей интерпретации факт исторического воспроизводства конфликта Россия–Запад, российско-западного ценностного противостояния объяснить будет невозможно.

Но этого объяснения самого по себе недостаточно. Противостояние Западу как одной из многих цивилизаций само по себе не может стать смыслом цивилизационного существования России. Противник должен быть иным. Запад собственно противником сам по себе для России и не являлся. Противником были латинская ересь, дехристианизация, капитализм, фашизм, а Запад оказывался лишь их средоточием.

В развитии цивилизационного подхода целесообразно привнести новое понятие – *антицивилизация*. Антицивилизация противостоит всем цивилизациям и каждой из них по отдельности. Она отрицает традиционные ценности цивилиза-

ций как основание их цивилизационного неа. Противостоит антицивилизация и цивилизации Запада. Запад исторически породил её, создал благоприятную среду для распространения. Формирование системы антицивилизации возникло с опорой на финансовые империи, формируемые параллельно империям традиционным. В отличие от цивилизаций, имеющих пространственный ареал, антицивилизация трансгранична [6].

Запад использовал институции антицивилизации для победы над СССР в холодной войне. Для советского руководства, оперировавшего шаблонами противостояния с Западом, над которым в целом брали верх, это было неожиданно. Но ценой побед стала зависимость Запада от антицивилизации, имевшая тенденцию ускоренного возрастания. Возник феномен, метафорически определённый в США как «глубинное государство».

Национальные западные государства фактически утратили в большей или меньшей степени свою суверенность в отношении глобальных акторов. Запад оказался первой и главной жертвой антицивилизации. Само существование Западной цивилизации находится под большим вопросом [10]. В значительной степени под маркером Запада выступает именно антицивилизация. И такое состояние Западной цивилизации, как это ни парадоксально, даёт шанс на историческое примирение с Россией.

Россия противостоит сегодня в реальности не Западу, а антицивилизации. Так, собственно, и следует ставить вопрос. Взяв на себя миссию борьбы за цивилизационную многополярность и традиционные ценности, она оказывается прямым врагом антицивилизации. Россия ведёт борьбу в т. ч. и за спасение цивилизации Запада, великой западной культуры в её высших проявлениях. В спасении России своего исторического врага от гибели в борьбе со злом inferнальным и состоит разрешение великого исторического противостояния.

Заключение

Проведённый анализ подтвердил гипотезу о российско-западном противостоянии как ключевой дихотомии в саморепрезентации России. Запад для России исторически выступал в качестве цивилизационного антипода. Российское восприятие западного сообщества раскрывалось в логике противостояния добра и зла. Русское западничество мыслило также дихотомически, как и антизападничество, переходя аксиологически, а часто и политически на сторону цивилизационного антипода.

Выделяются 4 исторических периода в российском восприятии антагонизма Запада:

1. раскрытие Запада через призму латинского еретичества и подготавливаемого прихода антихриста;
2. восприятие западного сообщества в фокусе утверждаемых в нём принципов секуляризма и дехристианизации;
3. советский – осмысление Западного мира как тождества миру капитализма с соответствующими моральными производными;
4. современный, связанный с развитием цивилизационного подхода.

Применительно к современному периоду рекомендуется использование понятия антицивилизации как феномена, порождённого Западной цивилизацией, но ставшего фактором её разрушения и вероятной гибели. Россия может потенциально спасти Запад, что стало бы разрешением исторического антагонизма. Но это не должно быть спасением по типу 1814 или 1945 г., вслед за которыми Запад восстанавливался в своей ненависти к России. Важно хирургически искоренить те компоненты западного цивилизационного неа, которые превратили его в цивилизационного монстра. Не подражать Западу и не быть западником, а врачевать западный мир, лечить от тяжёлых болезней, включая где-то и методику принудительного врачевания.

Дата поступления в редакцию 26.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. 322 с.
2. Андреев А. Р. История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI – начало XIX века. М.: Русская панорама, 1998. 290 с.
3. Алексеев С. А. Антихрист: антология. М.: Высшая школа, 1995. 415 с.
4. Асонов Н. В. «Теория официальной народности» в политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX века // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 2. С. 270–279.
5. Афанасий (Мартос), архиеп. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. Минск: Белорусский Экзархат Русской Православной Церкви, 1990. 292 с.
6. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., Сильвестр, архимандрит (Лукашенко С. П.). Хаос как стратегия глобализма. М.: Отчий дом, 2023. 688 с.
7. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката. СПб.: РХГА, 2023. 328 с.
8. Багдасарян В. Э., Сильвестр, архимандрит (Лукашенко С. П.). Стратегия Александра Невского и цивилизационные трансформации XIII века. М.: Отчий дом, 2022. 272 с.
9. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Азбука, 2016. 224 с.
10. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 444 с.
11. Гайда Ф. А. «Православие» в триаде С. С. Уварова // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 100. С. 32–46.
12. Глогер Б. Император, бог и дьявол: Фридрих II Гогенштауфен в истории и сказаниях. СПб.: Евразия, 2003. 288 с.
13. Горелов А. А. А. С. Хомяков: учение о соборности и русская община // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 2. С. 78–97.
14. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.
15. Дашичев В. И. Теория конвергенции и путь России: от ошибок прошлого к выбору будущего // Пространство и Время. 2011. № 4. С. 72–85.
16. Дегтярева М. И. Религиозно-философская мысль Жозефа де Местра в контексте формирования консервативных традиций Европы и России: дис. канд. философ. наук. М.: Институт философии РАН, 2009. 321 с.
17. Дугин А. Г. Русская война. М.: Родина, 2023. 272 с.
18. Дугин А. Г. Тамплиеры пролетариата. Национал-большевизм и инициация. М.: Арктогея, 1997. 322 с.
19. Идеология Петра I: историческая развилка и выбор модели развития государства / В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, Сильвестр, архимандрит (Лукашенко С. П.), С. И. Реснянский. Ярославль, 2022. 216 с.
20. Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М.: Издательский дом «Познание», 2019. Т. 1. С. 572–612.
21. Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве, с древнейшего до настоящего времени. Минск: Белорусский Экзархат Русской Православной Церкви, 2006. 351 с.
22. Ламакина О. Ю. Платонизм в древнерусской религиозно-философской мысли: дис. канд. философ. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. 169 с.
23. Мир России-Евразия Антология / сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Высшая школа, 1995. 396 с.
24. О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / сост. М. А. Маслин. М.: Наука, 1990. 528 с.
25. Пантина М. В. Жозеф де Местр и Петр Чаадаев: культурный трансфер католических идей // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2023. Т. 20. Вып. 3. С. 567–578.
26. Полосин В. С. Миф. Религия. Государство: Исследование политической мифологии. М.: Ладомир, 1999. 440 с.
27. Слюнькова И. Н. Проект уничтожения греко-русского вероисповедания, представленный в 1717 г. государственным чином Речи Посполитой иезуитом С. Жебровским // Вестник церковной истории. 2007. № 3. С. 186–195.

28. Толстой С. Г. Отечественная историография Крымской войны, вторая половина XIX – первая половина XX в. М.: РУДН, 2002. 273 с.
29. Уколова В. И., Шкаренков П. П. Россия и Запад: Горизонт вызовов, ответов и угроз в концепции А. Дж. Тойнби // Новый исторический вестник. 2020. № 65. С. 56–78.
30. Уортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII – начало XX в.: сб. ст. / сост. Н. Н. Мазур. М.: ОГИ, 1999. С. 233–244.
31. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии / пер. С. В. Житомирской. М.: ОГИ, 2002. 606 с.
32. Успенский Ф. И. История Византийской империи. Восточный вопрос. М.: Мысль, 1997. 829 с.
33. Фомин В. В. Начало Руси в трудах М. В. Ломоносова // Вестник Московского университета. 2011. Серия 12. № 6. С. 14–21.
34. Харичев А. Д., Полосин А. В., Селезнева А. В. Основы российской государственности. М.: Дело (РАНХиГС), 2024. 448 с.
35. Щукин В. Г. Культурный мир русского западника // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 74–86.
36. Allshorn L. Stupor mundi; the life & times of Frederick II, Emperor of the Romans, King of Sicily and Jerusalem, 1194–1250. London: M. Secker, 1912. 350 p.

REFERENCES

1. Agursky M. S. *Ideologiya natsional-bolshevizma* [The Ideology of National Bolshevism]. Paris, 1980. 322 p.
2. Andreev A. R. *Istoriya ordena iezuitov. Iezuity v Rossiyskoy imperii. XVI – nachalo XIX veka* [The History of the Jesuit Order. Jesuits in the Russian Empire. 16th – early 19th century]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 1998. 290 p.
3. Alekseev S. A. *Antikhrisť: Antologiya* [The Antichrist: Anthology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1995. 415 p.
4. Asonov N. V. [The "Theory of Official Nationality" in the Political Discourse of the Second Half of the 19th – Early 20th century]. In: *Sotsialno-gumanitarnyye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2011, no. 2, pp. 270–279.
5. Afanasiy (Martos), Archbp. *Belarus v istoricheskoy, gosudarstvennoy i tserkovnoy zhizni* [Belarus in Historical, State, and Church Life]. Minsk, Belorusskiy Ekzarkhat Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi Publ., 1990. 292 p.
6. Bagdasaryan V. E., Ierusalimsky Yu. Yu., Silvestr, Archimandrite (Lukashenko S. P.). *Khaos kak strategiya globalizma* [Chaos as a Strategy of Globalism]. Moscow, Otchiy dom Publ., 2023. 688 p.
7. Bagdasaryan V. E., Resnyansky S. I. *Sovetskiy Soyuz kak tsivilizatsiya: ot rastsveta do zakata* [The Soviet Union as a Civilization: From Rise to Decline]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2023. 328 p.
8. Bagdasaryan V. E., Silvestr, Archimandrite (Lukashenko S. P.). *Strategiya Aleksandra Nevskogo i tsivilizatsionnyye transformatsii XIII veka* [Alexander Nevsky's Strategy and Civilizational Transformations of the 13th century]. Moscow, Otchiy dom Publ., 2022. 272 p.
9. Berdyaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow, Azbuka Publ., 2016. 224 p.
10. Buchanan P. J. *The Death of the West* (Rus. ed.: Bashkirova A., transl. *Smert Zapada*). Moscow, ACT Publ.; St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2003. 444 p.
11. Gajda F. A. "Pravoslaviye v triade S. S. Uvarova" ["Orthodoxy" in the Triad of S. S. Uvarov]. In: *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Bulletin of PSTGU. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church], 2021, iss. 100, pp. 32–46.
12. Gloger B. *Imperator, bog i dyavol: Fridrikh II Gogenshtaufen v istorii i skazaniyakh* [Emperor, God, and Devil: Frederick II Hohenstaufen in History and Legends]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2003. 288 p.
13. Gorelov A. A. [A. S. Khomyakov: The Doctrine of Sobornost and the Russian Commune]. In: *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill], 2017, no. 2, pp. 78–97.
14. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Yevropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 576 p.
15. Dashichev V. I. [The Theory of Convergence and Russia's Path: From Past Mistakes to Future Choices]. In: *Prostranstvo i Vremya* [Space and Time], 2011, no. 4, pp. 72–85.
16. Degtyareva M. I. *Religiozno-filosofskaya mysl Zhozefa de Mestra v kontekste formirovaniya konservativnykh traditsiy Yevropy i Rossii: dis. kand. filosof. nauk* [The Religious and Philosophical Thought of

- Joseph de Maistre in the Context of the Formation of Conservative Traditions in Europe and Russia: Cand. Sci. thesis in Philosophical sciences]. Moscow, Institut filosofii RAN Publ., 2009. 321 p.
17. Dugin A. G. *Russkaya voyna* [The Russian War]. Moscow, Rodina Publ., 2023. 272 p.
 18. Dugin A. G. *Tampliery proletariata. Natsional-bolshevizm i initsiatsiya* [The Templars of the Proletariat. National Bolshevism and Initiation]. Moscow, Arktogetya Publ., 1997. 322 p.
 19. Bagdasaryan V. E., Ierusalimsky Yu. Yu., Silvestr, Archimandrite (Lukashenko), Resnyansky S. I. *Ideologiya Petra I: istoricheskaya razvorka i vybor modeli razvitiya gosudarstva* [The Ideology of Peter I: Historical Fork and Choice of State Development Model]. Yaroslavl, 2022. 216 p.
 20. Kartashev A. V. *Ocherki po istorii Russkoy Tserkvi* [Essays on the History of the Russian Church]. Moscow, Izd. Dom Poznaniye Publ., 2019, vol. 1, pp. 572–612.
 21. Kiprianovich G. Ya. *Istoricheskiy ocherk pravoslaviya, katolichestva i unii v Belorussii i Litve, s drevneyshego do nastoyashchego vremeni* [A Historical Outline of Orthodoxy, Catholicism, and Uniatism in Belarus and Lithuania from Ancient Times to the Present Day]. Minsk, Belorusskiy Ekzarkhat Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi Publ., 2006. 351 p.
 22. Lamakina O. Yu. *Platonizm v drevnerusskoy religiozno-filosofskoy mysli* [Platonism in Old Russian Religious and Philosophical Thought: Cand. Sci. thesis in Philosophical sciences]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2004. 169 p.
 23. Novikova L. I., Sizemskaya I. N., eds. *Mir Rossii-Yevraziya. Antologiya* [The World of Russia-Eurasia. Anthology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1995. 396 p.
 24. Maslin M. A., ed. *Rossii i russkoy filosofskoy kulture. Filosofyy russkogo posleoktyabrskogo zarubezhya* [On Russia and Russian Philosophical Culture. Philosophers of the Post-October Russian Diaspora]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 528 p.
 25. Pantina M. V. [Joseph de Maistre and Pyotr Chaadayev: Cultural Transfer of Catholic Ideas]. In: *Vestnik SPBGU. Yazyk i literature* [Bulletin of SPbU. Language and Literature], 2023, vol. 20, iss. 3, pp. 567–578.
 26. Polosin V. S. *Mif. Religiya. Gosudarstvo: Issledovanie politicheskoy mifologii* [Myth. Religion. State: A Study of Political Mythology]. Moscow, Lodomir Publ., 1999. 440 p.
 27. Slyunkova I. N. [A Project to Destroy the Greek-Russian Faith Presented in 1717 to the State Officials of the Polish-Lithuanian Commonwealth by Jesuit S. Zhebrovski]. In: *Vestnik tserkovnoy istorii* [Bulletin of Church History], 2007, no. 3, pp. 186–195.
 28. Tolstoy S. G. *Otechestvennaya istoriografiya Krymskoy voyny, vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.* [Russian Historiography of the Crimean War, Second Half of the 19th – First Half of the 20th Century]. Moscow, RUDN Publ., 2002. 273 p.
 29. Ukolova V. I., Shkarenkov P. P. [Russia and the West: A Horizon of Challenges, Responses, and Threats in the Conception of A.J. Toynbee]. In: *Novyy istoricheskiy vestnik* [New Historical Bulletin], 2020, no. 65, pp. 56–78.
 30. Wortman R. ["Official Nationality" and the National Myth of the Russian Monarchy in the 19th Century]. In: Mazur N. N., ed. *Kulturnyye praktiki v ideologicheskoy perspective* [Cultural Practices in Ideological Perspective: Russia, 18th – early 20th century]. Moscow, OGI Publ., 1999, pp. 233–244.
 31. Wortman R. S. *Scenarios of Power. Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy* (Rus. ed.: Zhytomyrskaya S. V., transl. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii*). Moscow, OGI Publ., 2002. 606 p.)
 32. Uspensky F. I. *Istoriya Vizantiyskoy imperii. Vostochnyy vopros* [History of the Byzantine Empire. The Eastern Question]. Moscow, Mysl, 1997. 829 p.
 33. Fomin V. V. [The Origins of Rus in the Works of M. V. Lomonosov]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2011, no. 6, pp. 14–21.
 34. Kharichev A. D., Polosin A. V., Selezneva A. V. *Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti* [Foundations of Russian Statehood]. Moscow, Delo Publ., 2024. 448 p.
 35. Shchukin V. G. [The Cultural World of the Russian Westernizer]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1992, no. 5, pp. 74–86.
 36. Allshorn L. *Stupor mundi; the life & times of Frederick II, Emperor of the Romans, King of Sicily and Jerusalem, 1194–1250*. London, M. Secker, 1912. 350 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Образ Запада как цивилизационного антипода в истории российской идеологической саморепрезентации // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 6. С. 25–35.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-25-35

FOR CITATION

Bagdasaryan V. E. The image of the West as a civilizational antipode in the history of Russian ideological self-representation. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 6, pp. 25–35.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-25-35

УДК 93/94+930+140.8

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-36-69

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И ТРАНСФОРМАЦИЙ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

Багдасарян В. Э.¹, Марасанова В. М.², Фукс А. Н.¹, Соловьёв Я. В.¹, Жиряков И. Г.¹, Лазарева Л. Н.¹, Куренкова Е. А.¹, Иерусалимский Ю. Ю.^{1,2}, Косторниченко В. Н.²

¹ Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

² Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проведение соотнесения развития отечественной исторической науки с глобальными и российскими социальными трансформациями, современными геополитическими вызовами. Определение парадигм новых подходов к осмыслению исторического процесса.

Процедуры и методы. Развитие российской исторической науки на современном этапе оценивалось с позиций историографии и истории философии науки. Использовании теории смены научных парадигм в применении к актуальной историографической ситуации.

Результаты. Рассмотрение современной историографической ситуации привело к выводу о происходящей смене парадигмы в российской исторической науке. Доминировавшая ранее либеральная парадигма обнаружила нефункциональность и замещается парадигмой, сопряжённой с цивилизационным подходом, государственным суверенитетом и традиционными российскими духовно-нравственными ценностями.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные выводы могут быть использованы при описании новых социогуманитарных парадигм, формировании подходов в развитии исторического образования

Ключевые слова: история; историография; наука; Россия; Запад; цивилизационный подход; универсализм; западничество; вариативность; теория модернизации; парадигма

HISTORICAL SCIENCE IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES AND TRANSFORMATIONS (ROUND TABLE)

V. Bagdasaryan¹, V. Marasanova², A. Fuks¹, Ya. Soloviev¹, I. Zhiryakov¹, L. Lazareva¹, E. Kurenkova¹, Yu. Ierusalimskiy^{1,2}, V. Kostornichenko²

¹ Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

² P.G. Demidov Yaroslavl State University

ul. Sovetskaya 14, Yaroslavl 150003, Russian Federation

Abstract

Aim. To correlate the development of Russian historical science with global and Russian social transformations, modern geopolitical challenges. To define paradigms of new approaches to understanding the historical process.

© СС ВУ Багдасарян В. Э., Марасанова В. М., Фукс А. Н., Соловьёв Я. В., Жиряков И. Г., Лазарева Л. Н., Куренкова Е. А., Иерусалимский Ю. Ю., Косторниченко В. Н., 2024.

Metodology. The development of Russian historical science at the present stage was assessed from the standpoint of historiography and the history of the philosophy of science. The theory of scientific paradigm shift in application to the current historiographical situation was applied.

Results. Consideration of the modern historiographical situation led to the conclusion about the ongoing paradigm shift in Russian historical science. The previously dominant liberal paradigm has shown dysfunctionality and is being replaced by a paradigm associated with a civilizational approach, state sovereignty and traditional Russian spiritual and moral values.

Research implication. The findings can be used to describe new social and humanitarian paradigms and form approaches to the development of historical education.

Keywords: history; historiography; science; Russia; West; civilizational approach; universalism; Westernism; variability; modernization theory; paradigm

Введение

Мир вступил в фазу системных трансформаций. Проявляемые ранее расколы и противоречия перешли в геополитические конфликты. Россия оказалась в фокусе развернувшейся глобальной борьбы. Её ответом на очередную вестернизацию, сопряжённую с утратой суверенных потенциалов, явилось обращение к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, отстаивание системы многополярного мироустройства.

Столь системные трансформации не могли не затронуть гуманитарные и общественные науки, и историческую науку в частности. Прежние объяснительные подходы, как в отношении отдельных событий истории, так и исторического процесса в целом, перестали удовлетворять. Необходимо было, прежде всего, с позиций истории, переосмыслить причины геополитической катастрофы гибели СССР, воспроизводимости цивилизационного конфликта с Западом. История сама оказывалась фактором политических трансформаций. Она, как известно, выступала и продолжает выступать амбивалентным оружием, работающим как на укрепление государственных потенциалов, так и на разрушение. С исторических конфликтов («войн памяти») часто начинаются конфликты политические, перерастающие в реальные войны.

Актуализируется вопрос о методологических парадигмах осмысления исторического процесса, применяемых эпистемах. Сегодня становится очевидным, что есть методологические подходы, сопряжённые с суверенным развитием России, а есть подходы, утверждающие приоритет неких универсалий, по отношению к которым значение российской истории периферизируется. Важно определить, какая парадигма будет взята за основу в образовательном процессе. Методологический плюрализм и эклектика уже не устраивают, т. к. через них системного мировоззрения новых поколений россиян сформировать невозможно.

Указом Президента № 314 в качестве такой основы предлагается осмысление России как государства-цивилизации и сопряжённый с таким видением цивилизационный подход. Выдвижение цивилизационного подхода в качестве новой методологической парадигмы не могло не вступить в конфликт с применяемыми иными методологическими подходами. Да и сам цивилизационный подход нуждается в конкретизации, содержательных и методических уточнениях. Обсуждение продуцируемых новыми реалиями вопросов в фокусе истории, равно как и других дисциплин, представляется полезным. Такие дискуссионные возможности и представляет «Вестник Государственного университета просвещения».

Багдасарян В. Э.

ВОЙНЫ ПАРАДИГМЫ: НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИИ НАЧАЛАСЬ

В науке есть уровни первичной эмпирики, концептуальных интерпретаций и методологических парадигм. Важно сегодня обратиться именно к вопросу о парадигмах. Этот вопрос в постсоветский период системно искоренялся в исторической науке. Объявленная деидеологизация истории привела фактически к её деконцептуализации. Концептуальность была вытеснена в сферу маргинального и маркирована как проявление ненаучности. Установилась методология нерелекторного позитивизма с апологией факта (историки-архивисты теорий не измышляют). Следствием деконцептуализации явилось выхолащивание в истории ценностей и смыслов, бегство от больших нарративов. Это в свою очередь привело к полной безоружности перед выстраиваемой на своей ценностно-смысловой матрице антироссийской исторической пропагандой [4; 7].

Между тем позитивистский подход в истории философии был подвергнут критике с позиций разных методологических наук. Свой вклад в низвержение позитивизма внесла, и о чём к настоящему времени почти забыто в т. ч. и со стороны её последователей, марксистская философия. Постпозитивизм стал отрицанием позитивистской апологии исторического факта. Было показано, что то, что называется фактом – есть суть интерпретации. Интерпретируемым оказывается любое событие и явление исторического процесса. Весь вопрос лишь историографический – в спектре интерпретационных версий. Интерпретации являются, в свою очередь, производными от парадигм [36; 59].

Парадигма может артикулироваться и не артикулироваться. При артикуляции парадигм истории речь идёт об исторической философии. Когда парадигмы не артикулируются, они подразумеваются по принципу «нечто саморазумеющегося». Но ничего

саморазумеющегося для человека не существует. Можно верить в Бога и отрицать его существование, можно отдавать предпочтение монархии и республике, можно являться приверженцем нерегулируемой модели экономики и директивной. Идеологическая неартикулируемость означает утверждение постидеологии. Пример постидеологии: идеология запрещена, но права и свободы человека заявлены как высшая ценность (т. е. запрещены все другие идеологии кроме либерализма, ставшего постидеологией) [54].

Российским позитивистам, впрочем, плохо известна сама история позитивизма. Сосредоточившись на эмпирике, которая всегда ограничена определённым объёмом материала, они чаще всего вообще безграмотны в сфере методологии [35]. Мы, говорят они, за объективизм. Это надо читать так: правильно только моё мнение и мнение моих сторонников, которое объективно, тогда как взгляды оппонентов – субъективны. Но оппоненты могут заявлять то же самое. Возникает полемика разных версий объективности. Но множественность объективностей означает, что единства эпистем не существует [51].

Работа Т. Куна «Структура научных революций» увидела свет ещё в 1962 г. [33]. Кун развивал тему исторической смены эпистемологических парадигм в мировой науке. Знания не бывают правильные или неправильные, они парадигмально различные, и суть этих различий – базовые ценности и картина мира. Парадигму научного знания составляют доминирующие подходы, официально признанные школы. Они определяют систему поддерживающих эту систему знаний институций, включая стоящие на соответствующих позициях Академий, ведущих научных журналов, направляющих грантовой поддержки. Оппонирующие взгляды находятся на периферии и маргинализируются. Но постепенно позиции ядра ослабевают. Накапливаются вопросы, которые, исходя из актуальной

парадигмы, оказываются необъяснимы. Периферия наступает. И итог: происходит научная революция, прежняя парадигма обрушивается, а периферия сама становится ядром. А далее всё повторяется – до очередной смены парадигмы [29].

Т. Куна, впрочем, несколько корректировали. Парадигмы могут существовать параллельно, и борьба в науке есть борьба исторически воспроизводимых антагонизменных платформ. Такими альтернативными парадигмами в российском обществоведении являлись платформы западников и славянофилов. Названия могли меняться, но сути суть противоборствующих позиций исторически воспроизводилась. Исторически верх брала то сторона условных западников, то сторона условных славянофилов. В конце 1980-х гг. низвергнув схоластическую позднесоветскую схему истории верх взяли западники. Западническая парадигма восторжествовала. Но далее она всё менее справлялась с острыми вопросами, как трансформирующегося настоящего – новой фазы борьбы с Западом, так и связанного с ним прошлое.

Сегодня можно констатировать, что российская историческая наука вступила в фазу научной революции. Прежняя парадигма в условиях СВО показала свою нефункциональность и связанность с пропагандой противника. На уровне государственного дискурса она после долгих подходов оказалась отброшена (Указ № 314). На уровне конкретных институций и персоналий – носителей прежней парадигмы идёт сопротивление и саботаж. Либералы-историки сегодня играют в «дурака», прикидываясь, что не понимают сути трансформаций, иначе трактуют понятия. Реально они ожидают отката назад, надеются на либеральную реставрацию, по сути, явно или опосредовано в условиях системного противостояния с Западом выступают на стороне противника.

Важно охарактеризовать новую парадигму российской исторической науки. «Дайте мне точку опоры, и я переверну

мир», – говорил Архимед. Опорой для новой системы общественных знаний стал цивилизационный подход. Ключевой тезис, вошедший в Указ № 314 «Об основах государственной политики в области исторического просвещения», Россия – это государство-цивилизация¹. Позиционирование России как цивилизации означает, что существуют наряду с российской и иные цивилизационные общности. Каждая из цивилизаций имеет идентичную систему ценностей и систему жизнеустройства. Экстраполяция рецептуры жизнеустройства одной цивилизации для другой противопоказано (третий закон Н. Я. Данилевского) [19]. Запад – одна из исторически существовавших цивилизаций – не выше и ниже других. Претензии на универсальность западных компонент от моды и языка до науки и политической организации является историческим результатом западного экспансионизма и колониализма.

У каждой из цивилизаций существуют свои представления об идеальном. Ввиду различий представлений об идеальном нет универсальной модели развития. Развитие цивилизационно контекстно и представляет собой движение от реального к идеальному. Соответственно, и оцениваться оно должно не с позиций неких универсалий (часто шаблонов Запада), а с точки зрения приближения к собственному идеальному или удалению от него.

Критерий оценки деятельности исторических персоналий, успешности реформ состоит в свете цивилизационного подхода не в том, насколько они соответствовали неким «просвещённым мнениям», а насколько усиливались или ослабевали жизненные потенциалы государства-цивилизации. Если жизненные

¹ Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 15.12.2024).

потенциалы России как государства-цивилизации усиливались, то оценка соответствующему историческому деятелю даётся положительная, если в минус, то отрицательная. Кризисы в истории России оказываются в предлагаемом осмыслении отступлением от цивилизационно-идентичных ценностей, которые являлись механизмами цивилизационного выживания [5; 6].

Начавшаяся научная революция открывает большие перспективы. Требуют с позиций цивилизационных парадигм переосмысления все без исключения периоды мировой и российской истории. Предстоит большая работа. Ожидается ожесточённое сопротивление. На кону – не только вопрос об интерпретации прошлого, но и само существование России.

Марасанова В. М.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время происходит утверждение суверенитета российской исторической науки. Явным признаком данного процесса стал, среди прочего, отказ от западнической риторики, апелляции к успешности опыта Запада.

В выступлениях Президента Российской Федерации прозвучали слова об особом цивилизационном коде и духовных скрепах России. На высшем государственном уровне обращено самое пристальное внимание на необходимость противодействия антироссийской исторической пропаганде, мифологизации и фальсификации истории.

Непреходящей ценностью российского общества был и будет государственный суверенитет. Технологический и когнитивный суверенитет являются конкретизацией суверенитета государственного.

Изучение истории страны в образовательных организациях высшего образования включает важные смыслы:

– Россия – государство-цивилизация с многовековыми традициями и выдающимися достижениями;

– устойчивый интерес к истории страны;

– чувство гордости за Отечество и сопричастности к его судьбе;

– понимание важности изучения, сохранения и защиты Отечества.

Любовь к Отечеству, а не космополитизм – вполне понятный подход к образованию и воспитанию. Государственной задачей является формирование у студентов осознания принадлежности к российскому обществу, развитие чувства гражданственности, укрепление духовно-нравственного и культурного фундамента цельной личности, устойчивой к «накатам» деструктивной идеологии и манипулированиям.

Современный методологический подход в исторической науке строится на цивилизационном подходе и обосновывает понимание России как государства-цивилизации. Сложная духовная система ценностей, обычаев, традиций, идеалов, образа жизни и материальные основы в виде ведения хозяйства, производственного потенциала, финансового и технологического обеспечения и управления создают определённый тип цивилизации.

Выстраивание концептуальных моделей возможно только на основе научных исследований. В исторической науке важны отечественные разработки, не заимствованные, не переведённые, не пересказанные, получившие недопустимо тотальное распространение в 1990-е гг.

Мировоззренческий ценностный подход всегда был отличительной стороной российского просвещения и культуры¹. Ценностный императив приобрел особую важность в современных условиях. Со-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 19.12.2024).

временные университеты являются воспитательным пространством, направленным на развитие самосознания студента и содействующим этому развитию. Через приобщение студентов к традиционным духовно-нравственным ценностям решаются фактически государственные, а не только образовательные задачи. Изучение исторического наполнения традиционных духовно-нравственных ценностей развивает личность обучающегося через учебный процесс.

В «Основах государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» сказано: «Россия – великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую историко-культурную общность и внёсшее огромный вклад в общемировое развитие. В основе самосознания российского общества лежат формировавшиеся и развивавшиеся на протяжении всей истории России традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, сохранение и защита которых являются обязательным условием гармоничного развития страны и её многонационального народа, неотъемлемой составляющей суверенитета Российской Федерации». В том же документе сформулированы основные принципы государственной политики в области исторического просвещения:

- опора на научные знания и фундаментальные научные исследования, традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности;

- понимание истории России, развивающейся по самостоятельному, самобытному цивилизационному пути, как неотъемлемой части общемирового исторического процесса;

- преемственность всех этапов российской истории;

- осознание исторического единства народов Российской Федерации при со-

хранении ценности истории и культуры каждого её народа¹.

Укрепление социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня его образования является приоритетным направлением научно-технологического развития России, в этом отношении особенно важен «современный инструментальный исследования и укрепления цивилизационных основ и традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества, включая историко-культурное наследие и языки народов Российской Федерации»².

Наряду с «прояснением» и кристаллизацией смыслов происходит уточнение и формирование системы понятий исторической науки и в целом социально-гуманитарного знания.

В военных условиях не только оружие, но и слова должны быть максимально точными и ответственными. Объединяющим российский народ образом прошлого явилась память о Великой Отечественной войне. Была проявлена высокая консолидированность общества в неприязни попыток ревизии истории войны, дегероизации подвига народа.

Реабилитируется фактически запрещённая прежде в системе образования и культуры русская тема. В. В. Путин говорит о русском народе как о крупнейшем расколотом народе мира. Впервые на уровне государственных документов высокого уровня русская тема появляется в утверждённых президентом в конце 2014 г. «Основах государственной культурной политики». При этом указывается

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения. Утв. Приказом Президента Российской Федерации № 314 от 08.12.2024 г. // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/73989> (дата обращения: 08.12.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // Президент России: [сайт]. <http://www.kremlin.ru/acts/news/74328> (дата обращения: 19.12.2024).

на опасность этнического национализма. Президент противопоставляет в своих выступлениях патриотизм и национализм, подчёркивает пагубность националистического подхода в условиях традиционной российской многоэтничности.

После возвращения Крыма и Севастополя в состав России и возвращения исторических территорий ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей общественное мнение в стране начало принимать форму патриотического восприятия истории как прошлого, так и настоящего. Общественно-политическая ситуация повлияла на преподавание и направленность исторических исследований, вернула исторические исследования к российским приоритетам.

Гуманитарные науки получили огромный толчок в своем развитии с появлением масштабного архивного материала, который ранее был подвергнут секретности. Эта новая информация значительно изменила понимание многих событий в истории России и всего мира, а также позволила эффективно бороться с искажением исторических фактов. Вместе с историками социологи, философы, политологи и культурологи продолжают играть важную роль в исследовании прошлого и настоящего.

В 2023/2024 уч. году для студентов всех высших учебных заведений в Российской Федерации был введён первый мировоззренческий курс в отечественном высшем образовании – «Основы российской государственности»¹. Его введение повлияло на преподавание всех социально-гуманитарных дисциплин и шло параллельно с разработкой курса истории для неисторических направлений подготовки под руководством учёных Российской Академии наук. В коллективном обсуждении была разработана новая концеп-

ция преподавания истории России для неисторических специальностей² и подготовлен новый вузовский учебник³.

Совершенствование преподавания истории России и новый мировоззренческий курс «Основы российской государственности» вместе формируют у студентов комплекс знаний о российской государственности и культуре, о ценностных константах и ориентирах, о вызовах будущего и возможностях профессионального развития.

На данный момент в России формируется уникальная национальная система высшего образования, которая объединяет передовые отечественные и зарубежные методики. Опыт СССР при таком подходе не очерняется, а переосмысливается для применения в новых условиях [43].

Концептуальные подходы и содержание исторической науки разрабатываются в соответствии с государственной политикой в области образования, воспитания и сохранения традиционных ценностей.

Фукс А. Н.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В современных условиях жёсткого противостояния с Западом роль исторической науки и исторического образования выступает как весомый фактор идеологического обеспечения национальной безопасности государства. В условиях

¹ Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский и др. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2023. 212 с.

² «Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования», утв. протоколом Экспертного совета по развитию исторического образования от 15.02.2023 № ВФ/15-пр [Электронный ресурс]. <https://legalacts.ru/doc/pismo-minobrnauki-rossii-ot-20022023-n-mn-5168376-onapravlenii/> (дата обращения: 14.12.2024).

³ История России: учебник для студентов неисторических специальностей / под ред. Ю. А. Петрова. М.: Наука, 2024. 521 с.

перехода на единую государственно-патриотическую концепцию отечественной истории, стержнем которой является положение о России как государстве-цивилизации [10], необходимо усилить роль социальных функций исторического познания.

Историческая наука служит не мёртвым, она служит живым. Связь между исторической наукой и обществом осуществляется, главным образом, через школьное историческое образование, в котором концентрированно реализуется социальные функции истории. Выделим четыре основные социальные функции исторического познания: 1) выяснение законов и закономерностей исторического развития, обеспечивающее реализацию принципа историзма и научной объективности; 2) прогнозирующая функция; 3) функция социальной памяти, обеспечивающая культурно-историческую преемственность поколений; 4) воспитательная функция, наиболее важная как раньше, так и сейчас в условиях внешних вызовов.

Социальные функции исторического познания следует рассматривать в контексте их взаимозависимости и взаимосвязанности. Большинство историков, вне зависимости от их методологических подходов, признают существование таких социальных функций у истории.

Историзм предполагает рассмотрение исторического процесса через призму взаимообусловленности событий, установления причинно-следственных связей и учёта конкретных исторических условий. Это требует признания существования исторических законов и закономерностей в общественной жизни. Однако в 90-х гг. XX в. эти понятия начали отходить на второй план как в школьном образовании, так и в самой исторической науке. Категории закона и закономерности являются ключевыми для определения науки, а исторический закон подразумевает объективность и повторяемость. Отрицание этих принципов ведет к отри-

цанию истории как науки. В этот период из-за отсутствия продуманной государственной политики в сфере исторического образования наблюдались размытые идеологические ориентиры. Идея деидеологизации стала популярной, хотя она фактически представляла собой скрытую форму идеологического воздействия, направленную на разрушение культурных и исторических традиций. Отказ от признания исторических законов приводит к утрате научного подхода. В последние годы государственные образовательные документы вновь подчёркивают важность формирования у школьников умения оценивать исторические события с позиции историзма.

Прогнозирующая функция истории тесно связана с выявлением исторических закономерностей. Установив устойчивые и повторяющиеся связи, можно предсказывать будущие события. Например, обнаружение циклов в экономике эпохи свободной конкуренции позволило точно прогнозировать экономические кризисы. Однако в политике исторический прогноз часто игнорируется ради решения текущих задач. Функция социальной памяти также важна, поскольку позволяет передавать накопленный опыт поколений. Как отмечал Геродот, история должна сохранять и передавать знания о материальной и духовной культуре.

Воспитательная функция истории играет ключевую роль в формировании мировоззрения молодёжи. Она включает идейно-политическое и нравственное воспитание. Исторические учебники всегда были важным инструментом влияния на общественное сознание, и правители разных эпох понимали значение содержания этих книг. В России первый учебник истории («Синописис») использовался более 100 лет благодаря своему идейному содержанию, которое поддерживало идею единства государства под властью российского самодержавия. В XIX–XX вв. правительство поддерживало учебники охранительного направ-

ления, способствовавшие воспитанию патриотизма и верности престолу. В 1930-х гг. Сталин инициировал создание учебников по истории СССР на основе марксистской формационной теории, контролируя процесс создания единых концепций истории. В советское время допускалось использование только одного утверждённого учебника по каждому курсу истории, что обеспечивало контроль над содержанием образования.

Одной из значительных достижений советской эпохи стало введение всеобщего обязательного среднего образования в начале 1970-х гг., что дало всем молодым гражданам возможность изучать историю своей страны с древности до современности, тем самым усиливая воспитательную функцию истории.

Однако «перестройка» привела не только к системному политическому и экономическому кризису, но и к кризису общественного исторического сознания, исторической науки и школьного исторического образования. Одним из ключевых признаков этого кризиса было отсутствие условий для выполнения социальных функций исторического познания. Изучение комплекса учебников и учебных пособий по русской истории предоставляет дополнительные материалы для анализа кризиса исторического сознания. Этот вопрос требует многогранного подхода: с одной стороны, нужно рассмотреть общий кризис исторической науки, а с другой – кризис отдельных научных направлений. Эти процессы могут не совпадать. Общественно-политический кризис обычно вызывает кризис официальной историографии и, следовательно, кризис школьного исторического образования, содержание которого всегда связано с государственными идеологическими задачами. С. М. Соловьёв выразил суть проблемы, сказав, что общество имеет право задавать вопросы историкам, а историки обязаны на них отвечать. Отсутствие такой обратной связи свидетельствует о кризисе либо

всей историографии, либо её отдельных частей.

В начале 1990-х гг. советские учебники были отвергнуты, однако замены им не нашлось, поэтому учителя продолжали использовать старые учебники по истории СССР. Ситуация усугубилась настолько, что в школах даже начали применять дореволюционные учебники. Большими тиражами выпускались работы таких авторов, как Д. И. Иловайский и М. Я. Острогорский. Например, издательство «Просвещение» в 1993 г. опубликовало учебники И. И. Белярмина и Д. И. Иловайского в рамках серии «Учебники дореволюционной России по истории». Всё это иллюстрирует кризисные явления в образовательной системе постсоветской эпохи.

В 1995 г. было решено включить в федеральный комплект сразу несколько учебников и учебных пособий по одному и тому же курсу истории. Это привело к появлению множества учебников и пособий, многие из которых не соответствовали научным и дидактическим стандартам. Несмотря на это, в процессе разработки новых учебников сформировались основные авторские школы, особенно в издательствах «Просвещение», «Русское слово», «Дрофа» и «ЦГО». Их издания нередко способствовали развитию исторической методик и использовали новаторские методы в создании учебного материала. Хотя авторы пытались применить позитивистский многофакторный подход, они не избежали эклектичности. Тем не менее в этих учебниках поднимались важные и актуальные темы, такие как реформы и реформаторы, модернизация, борьба с сепаратизмом, антитеррор, роль Русской православной церкви в обществе и другие. Решение этих вопросов зависело от политических и методологических взглядов авторов, а также от их принадлежности к различным направлениям исторической науки.

В учебниках начала 1990-х гг. авторы редко обращали внимание на причин-

но-следственные связи. Особенно это проявилось в освещении политической истории XX в., где авторы первых пост-перестроечных учебников перенимали из западной советологии теорию тоталитаризма и применяли её к сталинской эпохе. Советское государство изображалось как враг. Такой подход приводил к сравнению режима нацистской Германии с советским строем, вызывая возмущение у ветеранов Великой Отечественной войны. Учебник А. А. Кредера¹, в котором вина за начало Второй мировой войны возлагалась как на Германию, так и на СССР, был запрещён в ряде регионов страны.

В 2004 г. широкую общественную реакцию вызвало обсуждение учебника по истории России XX в., автором которого был И. Долуцкий. Дискуссии развернулись вокруг содержания учебника, особенно касающегося современной политической истории, что ещё раз продемонстрировало политические взгляды участников обсуждения. Приведём цитату из концовки учебника: «Аналитики уверяют, что в России возникла тупиковая ситуация, когда существующая власть не способна справиться с проблемами», «а приход к власти левой или державной оппозиции, либо лидера с наполеоновскими амбициями лишь усугубит дело»². Трудно найти школьные учебники в европейских, азиатских странах или в США, после прочтения которых ученик сделает вывод, что прошлое страны ужасно, настоящее плохо, а будущее выглядит ещё мрачнее, чем можно себе представить.

Лакмусовой бумажкой отсутствия кризисных явлений в исторической науке и образовательном пространстве является реализация социальных функций истории. В нынешнее тяжёлое время, ког-

да наша страна отстаивает свою безопасность на поле боя, благодаря взвешенной государственной исторической политике осуществлён переход на использование единого учебника отечественной истории в школе, что явилось результатом работы не только правительства, но и единомышленников учёных-историков, чувствующих ответственность за судьбу страны. В течение последних 2 лет широкий отклик в научных и образовательных кругах вызвало обсуждение содержания учебника под редакцией В. Р. Мединского³. Последняя редакция учебника содержит богатый материал для решения задачи воспитания подрастающего поколения в духе любви и преданности Отечеству.

Соловьёв Я. В.

**ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ
НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ НА ПРИМЕРЕ
СОВРЕМЕННОЙ ДИСКУССИИ О ПУТЯХ
РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

После крушения советской системы и отказа от классового подхода в изучении истории в 1990-х гг. в отечественной науке многими исследователями было заявлено стремление следовать концепции объективизма. Эта концепция подразумевает ориентацию на объективность знания, политическую «нейтральность», на воздержание от социально-критических оценок, свободу от суждений о ценностях, а особенно от партийных выводов. Сторонниками концепции были отвергнуты как марксистская формационная схема (как узкопартийная), так и цивилизационная теория, в которой им виделся призрак национализма. Но необходимость выстраивания «объективных законов исторического развития» влекла к стремлению использовать какую-то иную схему, объясняющую эти законы и

¹ Кредер А. А. Новейшая история зарубежных стран. 1914–1997: учеб. для 9 класса основной школы. М.: ЦГО, 1999. С. 130.

² Долуцкий И. И. Отечественная история. XX век: учебник 10–11 класс. М.: Мнемозина, 2002. С. 234

³ Мединский В. Р., Торкунов А. В. История 10 класс. История России 1914–1945 гг.: учебник. М.: Просвещение, 2024. 192 с.

якобы свободную от партийной субъективности.

Совершенно парадоксальным образом на щит была поднята далёкая от принципов объективизма теория модернизации, которой на какой-то момент увлеклись историки, экономисты и политологи, придерживающиеся разных политических позиций, уверенные в возможности приспособить под них модернизационную схему. И вот распространились в исторических и околоисторических трудах термины «большевистская (красная, сталинская) модернизация» [15], «консервативная модернизация» [21; 32], «либерально-консервативная модернизация» [44], «имперская модернизация» [42; 52] и т. п. При том, что теория модернизации изначально была совершенно определённым выражением взглядов на историю с позиций западного либерализма, что не скрывалось её авторами.

Тем не менее части историков теория модернизации представлялась идеальным и объективным объяснением для процессов, характеризующих развитие России в XIX–XX вв. Это было определено глубоким впечатлением от успехов, ускорившихся в конце XX – начале XXI вв. процессов глобализации, которые привели к трансформации даже казавшихся наиболее устойчивыми традиционных институтов по всему миру (отсылаю читателей для примера к интересным социологическим исследованиям японской молодёжи, опровергающим устойчивость присущего японскому обществу воспитания в традиционном духе [28]). Сопровождающая глобализацию универсализация неизбежно влияла и на стремление историков опереться на некие универсальные схемы исторического развития. Но так как известные исторические факты не хотели ложиться в прокрустово ложе таких схем, то вслед за западными обществоведами отечественные выдвигали идеи об отличиях российской модернизации: о её «догоняющем характере», о её асинхронном характере,

присущих ей циклах «реформ–контрреформ», особой роли государства и т. п. [46] И под конец, под влиянием негативных тенденций в развитии современной российской государственности к концу 1990-х гг., ряд исследователей согласились с представителями «пессимистической школы» западных русистов о неудаче и даже крахе модернизации в случае с Российской империей.

Развернувшийся в начале 2000-х гг. спор отечественных «пессимистов» и «оптимистов» вокруг оценок экономического развития и уровня благосостояния населения России накануне революций стал, по моему мнению, самым ярким явлением в развитии современной российской исторической науки. Этот спор, начавшийся с публикации в уже далёком 2001 г. статьи Б. Н. Миронова [41] и ответа на неё Б. В. Ананьича [1], продолжается уже 2 десятилетия. На своём пике, когда в дискуссию включились С. А. Невфёдов, выступающий с традиционных позиций советской историографии и школы И. Д. Ковальченко и утверждающий существование «голодного» экспорта и общего аграрного кризиса в империи в конце XIX в., и М. А. Давыдов, уверенный в успешной модернизации Российской империи в тот же период, спор со страниц научных журналов и монографий перешёл в сферу социальных сетей и вышел за рамки приличий, т. к. противники опустили до личных оскорблений. Научную причину такого накала страстей когда-то объяснил ещё Б. Н. Миронов: «На первый взгляд, предмет дискуссии – материальное положение населения, прежде всего крестьян, после Великих реформ – на самом деле общая оценка развития страны в 1861–1917 гг. и причины революций 1905 и 1917 гг. Благосостояние населения... – интегральный показатель успешности модернизации и одновременно – конечный результат совместных усилий со стороны самого населения и правительства в деле переустройства российской жизни,

сложившегося в крепостное время. Если качество жизни в пореформенное время систематически повышалось, значит, структурные реформы российского общества, начатые в 1860-е гг., по крайней мере, в экономическом отношении, были эффективными, отмечали его насущным потребностям, встретили поддержку со стороны большинства населения» [40].

Так как реформы 1860–1870-х гг. имели откровенно западную ориентацию, то спор об эффективности модернизации России после отмены крепостного права имеет совершенно явную политическую подоплёку. Но участники дискуссии, оперируя в ней в качестве аргументов массивами разнообразных статистических данных (рост новобранцев, показатели урожайности, железнодорожные перевозки и т. д.), претендуют на объективность своих позиций, понимаемую в русле представлений об универсальности научного знания и научных подходов.

Универсальность научного знания казалась аксиомой при условии признания истории наукой, такой же, как математика или химия. Но уже в 1990-е гг. вызов такому подходу бросил историк А. Н. Быханов, заявивший своей целью рассмотрение истории с позиций православно-го человека. В итоге в его оценке путей развития Российской империи были полностью смещены акценты от анализа эффективности её экономической и политической модернизации, понимаемой как приближение к западным образцам, к анализу процессов духовного разложения и кризиса православного мировоззрения русского народа под влиянием западных идей и западного примера.

Нарастающий в последние годы конфликт с Западом сейчас привёл к появлению концепции «суверенной российской науки». Западный универсализм не просто поставлен под сомнение – он объявлен врагом. А. Г. Дутин призвал к «полной и глубокой эпистемологической деколонизации русского сознания», к освобождению «от многовекового влияния токсич-

еских установок, зачаровавших русскую мысль, подчинивших её отчуждённым системам и мировоззрениям» [22].

Таким образом, теория модернизации теперь признаётся элементом западного колониализма, а концепция объективизма, как и в советское время, подвергнута сомнению как проявление ложной идеи универсальности исторической науки. А в развитии Российской империи акцент внимания смещается с оценки успешности/неуспешности её заимствований у Запада, на рассмотрение её принципиального противостояния с ним.

Но невозможно не обратить внимание на то, что, небезосновательно обвиняя Запад в эгоцентризме, в навязывании своих научных ценностей как универсальных, сторонники концепции «суверенной исторической науки» сосредоточены именно на противостоянии России и западной цивилизации (исторических путей восточного и западного христианства), а всё остальное разнообразие человеческой цивилизации оказывается как бы на окраине их научного интереса.

Жиряков И. Г.

К ВОПРОСУ О «ГОРБАЧЁВСКОМ» ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ В ОТНОШЕНИИ К ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Со второй половины 80-х гг. ушедшего века меняется, как известно, политический курс КПСС и СССР. М. С. Горбачёв ввергает страну в перестройку. Кстати, некоторые зарубежные аналитики, внимательно следившие за первыми шагами перестройки, отмечали, что «пока она не определила чётких направлений развития», что для неё «характерна путаница и неразбериха»¹. Трудно удержаться от желания заметить, что эта перестройка так и осталась «путанной» и «суматошной».

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 156. Оп. 53. П. 93. Д. 2. Л. 5.

В начавшейся перестройке меняется и советская внешняя политика в отношении стран Запада, появляется в «горбачёвской» лексике понятие «новое политическое мышление».

Конечно, обновление внешнеполитического курса СССР было необходимо, но как и насколько? Эти вопросы были и остаются в центре внимания всех политически не ангажированных исследователей истории СССР накануне его распуска. Вот что писал в своих воспоминаниях Н. И. Рыжков, бывший член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета министров СССР, находившийся в «команде Горбачёва», правда, потом вышедшего из неё: «Объективно говоря, внешнюю политику, конечно, нужно было проводить... Но, на мой взгляд, Горбачёвым двигали другие устремления – стать фигурой мирового масштаба, новым «мессией», который спустился к нам, чтобы полностью изменить мир. Это льстило его непомерному самолюбию и амбициозности» [49].

И далее: «Внешняя политика Горбачёва–Шеварднадзе (его подручного в роли министра иностранных дел СССР) привела к падению международного авторитета нашего государства. В результате в течение нескольких лет мы потеряли статус супердержавы, а мир – двухполярную систему геополитического равновесия, позволявшую ему относительно благополучно просуществовать всю вторую половину XX века» [49].

Но на полях сегодняшнего нашего «исторического пространства» остаётся немало тех, кто пытается всеми силами защищать «горбачёвскую» политику вообще и его внешнеполитический курс в частности. Так, на конференции в «Горбачёв-фонде», проведённой в начале марта 2021 г. и посвящённой 90-летию М. С. Горбачёва, немало выступавших пели «оды» внешнеполитическому курсу своего кумира¹.

¹ «Человек, который изменил мир». К 90-летию Михаила Сергеевича Горбачёва [Электронный

На самом деле все рассуждения и действия в русле «нового политического мышления» во внешней политике свелись к односторонним уступкам СССР практически по всем вопросам тогдашней международной повестки. Иного ожидать было невозможно, поскольку ясно было, что реализовать все предложения М. С. Горбачёва можно было только при условии существования глобального консенсуса во взглядах на ключевые проблемы всех руководителей ведущих государств [39]. А этого по определению ожидать было невозможно.

С «новым политическим мышлением» должно было логично проявиться и новое отношение СССР к интеграционному процессу в Европе. По утверждению тогда имевшего репутацию «серьёзного» западного экономического журнала «Trend», «новое руководство СССР не считает капиталистическую экономическую систему “заклятым врагом” и призывает тщательно изучать её структуру»².

В декабре 1985 г. А. Н. Яковлев, как известно, последовательный проводник «нового политического мышления», на совещании в ЦК КПСС руководителей средств массовой информации говорил, что внешнеполитическая активность Советского Союза, помимо других направлений, будет включать в себя и «широкую разностороннюю работу с западноевропейскими странами»³. Но он не стал при этом раскрывать своё понимание смысла этой «работы».

Отечественные и зарубежные исследователи полагают, что в это время к советскому руководству приходит понимание необходимости признания Европейского сообщества как «политической единицы». Это признание они преподносят как результат кардинального переос-

печурpc]. URL: https://www.gorby.ru/activity/conference/show_1462/ (дата обращения: 19.12.2024).

² АВП РФ. Ф. 156. Оп. 53. П. 93. Д. 2. Л. 6

³ Архив Александра Н. Яковлева [Электронный ресурс]. URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1023349> (дата обращения: 19.10.2024).

мыслиныя новыми советскими вождымя понятия взаимозависимости, значимости процессов интернационализации и интеграции [26; 60].

Так ли это? На самом деле, по мнению ряда исследователей, всё было куда проще. Соответствующие отделы ЦК КПСС и различные аналитические группы снабжали высшее руководство необходимой информацией, раскрывающей сущность реальной политики Европейского сообщества, её целей, одна из которой предполагала создание внутреннего европейского рынка.

Реализация этой цели могла привести к проблемам допуска товаров на этот рынок. Отсюда и изменение позиции СССР по отношению к Европейскому сообществу¹, поскольку рассчитывать на СЭВ как главного потребителя «товарной массы» было нельзя. Указанное обстоятельство подтверждали и в Евросообществе; там утверждали, что «решимость Сообщества реализовать программу формирования единого рынка к 1992 году», послужила причиной изменения позиций к Европейскому сообществу в советском руководстве².

К этому, наверное, будет правильным добавить и надежды на получение конкретной помощи от ЕС, его финансовых структур³. Хотя вышеприведённые суждения принять за абсолютно точные вряд ли можно, памятуя об английском исследователе Н. Малкольме, написавшего книгу о советской политике в Западной Европе, в которой содержится любопытная констатация: «Формирование новой европейской политики Советского Союза является особой загадкой для всех» [60].

Некоторым аналитикам на Западе было видно, как руководство КПСС и

СССР пытается уйти от прежних резких оценок европейской экономической интеграции. 1 июля 1986 г. последовало, пожалуй, впервые признание Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва об успехах европейской интеграции⁴. Это признание непременно должно было привести к изменению позиции по отношению к европейской экономической интеграции. И это изменение произошло...

Начинается переписка В. В. Сычева, Секретаря Совета СЭВ, с видным функционером ЕЭС В. Д. Клерком об установлении официальных отношений между СЭВ и ЕЭС, а также между странами – членами СЭВ и Сообществом⁵. 25 июня 1988 г. было подписана Совместная декларация об установлении официальных отношений между СЭВ и ЕЭС, которая завершила процесс нормализации связей между двумя крупнейшими интеграционными организациями⁶.

Одновременно шёл процесс нормализации отношений между СССР и ЕЭС. В августе 1988 г. последовало установление двусторонних отношений между Советским Союзом и Сообществом⁷.

В декабре 1989 г. Советский Союз заключил Соглашение о торговле и сотрудничестве с Европейским экономическим сообществом, Европейским объединением угля и стали и Европейским сообществом по атомной энергии о торговле и коммерческом сотрудничестве⁸.

⁴ Горбачёв М. С. Избранные речи и статьи. Т. 3. М.: Политиздат, 1987. С. 480.

⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 302. Оп. 2. Д. 2319. Л. 5.

⁶ Декларация об установлении официальных отношений между СЭВ и ЕЭС. Люксембург, 1988 год // Документы Европейского Союза. Т. 3. М., 1994. С. 9–11.

⁷ Установление официальных отношений между СССР и ЕЭС // Вестник МИД СССР. 1988. № 14. С. 19.

⁸ Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Европейским Экономическим сообществом и Европейским сообществом по атомной энергии о торговле и коммерческом сотрудничестве 1989 года // Документы Европейского Союза. Т. 3. М., 1994. С. 12–31

¹ Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 4. С. 38–44.

² European Information. External Relations. Brus.: CEC. № 1, 1989. P. 3.

³ La Communauté et la Banque européenne pour la reconstruction et le développement. Bruxelles: Commission des Communautés Européennes. COM (90) 190, final, 7 Mai 1990.

Названные важные соглашения позволяют некоторым отечественным исследователям называть их конкретными позитивными результатами новой «европейской» политики Горбачёва [12].

На заседании Европейского Совета в Риме 14–15 декабря 1990 г. было достигнуто соглашение о финансовой поддержке Европейскими Сообществами экономических реформ в СССР, которые должны были обеспечить, по мнению ЕС, переход от плановой к рыночной системе хозяйствования.

Параллельно описываемому процессу установления отношений между СССР, СЭВ с ЕЭС и странами этого объединения шёл процесс реформирования СЭВ.

Разобравшись, как писал Горбачев, «в ворохе» статистических данных, всевозможных записок, представленных Совмином, нашим представительством в СЭВе, посольствами, МИДом, научными институтами, он подготовил Записку в Политбюро ЦК КПСС «О некоторых вопросах сотрудничества с соцстранами», обсуждение которой произошло в мае 1986 г.¹. В этой записке констатирующая часть, касающаяся проблем в СЭВе, не вызывает возражения.

В ноябре 1986 г. в Москве встретились руководители ряда стран – членов СЭВ. Там, конечно, «солировал» М. С. Горбачёв. Он говорил, что «прежние формы сотрудничества себя исчерпали», «привычная модель экономических отношений уже не работает», «товарооборот между странами СЭВ в последние годы растёт медленнее, чем внутренний продукт, тогда как в Западной Европе всё обстоит наоборот»². «Вроде бы рассуждали основательно, не уходили от болезненных, “неприятных” проблем, а у меня все-таки оставалось впечатление некоторой теоретической отстранённости», – делился своими впечатлениями позднее М. С. Горбачёв³.

Трудно поверить в «теоретическую отстранённость» опытных руководителей восточно-европейских соцстран (Кадар, Хоннекер, Живков, Гусек, Ярузельский). Скорее, можно предположить, что реальной программы реформирования СЭВ из уст Горбачёва лидеры соцстран не услышали.

На заседании Исполкома СЭВ в октябре 1987 г. состоялся большой разговор о проблемах и задачах СЭВ⁴. Обсуждалась «Комплексная программа научно-технического прогресса стран – членов СЭВ до 2000 года» и проект «Коллективной Концепции международного социалистического разделения труда на 1991–2005 гг.»⁵. Речь шла также и о совершенствовании системы управления в СЭВ⁶.

Но всем начертанным на этом заседании «величественным планам» не суждено было сбыться. В европейских социалистических странах – членах СЭВ ускорились необратимые процессы; оппозиционные к правящим компартиям силы повели за собой подавляющее большинство людей к смене политической и социально-экономической моделей.

На фоне нарастания этих негативных для коммунистов явлений в соцстранах в горбачёвском руководстве начинают возникать, как считают многие исследователи, представления о том, что от союзников лучше «дистанцироваться» – это позволило бы снять, по мнению первого заместителя заведующего международным отделом ЦК КПСС К. Н. Брутенца, ответственность за положение в этих странах [13].

Некоторые аналитики называют и другие причины свёртывания отношений СССР с пока ещё остающимися соцстранами Европы. Советское руководство приняло решение отойти, как язвительно писали на Западе, от «кормления» своих восточноевропейских союзников. Западные расчёты, кстати, показывали,

¹ Горбачёв М. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995.

² Там же.

³ Там же.

⁴ РГАЭ. Ф.302. Оп.2. Д.2348. Л.9

⁵ РГАЭ. Ф.302. Оп.2. Д.2348. Л.Л. 5,7

⁶ Там же. Л.8

что только в 1980 г. стоимость советских трансфертов для европейских членов СЭВ составила 18 млрд долларов и ещё 5 млрд долларов для Кубы, Вьетнама и других зависимых стран¹.

Так или иначе, все рассуждения М. С. Горбачёва в 1986–1987 гг. о необходимости обновления и совершенствования системы взаимоотношений в рамках СЭВ «выбрасывались в корзину». Сложные экономические условия толкали лидера КПСС и СССР и его единомышленников на сворачивание масштабного «взаимовыгодного сотрудничества» со странами СЭВ, но сделано это было крайне не продумано.

Болгарский журналист В. Найденов, который присутствовал на последней сессии СЭВ в январе 1990 г. в Софии, рассказывает о растерянности руководителей делегаций, когда председатель совета министров СССР Н. И. Рыжков «спокойно заявил, что торговля за переводные рубли между странами СЭВ прекращается, что валютой должен служить доллар». Ошеломлённая чешская делегация заявила: «Но в таком случае нам придется выйти из СЭВ?!»; Н. И. Рыжков ответил: «Ну и выходите. Да, пожалуйста!»².

29 июня 1990 г. Госплан СССР официально объявил о выходе страны с 1 января 1991 г. из сложившейся системы расчётов между социалистическими странами, входившими в ЕЭС, и переводе торговых отношений СССР со странами СЭВ на конвертируемую валюту [11]. Понятно, что решение Госплана было одобрено высшим партийным и государственным руководством. Оно, естественно, подорвало систему интеграционных связей внутри СЭВ. Это признавал, конечно, позднее и Горбачёв³.

На XXVIII съезде КПСС (2–13 июля 1990 г.) о проблемах развития СЭВ ни в

докладе М. С. Горбачёва, ни в выступлении Н. И. Рыжкова не было сказано ни слова. Правда, последний произнёс фразу «рыночные отношения объективно содержат в себе интеграционные начала»⁴, но она была высказана в контексте интеграции союзных республик. И только «идеолог перестройки» А. Н. Яковлев цинично (учитывая его скрытое внутреннее понимание, выраженное позже, что всё идёт по его разрушительному плану) заявил: «СЭВ перестраивается, действительно перестраивается... Я думаю, что СЭВ как организация экономическая, перестроив свою работу, имеет будущее»⁵. Спустя менее года – 28 июня 1991 г. – СЭВа не стало.

В научной и общественно-политической литературе содержится большой пласт публикаций, в которых предпринимаются попытки определить причины развала СЭВ. Многие авторы этих публикаций заняты поиском «пороков» в социалистической интеграции, сводя свои рассуждения к утверждению о закономерной гибели социалистической модели, а значит и социалистической интеграции. Все подобного рода суждения основываются на идеологии рыночной экономики. В таком случае говорить о дискуссии не приходится.

Но для не предвзятого и политически не ангажированного исследователя были и остаются вопросы, связанные с определением места социализма вообще и социалистической интеграции в частности в истории восточноевропейских стран. Нельзя не игнорировать факт, что в 1950–1980 гг. в Восточной Европе международная система экономического сотрудничества стран «социалистического лагеря» делала шаги в сторону более справедливого выравнивания экономи-

¹ John F. Burns. The deep strains in comecon // The New York Times. 1983. 10 May

² Комсомольская правда. 2013. 23 мая.

³ Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995. 656 с.

⁴ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г.: Стеногр. отчет. Т. 2. М.: Политиздат, 1990. С. 127.

⁵ Там же. С. 618

ческих показателей, чем это происходит сегодня в ЕС¹.

Социалистическая интеграция, как бы критично к ней не относились, не предполагала создание чётких и жёстких наднациональных институтов, как это сделано в ЕС. Именно в СЭВ наблюдались такие принципы построения интеграции, как равноправие, обеспечение экономического роста для всех членов Совета, построение сбалансированной структуры экономики [31].

За короткий срок восточноевропейские социалистические страны превратились в промышленно-развитые государства. Деятельность СЭВ и помощь СССР восточноевропейским партнёрам создали тот базис, который позволяет восточноевропейской экономике существовать и сегодня. Восточноевропейские участники СЭВ получили также положительный опыт деятельности в различных формах международных интеграционных связей, аналоги которых присутствовали и в западноевропейской интеграции. Были сформированы, наконец, институциональные структуры, подготовлены специалисты, хорошо разбиравшиеся в интеграционных процессах, что поможет потом восточноевропейским странам «обустраиваться» в Евросоюзе.

Возвращаясь к политике советского руководства в отношении Европейского сообщества, надо отметить, что в этой политике «царствовали» несбыточные ожидания, «романтизированные представления об успехах европейской интеграции и возможности быстрого присоединения к ЕС параллельно динамичным внутренним преобразованиям в стране»².

На XXVIII съезде КПСС, состоявшемся в начале июля 1990 г., М. С. Горбачёв

прямо не говорил о европейской экономической интеграции, но не мог, наверное, не заметить, что «нельзя выйти к процветающему, свободному и демократическому обществу в одиночку, противопоставляя свой путь другим путям общественного развития»³.

М. С. Горбачёву вторил и его верный единомышленник Э. А. Шеварнадзе, который, кстати, сам себе не верил в то, что «вчерашний партийный работник может в одночасье стать профессиональным дипломатом»⁴. Так вот, этот «партийный работник-дипломат» говорил на съезде: «У нашей страны нет будущего вне интеграции в общую мировую систему экономических, финансовых институтов и связей»⁵.

М. С. Горбачёва и его окружение охватила чрезмерный оптимизм. Он со своими единомышленниками стал считать, что развитие связей с Европейским сообществом положительно воздействует на развитие советской экономики и её реформирование.

Какими нелепыми выглядят сегодня ожидания «горбачёвцев»; им не могла даже прийти мысль о том, что коллективный Запад делает всё, чтобы навсегда похоронить социалистическую экономику, а вместе с ней и социалистические государства.

М. С. Горбачёв и его окружение явно переоценили искренность заявлений и первых действий Запада вообще и Сообщества в частности в отношении СССР. На заседании парламентской ассамблеи Совета Европы в Страсбурге в 1989 г. выступление М. С. Горбачёва было встречено овацией. За что же он удостоился их? Рукоплескали генсеку КПСС за сказанные слова о том, что наша страна принимает европейские основополагающие ценности⁶.

¹ Логинова А. С., Травина Л. А. Сравнительно-правовое исследование деятельности Совета экономической взаимопомощи, Европейского экономического союза и Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.14420/ru.2015> (дата обращения: 19.12.2024).

² История европейской интеграции (1945–1994 гг.) М., 1995. С. 297.

³ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г.: Стеногр. отчет. Т. 1. М.: Политиздат, 1991. С. 81

⁴ Там же. С. 157

⁵ Там же. С. 162

⁶ Россия в глобальной политике. Т. 1. № 2. С. 27.

Пройдёт 30 лет, и «демократический мир» в лице коллективного Запада отвергнет все эти «европейские ценности» в отношениях с правопреемником Советского Союза – Россией.

Лазарева Л. Н.

ПУБЛИКАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИВА КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

С обострением геополитических противоречий усилились не только мифологизация прошлого, но и сознательная фальсификация исторических фактов. К тому же в современном мире этот процесс накладывается ещё и на острый кризис традиции как элемента межпоколенной коммуникации [58]. Поэтому одним из значимых трендов трансформации исторической науки стало вхождение в число приоритетных исследовательских направлений проблематики формирования культурной памяти, которая «цементирует» цивилизацию общими представлениями о прошлом и будущем [47].

Вместе с тем (а во многом и вследствие обозначенных выше факторов) развивается институциональная трансформация архивов как ключевых хранителей документальной памяти социума [37], обладающих мощным потенциалом противодействия фальсификации истории. Именно документальные «сокровища», наполняющие архивохранилища, способны зримо явить обществу сложнейшие противоречивые процессы XX в., позволяя видеть не «плоскую картинку» чёрно-белого мира, а многообразие красок нашего героического и трагического прошлого и критически оценивать информацию, построенную на жонглировании фактами или даже на их подмене вымыслом, нередко встречающуюся в современном публичном пространстве. Представляется важным сформулированный екатеринбургским историком Л. Н. Мазуром запрос на актуализацию документальной памяти, требующий

смены приоритетов в деятельности архивов: «Не только обеспечение сохранности документального наследия, но и создание условий для его использования (доступности), является важнейшей функцией архива, позволяющей реализовывать миссию института памяти» [38, с. 102].

В качестве примера эффективной деятельности архива, направленной на актуализацию документальной памяти, можно привести документально-издательский проект по позднему сталинизму на базе Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), осуществляемый под руководством лауреата Государственной премии РФ в области науки и техники В. В. Журавлёва. Учитывая важность общественного запроса на реализацию исторической наукой своих мировоззренческих функций, представляется своевременной публикация документов, раскрывающих особенности послевоенного развития СССР в условиях стремительно развернувшегося геополитического противостояния.

Основой отбора документов для публикации стал анализ периода позднего сталинизма через призму концепции догоняющей модернизации [25]. Исходя из этого, в первую книгу («Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии»¹) были отобраны источники, характеризующие поиск доктринальных оснований долгосрочной стратегии, а во вторую («Социальная политика СССР в послевоенные годы»²) – раскрывающие особенности послевоенной социально-экономической политики. Причём, благодаря поступившим в ЦК ВКП(б) из регионов отчётам, докладным запискам и информации местных партийных и го-

¹ Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 647 с.

² Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Научно-политическая книга, 2020. 718 с.

сударственных управленцев, составителям удалось показать не только ключевые механизмы, но и противоречия «сталинской» социально-экономической модели, потребовавшие её корректировки сразу после смены лидера партии.

Логика концептуального отбора документов потребовала заключительный сборник публикаторского проекта (работы над которым сейчас подходит к завершению), посвятивший особенностям культурной политики – важнейшего и крайне противоречивого аспекта догоняющей модернизации «по-советски».

Изначально коллектив составителей планировал оставаться в тех же хронологических рамках, которых придерживался в уже изданных книгах: с 1947 г. (границы выхода СССР из военной экономики и перехода к мирной жизни) по 1953 г. (смены лидеров на влажном Олимпе). Но знакомство с делопроизводственной документацией Управления Агитации и Пропаганды ЦК ВКП(б) внесло коррективы, сдвинув нижнюю хронологическую границу к 1943 г. – выяснилось, что уже в годы войны отчётливо прослеживаются ключевые процессы, намечавшие траекторию движения в мирное будущее.

Ещё одной особенностью работы над новым этапом документально-издательского проекта РГАСПИ стал выход на межархивный уровень. Сотрудничество с Российским государственным архивом литературы и искусства (РГАЛИ) заметно обогатило источниковую базу готовящегося сборника. Своеобразный «диалог» документов двух архивов, дополняющих друг друга, помогает составителям выявлять ключевые особенности советской культурной политики: делопроизводственная документация Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)¹ даёт возможность «приоткрыть завесу» над механизмами принятия решений и реконструировать процесс выработки важнейших идеологем, «скреплявших» совет-

ское общество не только в послевоенные, но даже и в последовавшие за ними годы (вплоть до начала политики перестройки в 1985 г.) – материалы Комитета по делам искусства при Совете министров СССР² демонстрируют особенности воплощения в жизнь установок ЦК ВКП(б) как в центре, так и в регионах. К тому же включение в сборник источников личного происхождения из фондов РГАЛИ позволило составителям продолжить работу в рамках антропологического подхода, рассматривая исторические процессы и на микроуровне – через отзывы творческой интеллигенции, доверенные записным книжкам и дневникам.

В первый раздел вошли источники, раскрывающие как политику восстановления сферы культуры, так и развернувшийся активный поиск смыслов, транслируемых в массы творческой элитой. Второй раздел посвящён послевоенным идеологическим кампаниям, характеризуя особенности практической реализации установки на мобилизацию советского общества как в Центре, так и на региональном уровне. Документы третьего раздела рассказывают о завершающем этапе культурной политики позднего сталинизма, предоставляя читателю возможность сделать собственные выводы о её противоречивых результатах.

Каждый этап публикаторского проекта РГАСПИ по позднему сталинизму развивал устоявшиеся в историографии мифы и углублял понимание процессов, развернувшихся в формировавшейся Ялтинско-Потсдамской системе и их влияния на траекторию послевоенного развития страны. Не исключением стал и третий сборник данного цикла.

К сожалению, в рамках круглого стола невозможно подробно рассказать обо всех находках при публикации документов о культурной политике позднего сталинизма. Но всё-таки, хоть и коротко,

¹ РГАСПИ. Ф. 17 – ЦК ВКП(б) – КПСС.

² РГАЛИ. Ф. 963. Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР (Москва, 1936–1953 гг.)

уделим внимание первому разделу готовящегося сборника.

Публикация включённых в него документов особенно актуальна в наступающий юбилейный год Победы: с одной стороны, источники показывают культурную политику как механизм, обеспечивший мобилизацию советского общества в противостоянии нацизму (например, к февралю 1943 г. концертными бригадами и театрами в действующих частях и в госпиталях, на фронте и в тылу советские артисты провели более 200 тысяч концертов и спектаклей¹), а с другой – демонстрируют усилия государства, направленные на восстановление сферы культуры (впечатляет, когда уже в мае 1943 г. поднимаются вопросы, связанные с сохранением культурного наследия², или в августе 1944 г. подробно анализируется на верхних этажах власти состояние культурных и политико-просветительных учреждений в деревне и разрабатываются меры по оказанию им помощи³).

Наряду с этим публикуемые документы добавляют важные штрихи к портрету общества, выдержавшего испытания военного лихолетья, например: демонстрируют запрос самих участников событий на увековечивание памяти павших

и фиксации злодеяний, сотворённых на советской земле (уже в мае 1943 г. Смоленский Облисполком и Обком ВКП(б) приняли решение о создании постоянно действующей выставки музея «Смоленщина в Великую Отечественную войну» – город был освобождён 25 сентября 1943 г.)⁴.

Представляется важным и то, что публикуемые источники дополняют наши представления о трудностях жизни в эвакуации (например, о том, как бытовая неустроенность усиливала националистические настроения⁵) и об усилиях государства, направленных на материальную поддержку научных работников и членов творческих союзов⁶.

Не менее интересной «сюжетной линией» готовящегося документального сборника является комплекс материалов, раскрывающих процесс формирования важнейших для советского общества идеологем.

¹ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 1178. Л. 281.

² Письмо историков А. М. Панкратовой, А. И. Андреева, К. В. Базилевича, Н. Н. Воронина, С. В. Киселева И. В. Сталину о мерах по сохранению монументальных памятников русского национального искусства. 6 мая 1943 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 216. Л. 55–56 об. Реакцией на обращение стало Постановление СМ РСФСР № 389 «Об охране памятников», которое предписывало произведения древнерусского зодчества, кремни, крепости, монастыри и т. п. сооружения использовать только по музейному или их прямому назначению. (Эл. Ресурс. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. URL: https://libussr.ru/doc_ussr/ussr_4641.htm (дата обращения: 15.12.2024).

³ Докладная записка Г. Ф. Александрова А. А. Андрееву, Г. М. Маленкову, А. С. Щербакову о состоянии культурных и политико-просветительных учреждений в деревне. 23 августа 1944 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 302. Л. 10–15.

⁴ Ходатайство председателя исполкома смоленского областного совета депутатов трудящихся Р. Е. Мельникова, секретаря смоленского обкома ВКП(б) Д. М. Попова об увеличении ассигнований на организацию постоянно действующей выставки «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны» секретарям ЦК ВКП(б) В. М. Молотову, Г. М. Маленкову. 23 февраля 1944 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 302. Л. 1–3.

⁵ Докладная записка директора киевского театра музыкальной комедии В. П. Гонтаря, секретаря партийной организации театра В. Ф. Козерацкого, председателя профсоюзного комитета Б. А. Хенкина об эвакуации Киевского государственного театра музыкальной комедии в Казахстан секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву и секретарю ЦК КП(б) Казахстана Н. А. Скворцову. 16 августа 1943 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 216. Л. 75–95.

⁶ Письмо неизвестного автора о материальном положении советских писателей заместителю председателя Совета народных комиссаров СССР Л. П. Берии. 14 января 1944 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 285. Л. 8–16. В 1944 г. порядок снабжения работников науки, искусства и литературы был изменен приказом № 480 Народного Комиссариата торговли СССР от 7 октября – члены и кандидаты в члены творческих союзов получили право на обеды по литеру «Б» и дополнительный сухой паёк. Работники науки, искусства и литературы прикреплялись к закрытым магазинам.

Партийные и государственные чиновники жёстко контролировали репертуар, требуя от деятелей культуры трансляции выработанных ЦК ВКП(б) смыслов. На совещании драматургов и театральных деятелей в КПДИ при СНК СССР 24 мая 1943 г. Ф. П. Бондаренко (выступавший здесь в роли государственного чиновника) наставлял: «...наша Родина ведёт всенародную борьбу, и задача искусства, которое должно мобилизовать этот народ, показать эту борьбу, зажечь народ большой ненавистью к врагу. Эта задача и заключается в народности нашего искусства. Нам нужна народность в искусстве, а её не хватает...»¹. Из зала задали вопрос: «Что такое народность?»². Федор Пименович попытался сформулировать: «...Русские писатели любили русский народ за патриотизм, за пламенную любовь к своей Родине, к своей природе, любили за высокую идейность, преданность идее, преданность до самозабвения, до самоотвержения, за беззаветную храбрость, за служение идее, за любовь к свободе, ненависть к рабству, к самодурству, за трудолюбие, упорство в труде, за гуманизм, желание помочь всем, кто в этом нуждается, за коллективизм, за товарищество, за дружбу, за природный ум, за знаменитую русскую смекалку, за широту взглядов, за высоту чувств, за высокие моральные чувства, за честность, искренность, прямодушие и благородство. Вот образ русского человека...»³.

Обращение к национальным корням в преддверии военного лихолетья дало дополнительную опору, способствовавшую объединению общества. Сложность состояла в том, что в огромном многонациональном государстве, построенном к тому же на идеологии, требовался очень тонкий баланс между национальной компонентой патриотизма и интернацио-

нальным вектором идеологии большевиков. Руководители культурной политики страны чутко уловили опасность⁴. В ходе развернувшегося на IX пленуме Союза Советских писателей СССР (5–9 февраля 1944 г.) острого обсуждения представителями творческой элиты требований к содержанию их произведений, партийные лидеры получили подтверждение важности и глубины возникшей проблемы [34]. Реакцией ЦК ВКП(б) стала попытка создать чёткую систему координат, обозначив «красные линии», переступать которые не допустимо. Важным этапом поиска парадигмы советского патриотизма стало совещание историков (весна–лето 1944 г.). Продолжился он и после войны уже в условиях развернувшегося блокового противостояния в более жёсткой форме: разброд и шатание в осаждённой крепости (как воспринимали СССР его руководители) не допустимы; от лидеров мнений требовалось транслировать установки партийного «штаба». Трагедией «творцов» стало то, что критерии так и не были достаточно чётко сформулированы и были далеко не всегда им понятны.

В завершении можно резюмировать: результатом расширения хронологических рамок заключительного сборника публикаторского проекта о позднем сталинизме является введение в публичное пространство комплекса документов, дающих возможность всем интересующимся отечественной историей составить собственное мнение о вкладе культурной политики в победу над нацизмом, опираясь при этом на фактический материал, раскрывающий в совокупности как сложность и противоречивость политики в области культуры, так и «кухню» формирования её парадигмы. Составителям представляется это достойным вкладом в актуализацию документальной памяти современного общества и эффективным механизмом противодействия фальсификации истории.

¹ Стенограмма совещания драматургов и театральных деятелей в КПДИ при СНК СССР 24 мая 1943 г. РГАЛИ. Ф.962. Оп.3. Д.1185. Л.14–28

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Л. 25.

⁴ Такие выводы позволяет сделать, например, критика сценария А. П. Довженко «Украина в огне». РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 293. Л. 11–15.

Куренкова Е. А.

**НАУЧНАЯ ШКОЛА «ЦЕННОСТНЫЕ
ОСНОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОЦЕССОВ В РОССИИ»:
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД
В ОСМЫСЛЕНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ
СИСТЕМ**

Указ Президента № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»¹ обозначил запрос на применение методологии цивилизационного подхода при объяснении исторических процессов и представлению истории России. Ещё в XIX столетии Н. Я. Данилевским [18], а позже О. Шпенглером [57] и А. Тойнби [53] были сформулированы положения об историческом развитии цивилизаций сообразно с различием ценностей. Продолжателями этой линии в российской обществоведческой мысли в постсоветский период выступили А. С. Панарин [45] и В. Л. Цымбурский [56]. А. Г. Дугин соединил теорию цивилизаций с геополитикой [23; 24]. Однако научных школ, работающих в парадигме цивилизационного подхода в российском обществоведении, фактически не сложилось.

Дефицитность применения цивилизационного подхода в российских общественных науках и истории в частности особо остро обозначилась в последние годы. Парадоксальность сложившейся ситуации состояла в том, что приверженность цивилизационному подходу была заявлена на уровне высшей государственной власти, тогда как обществоведческие науки опирались преимущественно на иные методологические парадигмы.

Ввиду возникшей проблемы генерирования основ новой российской теории государства-цивилизации целесоо-

бразно обратить внимание на научную школу, сложившуюся в Государственном университете просвещения, акцентированно развивающую методологию цивилизационного подхода. Государственный университет просвещения преемственен в своём становлении своим прежним институциональным воплощениям – Московскому областному педагогическому институту им. Н. К. Крупской, Московскому педагогическому университету и Московскому государственному областному университету, а соответственно, и заложенным ими научным традициям.

Научная школа «Ценностных оснований общественных процессов в России» развивает аксиологический подход в осмыслении цивилизационных систем. Цивилизационно-идентичные ценности составляют фундамент цивилизаций, определяя их системы жизнеустройства. Ценностный подход исходит из определения базовых ценностей, на основе которых устанавливаются цели, далее выявляются проблемы как препятствия к достижению целевых ориентиров, находятся средства к их решению и тем самым достигается результат.

Ценностный подход в разработках научной школы соединён с развитием теории цивилизаций. Фундаментом цивилизационных сообществ являются базовые для них ценности, и соответственно, исследование феномена цивилизаций невозможно без применения инструментария аксиологии [3]. Ценностно-цивилизационный подход был положен в основу разработки федерального УМК по курсу «Основ российской государственности»², активное непосред-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 19.12.2024).

² Изучение истории российской государственности: учебные материалы образовательного модуля: учебно-методич. пособие и УМК для вузов / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, М. В. Дмитриев, В. В. Дементьева, С. В. Любичанковский, А. В. Урядова, В. П. Федюк. Ярославль: Индиго, 2023. 540 с.; Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. М. Мараса-

ственное участие в формировании которого приняли представители научной школы [27].

Формирование научной школы уходит к начальным этапам истории Государственного университета просвещения. В первую плеяду историков, преподававших в вузе, входили выдающиеся отечественные учёные: Б. А. Рыбаков, В. М. Хвостов, Б. Ф. Поршнев, Н. Л. Рубинштейн, А. З. Манфред, П. А. Зайончковский и др. [2; 30; 50]. Несмотря на доминацию марксистской методологии, каждый из них привнёс свою лепту в развитие методологических подходов советской историографии. Осевой линией тем не менее стал патриотический нарратив и государственнический подход в представлении российского исторического процесса. Труды академика Рыбакова можно считать предвосхищением применения теории цивилизационного подхода к периоду истории Древней Руси [48]. Предвосхищение развития аксиологического подхода можно обнаружить в трудах Поршнева. Академик Хвостов развивал направление противодействия западным фальсификаторам истории, отстаивания исторической правды. В более поздние годы вуз стал генератором исследований по истории патриотической мысли и теории патриотического воспитания [55].

Собственно развитие школы аксиологических исследований и теории цивилизационного подхода было связано с приходом к руководству факультета истории, политологии и права в 2013 г. профессора В. Э. Багдасаряна. В состав научной школы были инкорпорированы профессора С. И. Реснянский, Ю. Ю. Иерусалимский, доценты О. В. Розина, Э. Э. Шульц и др. За период существования школы вышло более 70 монографий и учебников, представляющих позицию рассмотрения истории и современного состояния Рос-

сии через призму теории русской (российской) цивилизации.

Важнейшим методологическим вкладом научной школы в современные отечественные науки явился синтез цивилизационного подхода с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» было заявлено на уровне документов стратегического планирования первоначально без их концептуального осмысления, что было для этого формата естественным. Параллельно развивалась тема России как государства-цивилизации, заявленная ещё в Послании¹ президента Федеральному Собранию 2012 г. [8]. Разработки научной школы Государственного университета просвещения по проблематике традиционных духовных ценностей, включая монографию «Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения», были опубликованы ещё до выхода Указа № 809 [9].

Обзор существующих в мировой мысли подходов к пониманию генезиса традиционных ценностей показал значительную вариативность существующих объяснительных моделей. Эти подходы варьировались от примордиализма Р. Генона² до фамилиализма американских консерваторов [14]. В предложенной научной школой Государственного университета просвещения модели традиционные ценности рассматриваются как ценностное ядро цивилизационногенеза [16].

Указом президента № 314 традиционные российские духовно-нравственные ценности и позиционирование России как государства-цивилизации соединялись в единый подход, что соответствовало и видению исследований научной

нова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский и др. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2023. 212 с.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 2012 // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 19.12.2024).

² Генон Р. Инициация и духовная реализация. М.: Тотенбург, 2020. 248 с.; Генон Р. Царство количества и знамения времени. М.: Беловодье, 2011. 304 с.

школы. В книге «Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства России» делался уже следующий шаг в практическом преломлении соответствующего понимания к преподавательской деятельности. Применительно к истории проводилась, в частности, критика с позиций традиционных ценностей концепции модернизации, имевшей до последнего времени доминирование в российском образовательном пространстве [10].

Исследования научной школы «Ценностных оснований общественных процессов в России» важны как обозначение перспективы формирования соответствующего подхода в отечественной историографии и общественных науках в целом. Фактически можно говорить о формировании альтернативы доминирующим с начала 1990-х гг. методологическим подходам, сопряжённым прямо или опосредованно с либеральной идеологией. Важно, что именно направление цивилизационного подхода с опорой на традиционные российские духовно-нравственные ценности сегодня приобрела в повестке актуальных вызовов характер новой идентичной идеологии России.

Иерусалимский Ю. Ю., Косторниченко В. Н.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И ТРАНСФОРМАЦИЙ

Значительные социально-экономические и политические изменения последних лет обусловлены во многом не только трансформацией технологических укладов, но и стремлением общественности ряда мировых держав к национальному суверенитету и суверенному равенству. Приход в Венгрии, Словакии, Венесуэле, Бразилии, некоторых африканских странах и т. д. к власти партий, приверженных идеям национального государства, стал закономерным результатом предшествующего развития.

Формирование национальной идеи развития тесно связано с обращением к историческому прошлому. При этом исторические представления становятся ключом к пониманию особенностей современных общественных процессов. В силу этого вполне объясним растущий интерес к истории как к инструменту построения различных национальных моделей, позволяющему исследовать самобытные закономерности предшествующего общественного опыта, чтобы впоследствии исходя из этого определять специфику последующего развития.

В наши дни в отечественной исторической науке наиболее востребованной методологией в изучении истории национальных государств является цивилизационный подход, акцентирующий внимание на исследовании человеческой деятельности и уделяющий основное внимание духовным факторам развития, прежде всего, национальному самосознанию и религии. Основой цивилизационного подхода является культура, понимаемая авторами статьи как совокупность генетически ненаследуемой информации в области поведения человека. В данном случае мы исходим из общей трактовки этого термина известным русским философом Ю. А. Лотманом [37].

Цивилизационный подход с момента своего появления получил широкое признание в мировой исторической науке. Основоположителем цивилизационного подхода является выдающийся отечественный учёный Н. Я. Данилевский. В своей фундаментальной работе «Европа и Россия» он представил концепцию, согласно которой государства, объединённые общей религией и культурой, существуют как независимые, уникальные структуры, развивающиеся по собственным законам и находящиеся в постоянном взаимодействии между собой [20]. Данилевский выделил несколько крупных цивилизаций, таких, как славянская, западноевропейская и арабская, каждая из которых, по его мнению, обладает

специфическими особенностями и проходит собственные стадии исторического развития. В своём труде он фактически показал, как использовать цивилизационный подход для анализа взаимного влияния и взаимодействия между культурами.

В советской исторической науке по понятным причинам принимался только формационный подход, на рубеже 1980–1990-х гг. в общественных дисциплинах стали появляться работы, основанные на цивилизационном подходе (например, труд С. Ю. Глазьева и Д. С. Львова [17]), а в 2020-е гг. он получил широчайшее распространение. Интересно, что цивилизационный подход на современном этапе в исторических науках применяют учёные, придерживающиеся диаметрально противоположных политических взглядов – от леворадикальных до монархических.

На Западе представителями цивилизационного подхода являются, например, учёные консервативного направления С. Хантингтон [57] и Н. Фергюсон [61], которым противостоят И. Валлерстайн [62] и А. Г. Франк¹. К приверженцам цивилизационного подхода также следует отнести представителей известной французской исторической школы «Анналов» Ф. Броделя, Л. Февра, М. Блока и многих других.

Современная историческая наука претерпела значительные изменения за последние несколько веков. Ранее воспринимавшаяся как дисциплина, занимающаяся просто фиксацией и толкованием событий, сегодня она сталкивается с новыми вызовами и трансформациями, обусловленными изменяющимся восприятием прошлого и растущим междисциплинарным характером исследований.

Одним из важнейших изменений стало влияние новых технологий. Цифровая революция коренным образом преобразовала методы сбора, анализа и распространения информации. Традиционные

подходы, такие, как работа с архивами и анализ артефактов, были дополнены или даже заменены цифровыми инструментами, которые позволяют историкам более эффективно и в широком масштабе работать с первоисточниками. Цифровые архивы, базы данных и технологии, такие, как географические информационные системы (ГИС), обеспечивают более точный и комплексный анализ исторических данных.

Кроме того, развитие таких направлений, как палеогеномика, археологические технологии и моделирование климата привело к появлению новых источников доказательств. Генетические исследования, например, помогают проследить миграционные пути, родственные связи и распространение болезней в древности. Эти достижения способствуют пересмотру устоявшихся исторических концепций и традиционных представлений о социальных структурах, этничности и развитии человечества.

С каждым годом историки всё активнее используют методы анализа больших данных для выявления закономерностей и тенденций, которые ранее были трудны для обнаружения. Цифровизация исторических текстов и объектов также способствует популяризации истории и приращению исторических знаний по отечественной и всеобщей истории, позволив как учёным, так и широкой аудитории работать с первоисточниками, что раньше было невозможно. Эти изменения не только трансформируют методологию исторической науки, но и делают её более инклюзивной, стирая географические и институциональные барьеры.

Междисциплинарный подход сделал историческую науку более разнообразной. Историки всё чаще сотрудничают с учёными из областей антропологии, социологии, экономики и экологии, что обогащает их исследования. Это привело к возникновению новых направлений: экологическая история, экономическая история и глобальная история, которые

¹ Crisis: In the Third World. New York: Holmes & Meier.

помогают глубже понять события прошлого, помещая их в более широкий социальный и экологический контексты.

История также стала более взаимосвязанной и глобальной. С развитием технологий, торговли и миграции историки всё чаще исследуют исторические явления за пределами национальных рамок. Глобальная история как отдельная дисциплина сосредотачивает внимание на движении людей, идей и товаров между различными регионами и культурами, предлагая новый взгляд на прошлое.

Одним из актуальных аспектов современной исторической науки стало обращение к этическим вопросам, которые ранее были менее заметны. Методы представления и интерпретации истории в современных дебатах, политических дискуссиях и даже в ток-шоу стали важной темой общественно-политической жизни целого ряда государств, включая Россию и США. История, как и 100 лет назад, часто используется для оправдания политических действий, и историкам необходимо чётко осознавать, как их исследования могут быть использованы в этих целях.

Рост исторического ревизионизма, манипуляции историческими фактами, открытая фальсификация истории для идеологических целей, особенно в условиях развития социальных сетей, делают крайне важным для историков придерживаться принципа объективности и научности. На современном этапе особенно активизировалась фальсификация истории России и мира в угоду европоцентризму, англо-саксонским трактовкам и всем русофобским силам. Отечественные исследователи на основе тщательного анализа больших комплексов источников с помощью современных методов исторической информатики противопоставляют этому свои работы, раскрывающие реальный ход исторического процесса.

Эти этические вопросы связаны с растущим осознанием социальной ответственности историков. Современные

исследователи понимают, какое влияние их работа может оказать на общество, и осознают необходимость делать свои исследования доступными и актуальными для широкой общественности. Историческая наука продолжает трансформироваться, не только применяя новые методы и парадигмы, но и более осознанно подходя к своей роли в формировании общественного сознания и раскрытия исторических закономерностей.

Существенную помощь в этом процессе окажет широкое применение цивилизационного подхода, не декларативное в угоду модному тренду, а осознанное и прочувствованное. Положительным примером в этом отношении являются учебно-методические комплексы по «Основам российской государственности» и «Истории культуры России» и ряд монографий¹.

Заключение

Дискуссия о ситуации в исторической научной среде подтвердила предположение о начавшейся парадигмальной трансформации. Фактически можно говорить о явлении научной революции. Доминировавшая либеральная школа научно-общественную дискуссию проиграла. Но занятые институциональные позиции и ниши сдаются ей с большим сопротивлением.

¹ Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката. СПб.: Изд-во РХГА, 2022. 328 с.; История культуры России: учебно-методический комплекс модуля (дисциплины) для образовательных организаций высшего образования / В. М. Марасанова, Ю. Ю. Иерусалимский, В. Э. Багдасарян и др. Ярославль: Индиго, 2024. 488 с.; Изучение истории российской государственности: учебные материалы образовательного модуля: учебно-методическое пособие и УМК для вузов / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, М. В. Дмитриев, В. В. Дементьева, С. В. Любичанковский, А. В. Урядова, В. П. Федюк. Ярославль: Индиго, 2023. 540 с.; Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский и др. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2023. 212 с.

В настоящее время фиксируется кристаллизация 3 конкурирующих парадигм в понимании и объяснении исторического процесса.

Первая парадигма – *советско-марксистская*, поддерживаемая значительной частью преподавательского корпуса. Её признаки: оперирование категориальным аппаратом формационной теории, классовый подход и экономоцентризм. Внутренние противоречия производны от сути самой парадигмы – синтеза марксистского и советского. Советское в своих исторических реалиях выходило за классические марксистские схемы описания исторического процесса. Большевик переосмысливался как явление русское цивилизационное, что предполагало коррекцию исходно применяемой методологии.

Вторая парадигма – *либерально-западническая*. На стадии своей гегемонии, посредством неё навязывался концепт о русской отсталости от мировых трендов развития, имманентной тоталитарности российского общества и авторитарности российского государства. Позже столь радикальные, с переходом на русофобию, позиции стали неуместны и чреватые правовыми последствиями, и либералы скорректировали свои позиции. Приобрела распространение взятая исходно из американской культурной антропологии теория модернизации. Суть её состояла в попытке подвёрстывания под тренд движения в направлении к универсальному обществу, выстроенному под шаблоны Запада, национальной специфики условного перехода. Но сам тренд не ставился под сомнение. Теорию модернизации как идею исторического перехода от традиционного вариативного общества к обществу универсальному не следует смешивать, что часто случается, с модер-

низацией как обновлением потенциалов системы. Либеральная парадигма в исторической науке есть позиция идейного западничества, и она имеет немало сторонников, измеряющих успешность по критериям западного потребления.

Третья парадигма – *цивилизационная*. Именно она сегодня становится ядром новой системы мировоззренческого строительства (фактически новой идеологии). Дискуссия показала, что большинство участников принимает цивилизационный подход, оценивают его потенциалы как перспективные, тогда как противники оказываются в меньшинстве. Парадигмальный перелом произошёл.

Дискуссия показала, что вопрос об универсальном и специфичном (вариативном) по-прежнему является методологически ключевым. Сохраняются ещё удивительным образом стереотипы ньютоновской механистической картины мира, переосмысленной в физике, но сохраняемой в применении к видению гуманитарных наук. Произведённая ещё на рубеже XIX–XX вв. ревизия привела к пониманию, что при смене средовых условий, результат будет иным. Это означает, что выдаваемое за универсалии в иных цивилизационно-средовых условиях не работают (точнее, работают прямо противоположным образом).

Эта дискуссия показала также, что не работает столь же пережившая себя «гильотина Юма». Без ценностей, этики, веры, смыслов гуманитарные науки не функциональны. А ценности всегда вариативны. Человек, равно как и большие социальные группы, делает ценностный выбор. Отрицание выбора ценностей, собственного пути развития и есть тот самый западный научный колониализм, переходящий всякий раз в научный фашизм.

Дата поступления в редакцию 26.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьич Б. В. Заметки по поводу статьи Б. Н. Миронова «Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным» // Экономическая история. Ежегодник. 2002. Т. 2002. С. 611–613.
2. Афанасьев А. Н. История как строгая наука: опыт сциентизации исторического знания в трудах Б. Ф. Поршнева // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 268–283.
3. Багдасарян В. Э. Аксиология России в перспективе мирового развития // Политика и общество. 2014. № 7. С. 837–854.
4. Багдасарян В. Э. Антироссийские исторические мифы. СПб.: Питер, 2016. 384 с.
5. Багдасарян В. Э. Россия – Запад: цивилизационная война. М.: Форум; ИНФРА-М., 2017. 410 с.
6. Багдасарян В. Э., арх. Сильвестр (Лукашенко). Россия и Запад: цивилизационные различия. Ярославль: СПК, 2023. 304 с.
7. Багдасарян В. Э., Бушуев В. В. Историческая политика. М.: ИНФРА-М, 2023. 336 с.
8. Багдасарян В. Э., Балдин П. П., Реснянский С. И. Послания президента Российской Федерации Федеральному собранию как источник изучения исторической политики России // Вестник Санкт-Петербургского Университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 421–436.
9. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., архимандрит Сильвестр (Лукашенко С. П.). Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения. Ярославль: ОАО «СПК», 2022. 256 с.
10. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., архимандрит Сильвестр (Лукашенко С. П.). Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства. Ярославль: Шукаева и семья, 2024. 296 с.
11. Барановский В., Шмелев Б. Эпоха радикальных преобразований // Новая Польша. 2010. № 7/8. С. 3–18.
12. Барсенков А. С. «Новое мышление» во внешней политике СССР (1985–1991) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 64.
13. Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. 652 с.
14. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 444 с.
15. Васильев Ю. А. Модернизация под красным флагом. М.: Современные тетради, 2006. 343 с.
16. Вититнев С. Ф., Шмелева А. В. Византийская цивилизация и её влияние на исторические судьбы России как предмет осмысления в рамках консервативного общественно-политического дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 97–122.
17. Глазьев С. Ю., Львов Д. С. Общие закономерности технико-экономического развития: Соревнование двух систем. М.: Наука, 1990. 230 с.
18. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: ИЦ «Древнее и современное», 2002. 550 с.
19. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.
20. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.: Изд-во «Глаголь», 1995. 552 с.
21. Дискин И. Е. Консервативная модернизация. М.: РОССПЭН, 2021. 341 с.
22. Дугин А. Г. Вестеренология: в направлении суверенной русской науки // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 7–21.
23. Дугин А. Г. Концептуальные подходы к понятию «цивилизация» // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 1. С. 33–41.
24. Дугин А. Г. Теория многополярного мира. М.: Академический проект, 2015. 349 с.
25. Журавлев В. В. Революции и реформы в истории России // Россия XXI. 2024. № 1. С. 6–15.
26. Зуев В. Горбачевская перестройка в отношениях с ЕС / История европейской интеграции (1945–1994 гг.): мат-лы конф. / под ред. А. С. Намазовой, Б. Эмерсон. М., 1995. С. 265–266.
27. Иерусалимский Ю. Ю., Попова А. В. Значение традиционных ценностей в преподавании курса «Основы российской государственности» // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки 2024. № 1. С. 35–46.
28. Катасонова Е. Л. Другая Япония: лики молодежной субкультуры // Ежегодник Японии. 2008. Т. 37. С. 182–201.

29. Кемеров В. Е. Социальная философия: смена парадигм. М.: Академический проект, 2022. 127 с.
30. Клейн Л. С. Воевода советской археологии // Нестор. 2010. № 14. С. 223–237.
31. Колганова М. Д. Интеграция на постсоветском пространстве – уроки прошлого // Молодой ученый. 2011. № 5. Т. 1. С. 189–192.
32. Крот М. Н. Консервативный проект модернизации России во второй половине XIX века. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. 202 с.
33. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова и др. М.: АСТ, 2020. 320 с.
34. Лазарева Л. Н., Маслов Д. В. «Центральный комитет партии об этом много думает»: формирование основ культурной политики позднего сталинизма // Россия XXI. 2024. № 2. С. 90–104.
35. Лебедев С. А. Современная философия науки. М.: Проспект, 2023. 312 с.
36. Летов О. В. Проблема научной объективности: от постпозитивизма к постмодернизму. М., 2011. 196 с.
37. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.
38. Мазур Л. Н. Архив как институт памяти: особенности институциональной трансформации // Архив в социуме – социум в архиве: материалы научн.-практ. конф. / сост. Н. А. Антипин. Челябинск, 2021. С. 100–103.
39. Меркулов А. В. Внешняя политика СССР в свете нового политического мышления. 1985–1991: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 19 с.
40. Миронов Б. Н. Благополучие российского крестьянства после Великих реформ 1860–1870-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Вып. 4. С. 149–159.
41. Миронов Б. Н. Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благополучие населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным // Экономическая история. Ежегодник. 2001. Т. 2001. С. 418–427.
42. Миронов Б. Н. Модернизация имперская и советская // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54–82.
43. Наука большой страны. Советский опыт управления / М. В. Грибовский, И. Г. Дежина, Е. А. Долгова, М. О. Окунева, Е. А. Стрельцова, Д. Л. Сапрыкин, С. Б. Ульянова. М.: РГГУ, 2023. 625 с.
44. Начапкин М. Н. Трансформация российской и советской повседневности второй половины XIX – середины XX вв. в оценках отечественных консерваторов. Ч. 1: Трансформация российской повседневности в условиях либерально-консервативной модернизации (от великих реформ Александра II до первой русской революции 1905–1907 гг.). Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2022. 137 с.
45. Панарин А. С. Православная цивилизация. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
46. Пантин В. И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М.: Мос. филос. фонд, 1997. 190 с.
47. Попов А. В. Культурная и документальная память: соотношение, свойства и актуализация // Документальное наследие и историческая наука: мат-лы форума / отв. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. С. 429–436.
48. Рыбаков Б. А. Рождение Руси. М.: АиФ Принт, 2004. 448 с.
49. Рыжков Н. И. Главный свидетель. М.: Эксмо, Алгоритм, 2009. 240 с.
50. Савельев А. В. Тёмная сторона силы или субъективность в эпистемологии на портале «Философия в России» // Философия науки. 2010. № 3. С. 3–22.
51. Соломаха Е. Н. Труд Н. Л. Рубинштейна «Русская историография»: его содержание и оценка в отечественной исторической литературе. Нижний Новгород: Пламя, 2011. 229 с.
52. Тикиджян Р. Г. Донское казачество и крестьянство на переломе исторических эпох: между имперской и социалистической модернизацией (1855–1939). Ростов-на-Дону: Изд-во ДГТУ, 2024. 333 с.
53. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории / пер. с англ. Е. Д. Жаркова и др.. М.: Рольф, 2002. 592 с.
54. Яшин И. Н. Постидеология постлиберализма: генезис, сущность, назначение // Тетради по консерватизму. 2021. № 4. С. 99–109.
55. Фальсификаторы истории. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1948. 80 с.

56. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2022. 640 с.
57. Цымбурский В. Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и её геополитика. М.: URSS, 1999. 144 с.
58. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. / пер. с нем. К. А. Сва-сьяна. М. Мысль, 1993. 1370 с.
59. Ярычев Н. У. Культурная память как понятие и явление: основания концептуализации // Куль-тура и искусство. 2022. № 12. С. 11–19.
60. Agazzi E. Scientific Objectivity and Its Contexts. Springer, 2014. 482 p.
61. Malcolm N. Soviet policy perspectives on Western Europe. London: Routledge, 1989. 117 с.
62. Ferguson N. Civilization: The West and the Rest. London: Penguin Books, 2011. 128 p.
63. Wallerstein I. The Capitalist World-Economy. Cambridge University Press, 1979. 305 p.

REFERENCES

1. Ananyich B. V. [Notes on the article by B. N. Mironov "Who paid for industrialization: the economic policy of S. Yu. Witte and the welfare of the population in 1890–1905 according to anthropomet-ric data"]. In: *Ekonomicheskaya istoriya. Yezhegodnik* [Economic history. Yearbook], 2002, vol. 2002, pp. 611–613.
2. Afanasyev A. N. [History as a rigorous science: the experience of scientization of historical knowledge in the works of B. F. Porshnev]. In: *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2019, iss. 69, pp. 268–283.
3. Baghdasaryan V. E. [Axiology of Russia in the perspective of world development]. In: *Politika i obsh-chestvo* [Politics and Society], 2014, no. 7, pp. 837–854.
4. Baghdasaryan V. E. *Antirossiyskiye istoricheskiye mify* [Anti-Russian historical myths]. St. Petersburg, Piter Publ., 2016. 384 p.
5. Baghdasaryan V. E. *Rossiya – Zapad: tsivilizatsionnaya voyna* [Russia – West: civilizational war]. Mos-cow, Forum Publ., INFRA-M Publ., 2017. 410 p.
6. Baghdasaryan V. E., arch. Sylvester (Lukashenko). *Rossiya i Zapad: tsivilizatsionnyye razlichiya* [Russia and the West: civilizational differences]. Yaroslavl, SPK Publ., 2023. 304 p.
7. Baghdasaryan V. E., Bushuev V. V. *Istoricheskaya politika* [Historical policy]. Moscow, INFRA-M Publ., 2023. 336 p.
8. Bagdasaryan V. E., Baldin P. P., Resnyansky S. I. [Messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly as a source for studying the historical policy of Russia]. In: *Vestnik Sankt-Pe-terburgskogo Universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2021, vol. 66, iss. 2, pp. 421–436.
9. Baghdasaryan V. E., Ierusalimsky Yu. Yu., Archimandrite Sylvester (Lukashenko S. P.). *Traditsionnyye tsennosti: strategiya tsivilizatsionnogo vrozozhdeniya* [Traditional Values: Strategy of Civilizational Re- vival]. Yaroslavl, OJSC SPK Publ., 2022. 256 p.
10. Baghdasaryan V. E., Ierusalimsky Yu. Yu., Archimandrite Sylvester (Lukashenko S. P.). *Traditsionnyye tsennosti kak osnova novogo mirovozzrencheskogo stroitelstva* [Traditional Values as the Basis for New Worldview Construction]. Yaroslavl, Shukaeva i semya Publ., 2024. 296 p.
11. Baranovsky V., Shmelev B. [The Era of Radical Transformations]. In: *Novaya Polsha* [New Poland], 2010, no. 7/8, pp. 3–18.
12. Barsenkov A. S. [“New Thinking” in the Foreign Policy of the USSR (1985–1991)] In: *Vestnik Mosko- vskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics], 2012, no. 1, pp. 64.
13. Brutents K. N. *Nesbysheyesya. Neravnodushnyye zametki o perestroyke* [The Unfulfilled. Caring Notes on Perestroika]. Moscow, 2005. 652 p.
14. Buchanan P. J. *Smert Zapada* [The Death of the West]. Moscow, AST Publ.; St. Petersburg, Terra Fan- tastica Publ., 2003. 444 p.
15. Vasiliev Yu. A. *Modernizatsiya pod krasnym flagom* [Modernization under the Red Flag]. Moscow, Sovremennye Tetradi Publ., 2006. 343 p.
16. Vititnev S. F., Shmeleva A. V. [Byzantine civilization and its influence on the historical destinies of Russia as a subject of comprehension within the framework of conservative socio-political discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University], 2020, no. 2, pp. 97–122.

17. Glazyev S. Yu., Lvov D. S. *Obshchiye zakonomernosti tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya: Sorevnovaniye dvukh sistem* [General patterns of technical and economic development: Competition between two systems]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 230 p.
18. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Yevropa* [Russia and Europe]. Moscow, ITS «Drevneye i sovremennoye» Publ., 2002. 550 p.
19. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Yevropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 576 p.
20. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Yevropa: Vzglyad na kulturnyye i politicheskiye otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu* [Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germano-Romanskogo]. St. Petersburg, Glagol Publ., 1995. 552 p.
21. Diskin I. E. *Konservativnaya modernizatsiya* [Conservative Modernization]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2021. 341 p.
22. Dugin A. G. [Westerenology: towards a sovereign Russian science]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the State University of Education. Series: History and political sciences], 2024, no. 3, pp. 7–21.
23. Dugin A. G. [Conceptual approaches to the concept of "civilization"]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and political science], 2013, no. 1, pp. 33–41.
24. Dugin A. G. *Teoriya mnogopolynarnogo mira* [Theory of a multipolar world]. Moscow, Akademicheskii projekt Publ., 2015. 349 p.
25. Zhuravlev V. V. [Revolutions and reforms in the history of Russia]. In: *Rossiya XXI* [Russia XXI], 2024, no. 1, pp. 6–15.
26. Zuev V. [Gorbachev's perestroika in relations with the EU]. In: Namazova A. S., Emerson B., eds. *Istoriya yevropeyskoy integratsii (1945–1994 gg.)* [History of European integration (1945–1994)]. Moscow, 1995, pp. 265–266.
27. Ierusalimskiy Yu. Yu., Popova A. V. [The importance of traditional values in teaching the course "Fundamentals of Russian statehood"]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences], 2024, no. 1, pp. 35–46.
28. Katasonova E. L. [Another Japan: faces of youth subculture]. In: *Yezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 2008, vol. 37, pp. 182–201.
29. Kemerov V. E. *Sotsialnaya filosofiya. smena paradigm* [Social philosophy: change of paradigms]. Moscow, Akademicheskii projekt Publ., 2022. 127 p.
30. Klein L. S. [Voivode of Soviet archeology]. In: *Nestor* [Nestor], 2010, no. 14, pp. 223–237.
31. Kolganova M. D. [Integration in the post-Soviet space – lessons of the past]. In: *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2011, no. 5, vol. 1, pp. 189–192.
32. Krot M. N. *Konservativnyy projekt modernizatsii Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [Conservative project of modernization of Russia in the second half of the 19th century]. Rostov-n-Don: Izd-vo Yuzhnogo federalnogo universiteta (YUFU) Publ., 2014. 202 p.
33. Kuhn T. *The structure of scientific revolutions* (Rus. ed.: Naletov I. Z. et al., trans. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* Moscow, AST Publ., 2020. 320 p.)
34. Lazareva L. N., Maslov D. V. ["The Central Committee of the Party Thinks About This a Lot": Formation of the Foundations of the Cultural Policy of Late Stalinism]. In: *Rossiya XXI* [Russia XXI], 2024, no. 2, pp. 90–104.
35. Lebedev S. A. *Sovremennaya filosofiya nauki* [Modern Philosophy of Science]. Moscow, Prospect Publ., 2023. 312 p.
36. Letov O. V. *Problema nauchnoy obyektivnosti: ot postpozitivizma k postmodernizmu* [The Problem of Scientific Objectivity: From Postpositivism to Postmodernism]. Moscow, 2011. 196 p.
37. Lotman Yu. M. *Besedy o russkoy kulture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture: Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Century)]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 1994. 399 p.
38. Mazur L. N. [Archive as an Institute of Memory: Features of Institutional Transformation]. In: Antipin N. A., ed. *Arkhiv v sotsiume – sotsium v arkhive* [Archive in Society – Society in the Archive]. Chelyabinsk, 2021, pp. 100–103.

39. Merkulov A. V. *Vneshnyaya politika SSSR v svete novogo politicheskogo myshleniya. 1985–1991: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Foreign Policy of the USSR in Light of the New Political Thinking. 1985–1991: abstract of Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Moscow, 2001. 19 p.
40. Mironov B. N. [Welfare of the Russian Peasantry after the Great Reforms of the 1860–1870s]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2005, iss. 4, pp. 149–159.
41. Mironov B. N. [Who paid for industrialization: the economic policy of S. Yu. Witte and the welfare of the population in 1890–1905 according to anthropometric data]. In: *Ekonomicheskaya istoriya. Yezhegodnik* [Economic history. Yearbook], 2001, vol. 2001, pp. 418–427.
42. Mironov B. N. [Imperial and Soviet modernization]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2018, vol. 63, iss. 1, pp. 54–82.
43. Gribovsky M. V., Dezhina I. G., Dolgova E. A., Okuneva M. O., Streltsova E. A., Saprykin D. L., Ulyanova S. B. *Nauka bolshoy strany. Sovetskiy opyt upravleniya* [Science of a big country. Soviet management experience] Moscow, RSUH Publ., 2023. 625 p.
44. Nachapkin M. N. *Transformatsiya rossiyskoy i sovetskoy povsednevnosti vtoroy poloviny XIX – serediny XX vv. v otsenakh otechestvennykh konservatorov: monografiya: v 2 ch. CH. 1: Transformatsiya rossiyskoy povsednevnosti v usloviyakh liberal'no-konservativnoy modernizatsii (ot velikikh reform Aleksandra II do pervoy russkoy revolyutsii 1905–1907 gg.)* [Transformation of Russian and Soviet Everyday Life in the Second Half of the 19th – Mid-20th Centuries in the Assessments of Russian Conservatives. Part 1: Transformation of Russian Everyday Life in the Context of Liberal-Conservative Modernization (From the Great Reforms of Alexander II to the First Russian Revolution of 1905–1907)]. Yekaterinburg: Izd-vo RGPPU Publ., 2022. 137 p.
45. Panarin A. S. *Pravoslavnyaya tsivilizatsiya* [Orthodox Civilization]. Moscow, Algorithm Publ., 2002. 496 p.
46. Pantin V. I. *Tsikly i volny modernizatsii kak fenomen sotsialnogo razvitiya* [Cycles and Waves of Modernization as a Phenomenon of Social Development]. Moscow, Mos. filos. Fond Publ., 1997. 190 p.
47. Popov A. V. [Cultural and Documentary Memory: Relationship, Properties, and Actualization]. In: Mazur L. N., ed. *Dokumentalnoye nasledie i istoricheskaya nauka* [Documentary Heritage and Historical Science: Forum Materials]. Yekaterinburg, Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2020, pp. 429–436.
48. Rybakov B. A. *Rozhdeniye Rusi* [The Birth of Rus]. Moscow, AiF Print Publ., 2004. 448 p.
49. Ryzhkov N. I. *Glavnyy svidetel* [The Main Witness]. Moscow, Eksmo Publ., Algorithm Publ., 2009. 240 p.
50. Savelyev A. V. [The Dark Side of Power or Subjectivity in Epistemology on the Philosophy in Russia Portal]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2010, no. 3, pp. 3–22.
51. Solomakha E. N. *Trud N. L. Rubinshteyna «Russkaya istoriografiya»: yego sodержaniye i otsenka v otechestvennoy istoricheskoy literature* [N. L. Rubinstein's Work "Russian Historiography": Its Content and Evaluation in Russian Historical Literature]. Nizhny Novgorod, Plamy Publ., 2011. 229 p.
52. Tikidzhyan R. G. *Donskoye kazachestvo i krest'yanstvo na perelome istoricheskikh epokh: mezhdru imperskoy i sotsialisticheskoy modernizatsiyey (1855–1939)* [Don Cossacks and peasantry at the turning point of historical eras: between imperial and socialist modernization (1855–1939)]. Rostov-n-Don, Izd-vo DGTU Publ., 2024. 333 p.
53. Toynbee A. J. *Civilization before the Court of History* (Rus. ed.: Zharkov E. D. et al., transl. *Tsivilizatsiya pered sudom istorii*). Moscow, Rolf Publ., 2002. 592 p.)
54. Tyapin I. N. [Post-ideology of post-liberalism: genesis, essence, purpose]. In: *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2021, no. 4, pp. 99–109.
55. *Falsifikatory istorii* [Falsifiers of history]. Moscow, OGIZ Publ., Gospolitizdat Publ., 1948. 80 p.
56. Huntington S. *Clash of civilizations* (Rus. ed.: Velimeev T., transl. *Stolknoveniye tsivilizatsiy*). Moscow, AST Publ., 2022. 640 p.)
57. Tsybursky V. L. *Rossiya – Zemlya za Velikim Limitrofom: tsivilizatsiya i yego geopolitika* [Russia – the Land beyond the Great Limitrophe: civilization and its geopolitics]. Moscow, URSS Publ., 1999. 144 p.
58. Spengler O. *Der Untergang Europas. Essays zur Morphologie der Weltgeschichte* (Rus. ed.: Svasyan K. A., transl. *Zakat Yevropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii*). Moscow, Mysl Publ., 1993. 1370 p.)
59. Yarychev N. U. [Cultural Memory as a Concept and Phenomenon: Foundations of Conceptualization]. In: *Kultura i iskusstvo* [Culture and Art], 2022, no. 12, pp. 11–19.

60. Agazzi E. *Scientific Objectivity and Its Contexts*. Springer, 2014. 482 p.
61. Malcolm N. *Soviet policy perspectives on Western Europe*. London, Routledge, 1989. 117 p.
62. Ferguson N. *Civilization: The West and the Rest*. London, Penguin Books, 2011. 128 p.
63. Wallerstein I. *The Capitalist World-Economy*. Cambridge University Press, 1979. 305 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: vardanb@mail.ru

Марасанова Виктория Михайловна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова;
e-mail: vmm@uniyar.ac.ru

Фукус Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой по развитию просветительской деятельности Российского общества «Знание» Государственного университета просвещения;
e-mail: anfyks20@yandex.ru

Соловьев Ян Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: solyan@yandex.ru

Жириков Иван Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения;
e-mail: 79168497010@yandex.ru

Лазарева Любовь Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории;
e-mail: laz_dom@mail.ru

Куренкова Евгения Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: ea.kurenkova@guppros.ru

Иерусалимский Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории, руководитель Центра по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Косторниченко Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова;
e-mail: vnkostornichenko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vardan E. Baghdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: vardanb@mail.ru

Viktoriya M. Marasanova – Dr. Sci. (History), Prof., Department Head, Department of Advertising and Public Relations, P.G. Demidov Yaroslavl State University;
e-mail: vmm@uniyar.ac.ru

Alexander N. Fuks – Dr. Sci. (History), Prof., Department Head, Department for the Development of Educational Activities, Russian Society "Knowledge", Federal State University of Education;
e-mail: anfyks20@yandex.ru

Yan V. Soloviev – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia, Federal State University of Education;
e-mail: solyan@yandex.ru

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of General History, Federal State University of Education;
e-mail: 79168497010@yandex.ru

Lyubov N. Lazareva – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education; Chief Specialist, The Russian State Archive of Socio-Political History;
e-mail: laz_dom@mail.ru

Evgeniya A. Kurenkova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia, Federal State University of Education;
e-mail: ea.kurenkova@guppros.ru

Yury Yu. Ierusalimskiy – Dr. Sci. (History), Prof., Head of Department, Department of Russian Medieval and Modern History, Faculty of History, Head of the Center for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, P.G. Demidov Yaroslavl State University;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Vladimir N. Kostornichenko – Dr. Sci. (History), Prof., Senior Researcher, P.G. Demidov Yaroslavl State University;
e-mail: vnkostornichenko@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Историческая наука в условиях современных вызовов и трансформаций (Круглый стол) / В. Э. Багдасарян, В. М. Марасанова, А. Н. Фуks, Я. В. Соловьёв, И. Г. Жиряков, Л. Н. Лазарева, Е. А. Куренкова, Ю. Ю. Иерусалимский, В. Н. Косторниченко // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 6. С. 36–69.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-36-69

FOR CITATION

Baghdasaryan V. E., Marasanova V. M., Fuks A. N., Solovyov Y. V., Zhiryakov I. G., Lazareva L. N., Kurenkova E. A., Ierusalimskiy Yu. Yu., Kostornichenko V. N. Historical Science in the Context of Modern Challenges and Transformations (Round Table). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 6, pp. 36–69.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-36-69

УДК 94 (47) "18/19"

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-70-81

РОЛЬ МИНИСТРОВ ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Соловьёв Я. В.

Государственный университет просвещения

105005, Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Оценка роли и места министров финансов пореформенной России в общей системе управления

Процедура и методы. Руководствуясь принципом детерминизма, автор считает, что особое место в системе управления пореформенной России, занятое министрами финансов, было определено тенденциями развития их ведомства в данный период и их личными качествами. Главным методом исследования стал структурно-функциональный анализ. Он позволил представить место финансового ведомства и его руководителей в общей структуре системы управления Российской империи.

Результаты. Доказана особая роль главы финансового ведомства в системе управления Российской империи, отмечена высокая степень его независимости от императорской власти, особый характер взаимоотношений с нею, достигнутая к концу XIX – началу XX вв. возможность влиять на другие ведомства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Раскрыты особенности управленческих взаимодействий в аппарате управления пореформенной России на примере финансового ведомства. Материалы статьи могут быть использованы в дальнейших исследованиях истории государственного управления России.

Ключевые слова: императорская власть, министры финансов, Российская империя, система управления, финансовое ведомство

THE ROLE OF FINANCE MINISTERS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE GENERAL MANAGEMENT SYSTEM OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

Ya. Soloviev

Federal State University of Education

ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. To assess the role and place of finance Ministers of post-reform Russia in the general management system.

© СС ВУ Соловьёв Я. В., 2024.

Methodology. Guided by the principle of determinism, the author believes that a special place in the management system of post-reform Russia occupied by finance ministers was determined by the trends in the development of their department during that period and their personal qualities. The main research method was structural and functional analysis. It allowed us to present the place of the financial department and its leaders in the overall structure of the Russian Empire's management system.

Results. The special role has been proven of the head of the financial department in the management system of the Russian Empire, a high degree of its independence was noted from the imperial government, the special nature of relations with it, the ability to influence other departments achieved by the end of the 19th – beginning of the 20th century.

Research implications. Features of management interactions in the management apparatus of post-reform Russia are disclosed using the example of the financial department. The materials of the article can be used in further research on the history of public administration in Russia.

Keywords: imperial power, finance ministers, Russian Empire, management system, financial department

Введение

Последние годы в исторической литературе и околоисторической публицистике сохраняется интерес к личностям министров финансов императорской России и их политике [1; 9; 20]. Следует особо выделить работы В. Л. Степанова [17; 18]. Но при изучении функционирования министерства финансов (МФ) Российской империи следует, с нашей точки зрения, уделить особое внимание его месту и роли в общей системе управления, взаимоотношениям этого ведомства с Верховной властью, взаимодействию с высшими государственными учреждениями и другими ведомствами. И так как внешние связи министерства осуществлялись в основном через министра, то, в первую очередь, необходимо говорить о роли, взаимодействии и взаимоотношениях министра финансов с Верховной властью, высшей бюрократией и своими коллегами.

Министры и императорская власть

По самой сути министерской реформы 1802–1811 гг. все министры ставились в непосредственное подчинение Верховной власти. От императора, и только от него, зависело назначение или смещение министра и его товарища. Назначение директоров департаментов и даже начальников отделений по представлению

министра также являлось императорской прерогативой¹. Соответственно, в условиях самодержавия и отсутствия народного представительства только перед императором министры несли непосредственную ответственность за свои действия.

В результате министры представлялись своеобразными орудиями Верховной власти, беспрекословно ей подчиняющимися. Отсюда и следовало беспрекословное подчинение министрам всех лиц и мест им подведомственным.

От отношения императора зависела роль министра в системе государственного управления и его способность эффективно выполнять свои функции. Но министры совсем не были марионетками в руках царя. Как отмечал в начале XIX в. Д. П. Трошинский, занимавший пост министра юстиции в 1814–1816 гг., «... министры не суть только существа вещественные или материальные, которые слепо повинуются руке, приводящей их в движение. Министры суть люди, одарённые волею; министры суть верховные чинов начальники, имеющие под ведомством своим великое множество чиновников»².

¹ Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. XXXI. № 24686. П. 48–50.

² Записка Дмитрия Прокофьевича Трошинского о министерствах // Сборник императорского Российского исторического общества. Т. 3. СПб., 1868. С. 72.

Ревниво защищая свои prerogatives, исключая возможность реальной подконтрольности министров кому-либо ещё, Верховная власть вынуждена была предоставить им огромные полномочия. Самодержавие и связанная с ним сверхцентрализация «на практике приводили к огромной степени бесконтрольности всего государственного аппарата в целом и каждого сановного бюрократа в его сфере управления и деятельности в особенности» [12, с. 102]. А. А. Половцов отмечал «обветшалость или отсутствие законов об ответственности министров»¹ вплоть до 1889 г., когда последовал указ Государственному совету, в котором устанавливался порядок рассмотрения жалоб и донесений по обвинению высшего чиновничества Российской империи. Даже существующее законодательство не всегда служило ограничителем самовласти министров. Личный контакт с царём позволял министру (конечно, в редких случаях) обходить и закон.

Министр финансов во взаимоотношениях со своими коллегами

В сфере своего управления министр был защищён от вмешательства своих коллег. Отсутствие органа, реально объединяющего деятельность министров, усиливало их бесконтрольность. Существовавший с 1802 г. Комитет министров занимался обсуждением второстепенных вопросов, его председатель даже не имел, в отличие от министров, еженедельного доклада царю. «Сколько ни старались бы связать действия всех правительственных учреждений, как ни старались бы все министры быть в курсе дел всей империи, – отмечал И. П. Табурно, – ... всё-таки каждый министр в состоянии знать все детали дел лишь одного своего министерства» [19, с. 97].

Ненормальность этого осознавалась некоторыми государственными деятелями сразу после министерской реформы. При воцарении Александра II необходимость создания объединённого правительства обсуждалась на самом высоком уровне. В докладной записке П. А. Валуева 1861 г. отмечалось отсутствие единства в управлении империей. По мнению П. А. Валуева, Совет министров и Комитет министров не могут заменить собой реальное правительство, потому что «в Совет могут быть вносимы только важнейшие вопросы, подлежащие обсуждению и разрешению в личном присутствии Вашего величества. Что же касается до Комитета, то по принятому порядку делопроизводства в оной поступают большей частью лишь отдельные вопросы совершенно второстепенной важности»². Ревнивое отношение Верховной власти к своим prerogatives заставляла министра быть очень осторожным в своих предложениях, носящих, по сути, косметический характер. Но даже они вызывали возражения. Предложение усилить роль Комитета министров, где должны были бы обсуждаться важнейшие распоряжения министров по своим ведомствам, вызвало следующую пометку императора на полях: «это должно делаться не в Комитете министров, а в Совете министров в моём присутствии».

До 1905 г. никаких серьёзных изменений в этой области так и не произошло. Таким образом, пределы возможностей каждого министра зависели от отношения к нему императора, от признания императором его авторитета и профессионализма, от способности императора самому определять направление политики в данной сфере управления.

Эти особенности взаимоотношений с высшей властью были характерны и для

¹ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 2. М.: Наука, 1968. С. 144.

² Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.) / подгот. Л. Е. Шепелев. СПб.: Лики России, 1999. С. 104.

министров финансов. От личного контакта с царём чаще всего зависели успех или неудача их действий. Пренебрежение финансовой сферой, проявляемое Александром II, делало бесполезными попытки М. Х. Рейтерна справиться с финансовым кризисом, и, наоборот, успешная деятельность министров финансов в царствование Александра III была обусловлена уважением и вниманием, проявляемым царём к их усилиям, искренним его желанием стабилизировать российские финансы. А Витте, по справедливому замечанию И. Ф. Гиндина, даже и на вершине его власти и авторитета в 1890-е гг. «при всей официально оказывавшейся ему высочайшей поддержке не хватало небольшого, но крайне необходимого для свободы действий в обстановке самодержавного строя условия – прочного доверия царя» [12, с. 98].

Но и для Николая II в начале царствования было характерно достаточно уважительное отношение к своему министру финансов и к его предшественникам на этом посту, об этом свидетельствует письмо царя императрице Марии Федоровне от 13 августа 1895 г., в котором он в ответ на просьбу матери простить долг княгине Лопухиной-Демидовой и предоставить ей из государственной казны ссуду ещё в 1 млн рублей отмечал: «Хороши были бы порядки в Государственном казначействе, если бы я за спиной Витте (он сейчас в отпуску) отдал бы тому миллион, этой два и т. д.? Таким образом, всё то, что было накоплено и что составляет одну из самых блестящих страниц истории царствования дорого Папа, а именно финансы, будет уничтожено в весьма немногие лет»¹.

Даже когда между царём и его министром возник конфликт по вопросам внешней политики, это не привело к негативным последствиям в финансовой

сфере, что признавал и сам Витте². «Во всём, что касалось непосредственно меня как министра финансов, – вспоминал он, – я всё время пользовался полнейшим доверием и полнейшей поддержкой его величества»³. Только благодаря этой поддержке Витте смог завершить введение винной монополии и провести денежную реформу.

Положение министра финансов отличалось от положения его коллег благодаря специфике его профессиональной деятельности. Практически любой российский император XIX в. мог сказать: «Я сам – свой министр иностранных дел», или «Я сам – свой военный министр», или «Я сам – свой министр внутренних дел». Но только такой самоуверенный царь, как Николай I, мог, уговаривая П. Ф. Вронченко занять пост министра финансов, заявить «Я буду министром финансов за тебя»⁴. Цена такой самоуверенности – доведение России почти до финансовой катастрофы. После Николая I ни один император такой самоуверенности себе не позволял.

Ни в одной другой сфере управления не требовалось столь серьёзной профессиональной подготовки, как в финансовой. Не обладающие такой подготовкой императоры осознавали необходимость привлечения профессионалов и старались (хотя и не всегда) следовать их советам, меньше вмешиваться в их деятельность, защищать от нападок коллег. Но понимание значения финансового управления приходило постепенно, представление о возможности командовать экономикой, как полком, было присуще Верховной власти и в середине XIX в. На протяжении всей второй половины XIX в. министрам финансов приходилось постепенно восстанавливать свой авто-

¹ Российский императорский дом (Дневники. Письма. Фотографии) / сост. А. Н. Боханов, Д. И. Исмаил-Заде. М.: Перспектива, 1992. С. 56–57.

² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. II. Таллинн-М.: Скиф Алекс, 1994. С. 100.

³ Там же. С. 112.

⁴ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений П. А. Вяземского. Т. 10. (Старая записная книжка. 1852–1878). СПб.: зд. гр. С. Д. Шереметева, 1886. С. 144.

ритет, утраченный после министерства Е. Ф. Канкрин.

В конце 1840-х – 1850-х гг. авторитет МФ в правительственной среде был низок как никогда. После Канкрин к голосу министра финансов практически не прислушивались. Это было связано не только с личными качествами преемников Канкрин, но и с отсутствием у МФ в этот период реальной возможности контролировать денежные средства отдельных ведомств. Во-первых, отсутствовала чёткая отчётность ведомств в расходовании полученных средств. Во-вторых, со времён Канкрин практиковалась система «экономических капиталов», согласно которой каждое ведомство сэкономленные деньги не возвращало в казначейство, а использовало по своему усмотрению. В-третьих, ведомства могли обратиться за дополнительными средствами, минуя министра финансов. Если к этому прибавить, что фондовая биржа находилась практически в руках барона Штигилица, то возможности МФ можно признать крайне ограниченными. Как отмечает К. А. Скальковский, «министерство финансов обратилось в большую канцелярию по текущим финансовым делам» [15, с. 469].

Коренное отличие министерств той поры от канкриновского прекрасно иллюстрирует следующая история, рассказанная самим П. Ф. Брок. Однажды во время доклада министра Николай I сказал: «Я желал бы сделать то-то и то-то, но не знаю, имеем ли мы для этого достаточные средства?». На это Брок ответил, что для исполнения воли его величества деньги всегда найдутся. «Очень рад, Брок, – сказал император, – что я не встречаю в тебе того всегдашнего противоречия, к которому меня приучил Канкрин. Он, бывало, придёт ко мне... станет у камина греть себе спину, и что бы я ни говорил, у него всегда один ответ: "Нельзя, ваше величество, никак нельзя"» [3, с. 242]. И это Брок, видимо, рассказывал с гордостью, считая сравнение выгодным для себя.

Положение МФ и его главы изменилось коренным образом после начала Великих реформ, когда «направление экономической политики приобрело для царского правительства решающее значение в общеполитическом плане» [4, с. 136]. Начатые в МФ преобразования, необходимость в условиях продолжающегося финансового кризиса ограничивать все расходы и выискивать возможности для роста доходов – всё это вело к постепенному возрастанию значения министра финансов, предоставлению ему дополнительных прав. В 1860 г. Комитет финансов принял важное решение, согласно которому все сверхсметные ведомственные ассигнования перед испрашиванием высочайшего согласия должны были согласовываться с министром финансов. Проведённые в 1862–1867 гг. реформы отчётности и кассовых правил впервые сделали министра финансов реальным распорядителем русских финансов.

Возрастающую роль финансового ведомства и особый характер сферы его деятельности был вынужден признать даже «ведомственный» противник – министр внутренних дел П. А. Валуев. В докладной записке императору Александру II от 22 сентября 1861 г. он предупреждал: «... одного росчерка пера Вашего величества достаточно, чтобы отменить весь Свод законов империи; но никакое высочайшее повеление не может непосредственно ни поднять, ни понизить курса государственных фондов на С.-Петербургской бирже»¹.

А. П. Погребинский отмечает, что борьба за сбалансированный бюджет являлась краеугольным камнем финансовой политики самодержавия [10, с. 17], а следовательно, и важнейшей задачей любого министра финансов. В этой борьбе

¹ В тексте явная описка – вместо «росчерка» в тексте «почерка» (Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.) / подгот. Л. Е. Шепелев. СПб.: Лики России, 1999. С. 104.)

противниками МФ выступали другие ведомства, которые постоянно стремились увеличить свои сметы. Как-то в одном представлении в Государственный совет С. Ю. Витте так описал своё положение: «Министр финансов со всех сторон окружён как бы “разинутыми пастьми”, просящими денег, а при таких условиях деньги в казначействе не залеживаются» [6, с. 119]. Ещё труднее приходилось министру, когда нарушителем сметного равновесия выступал сам император. Имея в виду именно эту непрекращающуюся борьбу за смету, Е. Ф. Канкрин говорил об «огненном стуле» министра финансов¹.

Д. А. Милютин справедливо отмечал, что для всякого министра финансов главным камнем преткновения в борьбе за смету являлось военное министерство². После окончания Крымской войны сокращение военной сметы было непременным условием достижения бюджетного равновесия. Высшая власть, казалось, это понимала и поддерживала инициативы по сокращению расходов военного министерства, требуя от военного министра ограничения appetitов. Под этим давлением Военное министерство разработало свой безотказный метод борьбы: оно специально занижало свои требования, а потом, в течение года, выдвигало дополнительные требования, в результате перерасход вскрывался только в конце года.

Наконец, подобное положение становилось непереносимым. Устав от бесконечных сюрпризов военного ведомства, министр финансов согласился на компромисс. В 1873 г. были изданы новые правила о сметах по военному и морскому министерствам. Отныне им предоставлялась большая свобода в распоряжении предоставленным кредитом, но утверждался принцип категорического

отказа от его дальнейшего увеличения. Тем самым военное министерство стимулировалось к разумной экономии.

Благодаря этому во всеподданнейшем докладе по росписи 1875 г. министр финансов смог утверждать, что «оказывающееся по росписям последних лет превышение доходов над расходами и успешное поступление доходов в счёт сметных назначений ясно доказывает, что финансовое положение государства ежегодно улучшается, каковое улучшение, при условии строгого соблюдения Высочайших указаний Вашего Величества о всемерном сокращении сверхсметных расходов, можно надеяться, будет продолжаться и впредь»³.

И хотя военные действия в Средней Азии и война 1877–1878 гг. снова спровоцировали неумёрный рост военных расходов, тяжёлое положение русских финансов заставило Верховную власть все решительнее поддерживать министров финансов в борьбе за сбалансированный бюджет⁴.

17 июля 1881 г. последовало высочайшее повеление о разрешении департаменту государственной экономии, министерству финансов и государственному контролю при рассмотрении смет на будущий год исходить из целесообразности расходов, не считаясь с существующими постановлениями. В результате только смета военного министерства уменьшилась на целых 23 млн руб. [8, с. 255–256].

26 декабря 1881 г. в совместном представлении министра финансов и государственного контролёра рекомендовалось:

1. поручить министрам и главноуправляющим произвести в сметах на 1882 г. сокращения на суммы, указанные в прилагаемой ведомости для каждого министерства и главного управления;

2. предоставить министрам и главноуправляющим право сокращать штат в

¹ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений П. А. Вяземского. Т. 10. (Старая записная книжка. 1852–1878). СПб.: зд. гр. С. Д. Шереметева, 1886. С. 50.

² Дневник Д. А. Милютина. Т. III. М.: Тип. «Пограничник», 1950. С. 280.

³ Указатель правительственных распоряжений по Министерству Финансов. 1875. № 3.

⁴ Более подробно о борьбе МФ с Военным министерством за бюджет [29].

своих ведомствах, уменьшать расходы на канцелярские и хозяйственные нужды, награды, пособия и путевое довольствие чиновников;

3. разработать вопрос об исключении из числа сверхсметных ассигнований таких расходов, которые повторяются ежегодно и подлежат внесению в сметы;

4. все ходатайства о сверхсметных ассигнованиях должны быть приурочены к определённому сроку для обсуждения их в совокупности в Департаменте государственной экономии с заключением министра финансов и государственного контролёра.

Эти предложения были утверждены царём 20 апреля 1882 г.

К концу 1880-х гг. «расходы каждого министерства вошли... в гранитные берега ежегодной сметы»¹. Когда министра финансов И. А. Вышнеградского прижимали в угол, он обращался к помощи государя, который в этих случаях его поддерживал, иногда и в ущерб собственным планам. В результате в 1888 г. впервые государственный бюджет был сведён без дефицита, что было великой победой МФ.

С. Ю. Витте продолжил борьбу своих предшественников за бездефицитный бюджет. В борьбе этой ему удалось добиться установления предельных смет ведомств, что привело к укреплению позиций МФ в этом вопросе. Ситуация в 1880-х, и особенно в 1890-х гг., кардинально отличалась от ситуации 1850–1870-х гг. Если до этого министр финансов чаще шёл на поклон к главам других ведомств с просьбой сократить сметные запросы и успехи его в этой области были весьма скромными, то теперь даже военному министру и министру внутренних дел приходилось идти на поклон к министру финансов, и очень часто успеха в этом они не имели. С. Ю. Витте в бюджетных вопросах «чувствовал себя хозяином...», он самым решительным образом отказы-

вал товарищам (т. е. другим министрам – Я. С.), и притом совершенно одинаково: были ли их требования законны или нет»². Конечно, такое положение было во многом связано с позицией императора, который оказывал министру финансов постоянную поддержку в ограничении запросов ведомств. Но и сама позиция императора была определена, скорее, не личными его качествами, а требованиями времени.

Витте добивался снижения военных расходов и вёл настоящую войну с военными за снижение расходов. Когда военный министр Ванновский и начальник Генштаба Обручев представили план увеличения военных ассигнований по 455 млн руб. в год, Витте настоял на цифре в 160 млн руб. [7, с. 212].

Усилия всех министров финансов во второй половине XIX в. не были бесплодными. Если в 1827 г. военные расходы составляли 45% от бюджета, то в 1890-е гг. – 25–35% [22, с. 42].

Борьба МФ за бюджетное равновесие не вызывала восторга у представителей других ведомств. В своём последнем приказе по министерству Витте жаловался: «Неблагодарна задача финансовой организации. Её мероприятия редко вызывают общее сочувствие, т. к. всегда задевают чьи-нибудь интересы»³. Но трения между МФ и другими ведомствами по этому вопросу были вполне естественны, были «в порядке вещей», изначально заложенными в принцип разделения государственного управления между различными учреждениями.

Естественным было и противопоставление общеполитических установок МФ и других ведомств, министра финансов и других министров. Из задач, поставленных перед финансовым ведомством, вырисовывалась его особая позиция по целому ряду вопросов: защите интересов предпринимателей, привлечении ино-

¹ Московские ведомости. 1892. №244. 3 сентября.

² Головин К. Мои воспоминания. Т. 2. СПб., 1910. С. 265.

³ Новое время. 1903. № 9862.

странных капиталов в Россию и др. По всем этим вопросам ему противостояло изначально (т. е. согласно вытекающим из собственных ведомственных задач принципам) министерство внутренних дел, этот «становой хребет всей системы государственной власти» [11, с. 403], к которому часто присоединялись военное министерство, министерство иностранных дел и другие. Характерна в этом отношении дискуссия между министром финансов и министрами иностранных дел и военным по поводу допуска иностранных капиталов в тяжёлую промышленность: оба министра выступили против предложений Витте, высказав опасение в усилении шпионской деятельности (МИД) и ослаблении обороны России (военное министерство) [16, с. 79].

Другой пример подобных столкновений: в 1892 г. Витте входит в Комитет министров с предложением о том, чтобы все ведомства, которым приходится делать правительственные заказы за границей, сообщали об этом в Комитет министров для взаимного осведомления министров и для дальнейшего направления финансовой политики правительства. Он предложил, чтобы все случаи правительственных заказов заграничным заводчикам совершались по предварительному сношению заказывающего министра с министром финансов, министром государственных имуществ, государственным контролёром, восходя на высочайшее утверждение через Комитет министров.

Витте выступал здесь защитником интересов отечественной промышленности, что входило в его прямые обязанности как министра финансов. Но главы других ведомств увидели в этом предложении стремление установить контроль МФ на их деятельность, что привело бы к ослаблению их ведомственных позиций. Особенно яростно против проекта Витте выступили военный и морской министры. В результате предложение министра финансов было отклонено. Но Витте не сдавался и настаивал, по крайней

мере, хотя бы на сообщении в Комитет министров всех сведений о заграничных заказах, что в более слабой степени, но всё же обеспечивало бы влияние МФ по данному вопросу. Поддержанный государственным секретарём, министром государственных имуществ, обер-прокурором Синода (т. е. лицами, которых данная мера менее всего затрагивала), Витте добился принятия своего предложения [13, с. 77–78]. А вскоре он добивается того, что все отчёты о заграничных заказах предварительно обсуждались в особой комиссии при МФ и затем уже поступали, по выяснении всех требующих разрешения существующих вопросов, в Комитет министров для представления на высочайшее усмотрение [14, с. 110–111].

Этим примером можно подтвердить утверждение К. Головина, что «главным врагом для каждого ведомства был не враг целого государства, а любое соседнее министерство, которому следовало ставить палки в колеса»¹.

Для взаимодействия министерства финансов с другими ведомствами во второй половине XIX в. было характерно постепенное усиление позиций финансового ведомства. Уже в 1862 г. в разговоре с главноуправляющим путями сообщений генерал-адъютантом К. В. Чевкиным министр внутренних дел П. А. Валуев раздражённо заметил, что Россия постепенно уклоняется «на почву английских учреждений, по силе коих первый лорд казначейства есть и первенствующий министр»². Это было, конечно же, очень сильным преувеличением. Л. Е. Шепелев совершенно справедливо отмечал, что МФ при Рейтерне в отношениях с другими ведомствами «в большинстве случаев занимало оборонительную позицию». Правда, самостоятельность и автономность своего ведомства он отстаивал

¹ Головин К. Мои воспоминания. Т. 2. СПб., 1910. С. 255.

² Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел (1861–1876). Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 153.

твёрдо, и уже при нём «подведомственность промышленности министерству финансов исключала существенное влияние на торгово-промышленную политику других ведомств», но он не претендовал на влияние на дела других ведомств [21, с. 14, 77].

Но если сравнивать положение Рейтерна с положением его предшественников, то следует согласиться и со справедливостью мнения А. Н. Куломзина, который писал, что «министр финансов забрал в последнее время большую власть»¹. Особенно это проявлялось в железнодорожной сфере.

С самого начала все остальные министры и даже всесильный министр внутренних дел были поставлены по отношению к министру финансов в неравные условия. От него зависело в немалой степени их жалование, денежные награды, дополнительные ассигнования на нужды их ведомств и т. д.

Конечно, степень влияния министра зависела и от его личных качеств. Так, влияние Н. Х. Бунге было невелико, т. к. у него отсутствовали необходимые для этого бойцовские качества, что отмечали многие его современники. Зато при нём «по количеству серьёзных законодательных работ деятельность министерства финансов... равнялась деятельности всех остальных министерств, взятых вместе» [15, с. 560].

При И. А. Вышнеградском возросло значение МФ в железнодорожной области, образование Департамента железнодорожных дел знаменовало собой новый этап в деятельности министерства, начало его превращения в сверхминистерство. Но только с приходом на пост министра такой сильной личности, как С. Ю. Витте был совершён качественный прорыв. Сам Витте говорил публицисту Н. И. Колышко накануне своего назначения: «В России тот пан, у которого в руках

финансы. Этого до сих пор не понимали. Даже Вышнеградский. Но я их научу. Пути сообщения? И они будут в моей власти. ...Как и всё. Кроме министра финансов, в России есть ещё только власть министра внутренних дел» [2, с. 60].

М. И. Туган-Барановский отмечал, что МФ при Витте «стало решающим и отодвинуло на задний план все остальные. И не только потому, что в руках Витте были деньги, без которых ничего не могли сделать другие министры, но ещё и потому, что министерство финансов под управлением Витте затмило все остальные необычайным блеском и размахом своей деятельности» [12, с. 280]. При Витте министерство финансов росло и поглощало всё новые отрасли государственного хозяйства. «Оно стало, в сущности, совокупностью нескольких министерств» [5, с. 274].

В конце XIX – начале XX в. происходит активное вторжение МФ в компетенцию других ведомств, вызванное как активными преобразованиями, проводимыми финансовым ведомством, так и желанием министерского аппарата потеснить конкурентов по занятию удобных «мест под солнцем». Б. Б. Глинский писал, что Витте «простирает своё влияние и на многие такие стороны нашей государственной жизни, которые собственно не входили в компетенцию его как министра финансов» [5, с. 578–579].

Особенно массированное вторжение было осуществлено в сферу деятельности двух министерств: министерства путей сообщения и министерства иностранных дел. Вопрос вторжения МФ в компетенцию МИД изучен достаточно широко. Строительство Сибирской дороги и возрастающий экономический интерес к Дальнему Востоку превратили Витте в ведущего российского дипломата. Вмешательство финансового ведомства во внешнюю политику было столь велико, что В. Н. Ламздорф в своём дневнике отмечал, что министр иностранных дел Лобанов играл при заключении китайского

¹ Научно-исследовательский отдел Российской Государственной Библиотеки. Ф. 178. Карт. 9803. Ед. 4. Л. 32об.

займа унизительную роль «порученца г-на Витте»¹.

Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин считают, что «будучи министром финансов, Витте имел большую власть и пользоваться большим влиянием, чем как глава правительства (председатель Совета министров – Я. С.)» [2, с. 47]. А. П. Извольский (министр иностранных дел в 1906–1910 гг.) считал, что как только Витте сделался министром финансов, «он сейчас же обнаружил явную склонность доминировать над другими членами кабинета и стал *de facto*, если не *de jure*, действительным главой русского правительства»².

Но всё-таки фактор доверия к министру со стороны Верховной власти в условиях самодержавной России был определяющим, и С. Ю. Витте, который пытался играть роль премьер-министра и раздражал этим Николая II, был отправлен в отставку, а министерство финансов вскоре утратило своё значение.

Заключение

Итак, успех или неудача в деятельности министров финансов в большой степени зависели от их личных отношений с императорами и от взглядов последних на значение финансово-экономической сферы. Только при содействии Верховной власти министры финансов могли справиться со своей основной задачей – составлением сбалансированного государственного бюджета.

Во второй половине XIX в. авторитет финансового ведомства постоянно возрастает. При этом большую роль играет личность самого министра финансов, наличие у него таких черт, как решительность, авторитарность и т. п. В конце XIX в. министерство финансов, превращаясь в сверхминистерство, осуществляет активное вторжение в компетенцию других министерств. Это делает его главу практически главным министром, подчиняющим своей воле остальных.

Дата поступления в редакцию 26.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. Ю. Министры финансов: от Российской империи до наших дней. М.: Альпина Паблишерз, 2019. 570 с.
2. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 429 с.
3. Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. История-Статистика. Т. 1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 292 с.
4. Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы). М.: Госфиниздат, 1960. 414 с.
5. Глинский Б. Б. Граф Сергей Юльевич Витте (Материалы для биографии) // Исторический вестник. 1915. № 4. С. 573–589.
6. Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг.: (Аграрный кредит в экономической политике царизма). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 354 с.
7. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II: Капитализм. М.: Госполитиздат, 1952. 736 с.
8. Министерство финансов. 1802–1902. Исторический обзор. Ч. 2. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. 692 с.
9. Министры финансов императорской России: Е. Ф. Канкрин, М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге / сост. И. В. Лукьянов. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2020. 654 с.
10. Погребинский А. П. Государственные финансы России в эпоху империализма. М.: Финансы, 1968. 167 с.
11. Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. Т. 1 / О. В. Волобуев, С. В. Кулешов, В. В. Журавлев, В. В. Шелохаев. М.: Терра, 1996. 653 с.

¹ Ламздорф В. Н. Дневник. 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991. С. 224.

² Извольский А. П. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1989. С. 79.

12. Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист (К столетию со дня рождения). Ч. 1 / отв. ред. Н. К. Фигуровская, А. Д. Степанский М.: Институт экономики РАН, 1999. 244 с.
13. Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 4. СПб.: Канцелярия комитета министров, 1902. 472 с.
14. Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 5. СПб.: Канцелярия комитета министров, 1902. 127 с.
15. Скальковский К. А. Наши государственные и общественные деятели. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1890. 586 с.
16. Сорокин А. К. Государство и предпринимательство в России (вторая половина XIX – начало XX века). М., 1998. 162 с.
17. Степанов В. Л. Михаил Христофорович Рейтерн: "Я всю жизнь готовился к должности министра финансов..."; Николай Христианович Бунге: "Калоши и зонтик мои в порядке – я готов уйти отсюда каждую минуту..." // Российский либерализм: идеи и люди. Т. 1: XVIII–XIX века / ред. А. А. Кара-Мурза. М.: Новое издательство, 2018. С. 416–429; 447–461.
18. Степанов В. Л. Финансисты и генералы: дискуссии о военных расходах в правящих кругах Российской империи (1860-е – начало 1890-х гг.) // Российская история. 2022. № 3. С. 41–65.
19. Табурно И. П. Эскизный обзор финансово-экономического состояния России за последние 20 лет (1882–1901). СПб.: тип. Э. Э. Новицкого, 1903. 243 с.
20. Фетисов В. Д. Тайны и мифы царских финансов России. М.: РУСАЙНС, 2025. 277 с.
21. Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л.: Наука, 1981. 275 с.
22. Юровский В. Е. Кризисы финансовой системы Российской империи в XIX веке // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 32–45.

REFERENCES

1. Alekseev M. Yu. *Ministry finansov: ot Rossiyskoy imperii do nashikh dney* [Finance Ministers: from the Russian Empire to the Present Day]. Moscow, Alpina Publishers Publ., 2019. 570 p.
2. Ananyich B. V., Ganelin R. Sh. *Sergey Yul'yevich Vitte i yego vremya* [Sergei Yulievich Witte and His Time]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Pub., 1999. 429 p.
3. Bliokh I. S. *Finansy Rossii XIX trud. Istoriya-Statistika. T. 1* [Finances of Russia in the 19th Century. History-Statistics. Vol. 1]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha Publ., 1882. 292 p.
4. Gindin I. F. *Gosudarstvennyy bank i ekonomicheskaya politika tsarskogo pravitelstva (1861–1892 gody)* [State Bank and the Economic Policy of the Tsarist Government (1861–1892)]. Moscow, Gosfinizdat Publ., 1960. 414 p.
5. Glinsky B. B. [Count Sergei Yulievich Witte (Materials for a biography)]. In: *Istoricheskiy vestnik* [Historical Bulletin], 1915, no. 4, pp. 573–589.
6. Dyakin V. S. *Den'gi dlya sel'skogo khozyaystva. 1892–1914 gg.: (Agrarnyy kredit v ekonomicheskoy politike tsarizma)* [Money for Agriculture. 1892–1914: (Agrarian Credit in the Economic Policy of Tsarism)]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU Publ., 1997. 354 p.
7. Lyashchenko P. I. *Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR. T. II: Kapitalizm* [History of the National Economy of the USSR. Vol. II: Capitalism]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1952. 736 p.
8. *Ministerstvo finansov. 1802–1902. Istoricheskiy obzor. Ch. 2* [Ministry of Finance. 1802–1902. Historical Review. Part 2]. St. Petersburg, Ekspeditsiya zagotovok gos. Bumagi Publ., 1902. 692 p.
9. Lukyanov I. V., ed. *Ministry finansovoy imperatorskoy Rossii: Ye. F. Kankrin, M. Kh. Reytern, N. Kh. Bunge* [Finance Ministers of Imperial Russia: E. F. Kankrin, M. H. Reiter, N. H. Bunge]. St. Petersburg, Izd-vo Pushkinskogo fonda Publ., 2020. 654 p.
10. Pogrebinsky A. P. *Gosudarstvennyye finansy Rossii v epokhu imperializma* [State Finances of Russia in the Era of Imperialism]. Moscow, Finansy Publ., 1968. 167 p.
11. Volobuev O. V., Kuleshov S. V., Zhuravlev V. V., Shelokhaev V. V. *Politicheskaya istoriya: Rossiya – SSSR – Rossiyskaya Federatsiya. T. 1* [Political history: Russia – USSR – Russian Federation. Vol. 1]. Moscow, Terra Publ., 1996. 653 p.
12. Figurovskaya N. K., Stepanky A. D., eds. Sergei Yulievich Witte – statesman, reformer, economist (on his hundred and fiftieth birthday). Part 1]. Moscow, Institut ekonomiki RAN Publ., 1999. 244 p.

13. Seredonin S. M. *Istoricheskiy obzor deyatelnosti politicheskikh ministrov. T. 4* [Historical review of the activities of the Committee of Ministers. Vol. 4]. St. Petersburg, Kantselyariya komiteta ministrov, 1902. 472 p.
14. Seredonin S. M. *Istoricheskiy obzor deyatelnosti politicheskikh ministrov. T. 5* [Historical review of the activities of the Committee of Ministers. Vol. 5]. St. Petersburg, Kantselyariya komiteta ministrov, 1902. 127 p.
15. Skalkovsky K. A. *Nashi proyavleniya i obshchestvennyye deyateli* [Our statesmen and public figures]. St. Petersburg, tip. A. S. Suvorina Publ., 1890. 586 p.
16. Sorokin A. K. *Gosudarstvo i predprinimatelstvo v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [The State and Entrepreneurship in Russia (second half of the 19th – early 20th century)]. Moscow, 1998. 162 p.
17. Stepanov V. L. [Mikhail Khristoforovich Reiter: "I have been preparing for the post of Minister of Finance all my life..."; Nikolai Khristianovich Bunge: "My galoshes and umbrella are in order – I am ready to leave here any minute..."]. In: Kara-Murza A. A., ed. *Rossiyskiy liberalizm: idei i lyudi. T. 1: XVIII–XIX veka* [Russian liberalism: ideas and people. Vol. 1: 18th–19th centuries]. Moscow, Novoye Izdatelstvo Publ., 2018, pp. 416–429, 447–461.
18. Stepanov V. L. [The debates avoid military budget at the ruling circles of the Russian Empire (1860s – early 1890s)]. In: *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2022, no. 3, pp. 41–65.
19. Taburno I. P. *Eskiznyy obzor finansovo-ekonomicheskogo sostoyaniya Rossii za posledniye 20 let (1882–1901)* [Sketch review of the financial and economic state of Russia over the past 20 years (1882–1901)]. St. Petersburg, tip. E. E. Novitsky Publ., 1903. 243 p.
20. Fetisov V. D. *Tayny i mify tsarskikh finansov Rossii* [Secrets and myths of the tsarist finances of Russia]. Moscow, RUSAINS Publ., 2025. 277 p.
21. Shepelev L. E. *Tsarizm i burzhuaziya vo vtorom poludne XIX veka. Problemy torgovo-promyshlennoy politiki* [Tsarism and the bourgeoisie in the second half of the 19th century. Problems of trade and industrial policy]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 275 p.
22. Yurovsky V. E. [Crises of the financial system of the Russian Empire in the 19th century]. In: *Voprosy istorii* [Questions of History], 2001, no. 2, pp. 32–45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьёв Ян Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: solyan@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yan V. Soloviev – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia, Federal State University of Education;
e-mail: solyan@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соловьёв Я. В. Роль министров финансов Российской империи в общей системе управления второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 6. С. 70–81.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-70-81

FOR CITATION

Soloviev Ya. V. The role of finance ministers of the Russian Empire in the general management system of the second half of the 19th – early 20th century. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 6, pp. 70–81.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-70-81

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-82-87

ЮЖНОЕ КАЗАЧЕСТВО РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЛИКВИДАЦИИ МОНАРХИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Суханова Н. И.*Государственный университет просвещения**105005, Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление демократических элементов общественного сознания у казачества Северного Кавказа в условиях крушения монархии.

Процедура и методы. Для написания статьи использована опора на анализ причинно-следственных связей в историческом процессе, детерминацию происходящих социальных перемен законами общественного развития. Кроме общеизвестных методов исследования, автор опирался на факторный анализ исследуемой проблемы, помогающий вскрыть составляющие перемен в сознании и общественном поведении казачества на юге России.

Результаты. На основании архивных и историографических источников делается вывод о том, что, несмотря на преданность и приверженность монархической, авторитарной системе правления, российское южное казачество под воздействием объективных исторических вызовов становится частью демократической альтернативы развития страны в 1917 г.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные выводы позволяют сделать вывод о том, что одна из самых консервативных социальных структур – казачество – несмотря на перемены в своих социальных функциях, тоже подвержена исторической эволюции и может обрести своё новое предназначение, в т. ч. и в современной России.

Ключевые слова: казачество, Кубань, Дон, Терек, буржуазная революция, Временное правительство, демократические требования

THE SOUTHERN COSSACKS OF RUSSIA: POLITICAL QUEST IN THE CONTEXT OF THE MONARCHICAL REGIME LIQUIDATION

N. Sukhanova*Federal State University of Education**ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the democratic elements of public consciousness among the Cossacks of the North Caucasus in the context of the collapse of the monarchy.

Methodology. The article relies on the analysis of cause-and-effect relationships in the historical process, determination of ongoing social changes by the laws of social development. In addition to the well-known research methods, the author relied on a factor analysis of the problem under study, which helps to consider the components of changes in the consciousness and social behavior of the Cossacks in the south of Russia.

Results. Based on archival and historiographical sources, it is concluded that, despite the dedication and commitment to the monarchical, authoritarian system of government, the Russian southern

Cossacks under the influence of objective historical challenges became part of the democratic alternative to the development of the country in 1917.

Research implications. The findings suggest that one of the most conservative social structures, the Cossacks, despite the changes in its social functions, is also subject to historical evolution and may find its new purpose, including modern Russia.

Keywords: Cossacks, Kuban, Don, Terek, bourgeois revolution, Provisional government, democratic demands

Введение

Революционные процессы 1917 г. выявили множество социально-политических оттенков общественного сознания. Практически любой регион Российского государства показал многообразие мнений о происходящих событиях. Особенно сложно формировалась ситуация в полиэтнических и поликультурных регионах, одним из которых был Северный Кавказ. Его народы, в т. ч. донское, кубанское и терское казачество, имели долгую историю формирования и эволюции общего регионального пространства. По авторитетному мнению исследователя южного казачества А. В. Венкова, казак был человеком империи. Поэтому воспринимал своё служение как функцию охранения интересов монархии в регионе [2, с. 303].

Малоземелье, высокая плотность населения, значительное количество этносов, населявших регион, формировали особый тип взаимодействия между ними. Консерватизм и традиционализм народов, населявших регион, формировали высокую степень обособленности и осознания собственной значимости. Необходимость сохранения собственной этнической, хозяйственной, политической, религиозной идентичности порождала в системе межэтнических отношений взаимоисключавшиеся тенденции: к вражде и необходимости взаимодействия. На протяжении нескольких столетий сохранялась постоянная опасность межэтнического противостояния, но и стремление к формированию баланса сил в регионе. В этой системе отношений развивалось и казачество. Войсковые территории ревностно охранялись казаками, даже в отношениях с соседним казачеством. При

этом государственную службу несли исправно [6, с. 82]. Проблема отношения к отречению самодержца казачества имеет своих исследователей. Но в подобной постановке она ещё не являлась предметом исследования.

К началу 1917 г. основное количество военнообязанных казаков находились на фронте. Отсутствие успехов в войне, значительные потери, отдалённость от порядка станичной жизни и влияния более консервативного старшего поколения, большевистская пропаганда формировали новый взгляд казачества на реалии российской власти. Усиление рыночных тенденций, военные условия содействовали расслоению казачества. В 1917 г. 52,7% беспосевных и малопосевных (до 6 десятин) хозяйств кубанских казаков имели лишь 13,6% посевной площади, в то время как 14,9% хозяев, засевавших свыше 16 десятин каждый, – 45% всех посевов¹. Эта ситуация в совокупности с политическим размежеванием, словесными факторами и этническими традициями способствовали серьёзному расколу в общественном сознании казачества, в т. ч. и в сторону усиления самостоятельности [8, с. 186]. Начальник Терской области сообщал о настроениях, направленных на перемену государственного строя в России [9, с. 46]. Казачьи регионы испытывали на себе весь спектр подобных настроений. В короткий исторический промежуток времени, обнаживший системный кризис самодержавной власти, произошла её быстрая десакрализация.

¹ Отчет заседания войскового Круга Терского казачьего войска VI созыва. Владикавказ, 1918. С. 14.

Южное казачество России и Временное правительство: от присяги до недоверия

В Петрограде находилось несколько сотен донских, кубанских, терских казаков. Документы дают представление о том, что некоторые казачьи подразделения переставали исполнять приказ о разгоне демонстрантов и иногда присоединялись к ним. Известно, что казаки 4-го Донского полка создали полковой комитет, деятельность которого характеризовалась антимонархическими настроениями [5, с. 592]. Симптоматичным было то, что во Временном комитете Государственной Думы был представлен терский казак М. А. Караулов. Именно ему принадлежит авторство приказа об аресте всех членов тайной полиции и жандармского корпуса. Между тем из этого факта не следует вывод об активном участии казаков в свержении самодержавия. Состояние значительной части казачества следует, по-видимому, оценивать как растерянность от поражений, происходивших на фронте, особенно в июне 1917 г. и осложнение положения в самой России. Войсковой атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант А. П. Филимонов писал: «Февральский переворот застал казачье население врасплох. Сущность и значение политических событий усваивались с трудом и вселяли в умы наиболее домовитых казаков большие тревоги»¹. Многовековая традиция добросовестного служения царскому трону сформировала непререкаемый авторитет последнего. Но новые исторические условия начала XX в. постепенно развенчивали веру в русскую монархию. При этом казаков не могла не настораживать неопределённость их положения в условиях демократизации власти. Вызывала недоумение первая реакция Временного правительства: «Вопрос же об организации административной власти в казачьих об-

ластях... временно оставить открытым»². Такое положение дел не устраивало казаков, содействовало усилению сепаратистских настроений. Ростовский исследователь истории казачества А. И. Козлов, проанализировав положение донского казачества, пришёл к выводу, что «две трети казаков с привилегиями расставаться не хотели» [4, с. 131].

По-разному утверждалась новая власть в казачьих регионах. В значительной степени основной порядок устройства управления, военного, хозяйственного и бытового положения там пока ещё не менялся. А. И. Деникин указывал на троевластие, сложившееся в казачьих регионах: атаман с правительством, комиссар Временного правительства, Совет рабочих депутатов³. Наиболее очевидным было такое троевластие на Кубани. На Дону Советы поначалу не представляли серьёзной силы. Ситуация в Терской области была очень своеобразна в связи с наличием здесь горского населения. В регионе было сформировано 2 политических центра. Советы, если и организовывались в казачьей среде, не имели пролетарски-крестьянского характера. Порою казачьи советы возглавлялись атаманами или генералами, что определяло характер их деятельности. Интересным представляется факт создания казачьих Советов. До начала 1918 г. они отражали интересы значительного количества сословия и решали проблемы внутриказачьей жизни и службы. Внутрисословный раскол начал усиливаться после ужесточения большевиками нажима на Советы весной 1918 г.

В условиях тотального раскола российского общества на множество политических и идейных течений казачество тоже не оставалось единым. Очевидной была разница в понимании ситуации «российскими» и «местными» казачьими

¹ Филимонов П. А. Кубанцы // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1927. С. 63.

² Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 102. Оп. 1. Д. 534. Л. 7.

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение Власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 г. Мн.: Харвест, 2002. С. 327.

антибольшевистскими группировками. Первых волновали общероссийские государственные проблемы, вторых – пока лишь свобода и неприкосновенность родных очагов и земли [3, с. 524]. Между тем, казаков волновали не только экономические и политические проблемы. Они ревностно отстаивали свою социальную сущность с ключевыми проблемами соотношения свободы и порядка, консолидации и этничности [7, с. 224].

В сложных условиях послефевральской России 1917 г. Временное правительство было вынуждено опираться на российское казачество. Оно инициировало проведение общеказачьего съезда в конце марта 1917 г. в Петрограде. На нём было принято решение о создании Союза казачьих войск, который был призван подготовить почву для проведения преобразований в системе местного самоуправления, хозяйственной и военной жизни казаков России. Земли казачьих войск с их недрами, лесами, рыбными и прочими угодьями объявлялись историческим достоянием и неприкосновенной собственностью каждого казачьего войска. Сразу же начался процесс восстановления традиционного Войскового круга и выборы атаманов.

Устав Центрального Совета казаков, принятый и утверждённый 25 марта 1917 г. в Петрограде, гласил: «содействовать введению в России формы правления Демократической республики при этом сохраняя свои автономные права и вечевые начала. ...Совет имеет сношения с Советом рабочих и солдатских депутатов и имеет в нём своих представителей»¹. Документ выявляет меняющуюся картину мира российских казаков. От имени своих территорий казачьи делегаты выразили полную поддержку и принесли присягу Временному правительству. Её они исполнили при подавлении выступлений Петроградского гарнизона 3–5 июля 1917 г. [1, с. 127]. При этом Со-

вет Союза казачьих войск, выступив в защиту Л. Г. Корнилова в августе 1917 г., приложил усилия для примирения враждующих сторон.

Заключение

Увеличение количества неказачьего населения внутри казачьих войск, усиление рыночных черт хозяйствования провоцировали рост имущественных и социальных противоречий, ведя к противостоянию в разных формах. Их нарастание в стране и в казачьих регионах усиливало сепаратистские тенденции воинского сословия. Росту демократических настроений содействовала безуспешная для России Первая мировая война. Слишком быстрый переход от монархии, которой присягала значительная часть казачества, к демократическим формам государственности в виде Временного правительства, активный рост революционных настроений, требования крестьянства о разделе казачьих земель ломали привычную картину мира сословия. Новые исторические вызовы, стремление вернуть широкую систему казачьего самоуправления, которое на протяжении двух веков постоянно сокращалось, рост интереса к частному землевладению – всё это делало казаков участниками происходящего политического процесса. Добавляло сложности соседство с горскими народами, страдавшими от малоземелья и считавшими, что имеют право на перераспределение казачьих земель с учётом интересов горцев. Эти же требования выдвигали и безземельные иногородние. Новую картину положения на Северном Кавказе усиливало развитие промышленности, содействовавшее росту количества пролетариата, вовлекавшегося в политическую борьбу. Их конфликты с казачеством носили политический характер, поскольку пролетарии воспринимали казаков как карателей революционного движения и хозяев значительного количества земли.

¹ ГАСК. Ф.р. 65. Оп. 1. Д. 10. Л. 54.

Поначалу на фоне расколотого сознания казачьего сословия, по мнению большинства историков, преобладавшими были нейтралитет и стремление к формированию собственной государственности. Но монолитность казачества уже была в прошлом. Так, линейное казачество Кубани было за вхождение в состав России, а «черноморские» казаки стремились к самостоятельности. В этом просматривались истоки их формирования: первых – из России, вторых – из Украины. Разные политические интересы обеих частей были очевидны. Раскол казачества происходил по многим причинам.

Популярная в обществе идея Советов начала практически реализовываться и в казачьей среде. На Кубани это проявилось в создании Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов, сформированного впервые путём демократических выборов. Советы носили социалистическое содержание, большевистских пока еще было крайне мало. Раскол в среде казачества начался с отсутствием стабильного состояния в регионе. В условиях слабой власти Временного правительства борьба за власть в

регионе разных политических сил осложняла ситуацию. После известных событий начала июля 1917 г. в Петрограде были распущены демократические органы власти – станичные советы и гражданские комитеты. Но до начала октября 1917 г. многовластие оставалось реальностью. С начала сентября до октябрьских событий 1917 г. отношения между Временным правительством и руководством южного казачества ухудшались. Причин было несколько: отрешение А. Ф. Керенским атамана А. М. Каледина, непризнание казачеством полномочий Временного правительства в вопросе объявления России республикой, расследование причин гибели казаков 3–5 июля 1917 г. Развитие событий показало недальновидность Временного правительства в вопросах завоевания казачества, настроенного на демократические перемены, на сторону новой власти, что стало одной из причин её крушения. Из-за отсутствия поддержки со стороны новой власти в казачьей среде всё больше укреплялась идея самостоятельности.

Дата поступления в редакцию 26.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Ауский С., Беличева И. Казаки: особое сословие. СПб.: Нева, 2002. 447 с.
2. Венков А. В. Новая и необычная история кубанского казачества // Новое прошлое. 2023. № 1 С. 302–308.
3. Венков А. В. Роль казаков в Российской революции 1917 года: историографический обзор // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: мат-лы конф. / редкол. А. Н. Артизов и др. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 524–532.
4. Козлов А. И. На историческом повороте. Ростов-на-Дону, 1977. 214 с.
5. Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект / В. В. Кондрашин, В. А. Юрчёнков, Д. И. Люкшин и др. М.: Саранск, 2017. 1048 с.
6. Матишов Г. Г. Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма. На пути к возрождению. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. 528 с.
7. Скорик А. П., Бондарев В. А., Матишов Г. Г. Казачество юга России в советскую эпоху: проблемы и перспективы научного исследования // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 5. С. 219–236.
8. Тикиджян Р. Г. Донское казачество и крестьянство на переломе исторических эпох: между имперской и советской социалистической модернизацией (1855–1939 гг.). Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2024. 334 с.
9. Трехбратов Б. А., Шебзухова Т. А. Крестьянство Северного Кавказа в условиях рыночной модернизации России // Северный Кавказ: Геополитика, история, культура: мат-лы конф. Москва-Ставрополь, 2001. С. 45–46.

REFERENCES

1. Ausky S., Belicheva I. *Kazaki: individualnoye sosloviye* [Cossacks: a special class]. St. Petersburg, Neva Publ., 2002. 447 p.
2. Venkov A. V. [New and unusual history of the Kuban Cossacks]. In: *Novoye proshloye* [The New Past], 2023, no. 1, pp. 302–308.
3. Venkov A. V. [The role of the Cossacks in the Russian Revolution of 1917: a historiographical review]. In: Artizov A. N. [The Great Russian Revolution, 1917: one hundred years of study]. Moscow, IRI RAS Publ., 2017, pp. 524–532.
4. Kozlov A. I. *Na istoricheskom povorote* [At a historical turn]. Rostov n/Don, 1977. 214 p.
5. Kondrashin V. V., Yurchenkov V. A., Lyukshin D. I. et al. *Krestyanstvo i kazachestvo Rossii v usloviyakh revolyutsii 1917 g. i Grazhdanskoy voyny: natsionalno-regionalnyy aspekt* [The peasantry and the Cossacks of Russia in the conditions of the 1917 revolution and the Civil War: a national and regional aspect]. Moscow, Saransk, 2017. 1048 p.
6. Matishov G. G. *Donskiye kazaki: ot opory samoderzhaviya do zhertvy bol'shevizma. Na puti k vozrozhdeniyu* [The Don Cossacks: from the pillars of the autocracy to the victims of Bolshevism. On the way to rebirth Rostov]. Rostov n/Don, Izd-vo YUNTS RAN Publ., 2022. 528 p.
7. Skorik A. P., Bondarev V. A., Matishov G. G. [Cossacks of the South of Russia in the Soviet era: problems and prospects of scientific research]. In: *Vestnik VolGU. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezh-dunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, p. 219–236.
8. Tikidzhyan R. G. *Donskoye kazachestvo i krestyanstvo na perelome istoricheskikh epokh: mezhdunarodnyy i sovetskoy sotsialisticheskoy modernizatsiyey (1855–1939 gg.)* [The Don Cossacks and the peasantry at the turning point of historical epochs: between imperial and Soviet socialist modernization (1855–1939)]. Rostov n/Don, DSTU Publ., 2024. 334 p.
9. Trekhbratov B. A., Shebzukhova T. A. [The peasantry of the North Caucasus in the context of market modernization of Russia]. In: *Severnyy Kavkaz: Geopolitika, istoriya, kultura* [The North Caucasus: Geopolitics, history, culture]. Moscow-Stavropol. 2001, pp. 45–46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суханова Наталья Ивановна – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia I. Sukhanova – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Суханова Н. И. Южное казачество России: политические искания в условиях ликвидации монархического режима // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 6. С. 82–87.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-82-87

FOR CITATION

Sukhanova N. I. The southern Cossacks of Russia: political quest in the context of the monarchical regime liquidation. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 6, pp. 82–87.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-82-87

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-88-96

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА В ФОКУСЕ КОНЦЕПЦИИ ДОГОНЯЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Лазарева Л. Н.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ особенностей культурной политики позднего сталинизма как механизма достижения «морально-политического единства» советского социума и мобилизации общественного сознания через призму концепции догоняющей модернизации.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ делопроизводственной документации Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), отложившейся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Методология исследования опиралась на принципы объективности и историзма, были использованы такие специальные методы исследования, как историко-генетический, хронологический, сравнительный и другие.

Результаты. Анализ позднего сталинизма через призму концепции модернизации позволяет глубже понять объективные и субъективные факторы, формировавшие послевоенное развитие СССР, дополняя современные представления о развернувшихся процессах в социально-экономической сфере и в культурной политике данного периода.

Теоретическая и/или практическая значимость. Документальный сборник по позднему сталинизму, завершающий публикаторский проект РГАСПИ, реализуемый с 2017 г., вводит в научный оборот комплекс ценных источников, раскрывающих важные аспекты, как парадигмы формирования культурной политики, так и роли, отведённой ей в сталинской социально-экономической модели.

Ключевые слова: документально-издательский проект, концепция догоняющей модернизации, культурная политика, поздний сталинизм

THE CULTURAL POLICY OF LATE STALINISM IN THE FOCUS OF THE CONCEPT OF CATCHING-UP MODERNIZATION

L. Lazareva*Federal State University of Education**ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the features of the cultural policy of late Stalinism as a mechanism for achieving the “moral and political unity” of Soviet society and mobilizing public consciousness through the prism of the concept of catching-up modernization.

Methodology. The main content of the study is an analysis of the office documentation of the Department of Propaganda and Agitation of the Central Committee of the CPSU(b), deposited in the Russian State Archive of Socio-Political History. The research methodology was based on the principles

of objectivity and historicism, such special research methods as historical-genetic, chronological, comparative and others were used.

Results. The analysis of late Stalinism through the prism of the concept of modernization allows for a deeper understanding of the objective and subjective factors that shaped the post-war development of the USSR, complementing modern ideas about the unfolding processes in the social and economic sphere and in the cultural policy of this period.

Research implications. The documentary collection on late Stalinism, the final publication project of the Russian State Archive of Socio-Political History, which has been implemented since 2017, introduces into scientific circulation a set of valuable sources that reveal important aspects of both the paradigm of cultural policy formation and the role assigned to it in the Stalinist social and economic model.

Keywords: documentary publishing project, catching-up modernization concept, cultural policy, late Stalinism

Введение

Победный 1945 г. открывает период, который вошёл в современную историографию под названием «поздний сталинизм». Перестройка экономики на мирный лад, восстановление народного хозяйства, формирование новой геополитической системы, базировавшейся на блоковом противостоянии, – все эти процессы, определившие траекторию развития СССР на десятилетия, «спрессованы» в 8 лет, отпущенных стране до смены руководства на властном Олимпе. Поэтому исследовательский интерес не затихает, и немало историков, которые, пытаясь понять мотивы, двигавшие партийными и государственными деятелями той эпохи, и пристально глядяваясь в круговорот событий внешней и внутренней политики, предложили свои объяснительные модели. Проблема в том, что их концепции часто не дополняют, а противоречат друг другу. Спектр мнений находится в диапазоне от «...бараки в этой системе имелись в изобилии, но в ней не было социализма» [14, с. 348] или «...СССР не вырвался из рамок капиталистической формации...» [13, с. 23] до «...если мы хотим выйти из нынешних либеральных тупиков, которые ведут Россию к гибели, мы должны вспомнить о сталинской экономике, должны постичь её смысл и все тонкости и работать в деле воспитания нового человека – не абстрактного, а человека, который будет востребован ста-

линской экономикой» [3, с. 400]. Анализ современной зарубежной и отечественной историографии позволил Д. Кипу и А. Литвину (канадскому и российскому исследователям) охарактеризовать сложившуюся ситуацию: «тематика российских исследователей мало чем отличается от работ западных коллег. Среди тех и других есть сторонники и противники сталинизма. Но пока преобладают последние. И те, и другие пытаются дать объективную оценку той далекой, но до сих пор весьма политизированной проблеме» [4, с. 324].

Вместе с тем внушает тревогу присутствующая в публичном поле точка зрения, выраженная известным историком культуры Е. А. Добренко. Он утверждает, что «...Сталин создал не только советское государство, но и советскую нацию». Исследователь понимает под этим термином общество, травмированное насилием. Евгений Александрович делает вывод: «...по своей политической культуре, ментальному профилю, практикам повседневности и исторической памяти современное российское общество в целом – всё та же советская нация, основные параметры которой окончательно сложились в эпоху позднего сталинизма» [2, с. 548]. Публикация исторических источников представляется лучшим «лекарством» от навязываемого чувства неполноценности. Именно сопоставление и анализ документов даёт возможность

заинтересованному читателю составить собственное мнение об особенностях влияния государства на послевоенный социум.

Публикаторский проект РГАСПИ по позднему сталинизму

Представляется достойным вкладом в изучение позднего сталинизма документально-издательский проект на базе Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), осуществляемый под руководством доктора исторических наук, профессора, лауреата Государственной премии РФ в области науки и техники В. В. Журавлева.

Основой отбора документов в данном проекте стала концепция догоняющей модернизации. Её инструментарий позволил соединить «связующей нитью» тысячелетний опыт развития страны, «подсветив» при этом особенности и значение «позднего сталинизма» как одну из ступеней на «лестнице» прогресса. Коллектив составителей базировался на выводах Валерия Васильевича, который обозначил вклад «советской цивилизации» как попытку «...решения задач модернизации средствами и методами формально некапиталистического, а на деле государственно-монополистического развития...» [5, с. 36]. При этом, несмотря на диспропорции, ставка на экономический прогресс была подкреплена модернизацией сферы социальных отношений. Вместе с тем политическая система общества, строящаяся на интеграции «...власти духовной, идеологической и власти политической: верхушка этого Януса призвана была заменить нам и Бога, и царя...» [5, с. 37], оказалась не в состоянии обеспечить развитие модернизационных процессов по органическому типу (т. е. построенному на принципах «естественно и целесообразно» и «изменяя себя, не изменяя себе» при неперменном условии «диалога общества и государства, социума и власти») [5, с. 45–46].

Если в первых двух сборниках¹, изданных в рамках проекта, коллектив составителей стремился выявить особенности «сталинской» социально-экономической модели [9; 10], то в третьем (работа над которым находится на заключительной стадии) послевоенная культурная политика рассматривается как один из механизмов трансформации социума в рамках советской стратегии модернизации.

Поиски смыслов культурной политики

Как правило, в современной историографии идеологические кампании считаются специфическим мобилизующим механизмом, запущенным руководителями страны в условиях стремительно разворачивающегося противостояния с недавними союзниками по антигитлеровской коалиции. Работа над реализацией публикаторского проекта привела к выводу, что анализ источников раскрывает более сложную картину.

Управленческая парадигма, в которой «несущей конструкцией» стал механизм партийно-политической работы, требовала исполнителей, не только понимающих «политическую линию партии», но и воспринимающих её, как свой собственный жизненный сценарий – «...жила бы страна родная, и нету других забот...»². С трибуны последнего предвоенного съезда И. В. Сталин предостерёг: иначе «кадры» превратятся в «...деляг, слепо и механически выполняющих указания сверху...»³. Эффективность системы

¹ Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 647 с.; Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Научно-политическая книга, 2020. 718 с.

² Пахмутова А. Н., Ошанин Л. Песня о тревожной молодости // Культура РФ: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/33178/pesnya-o-trevozhnoi-molodosti> (дата обращения: 24.12.2024).

³ XVIII Съезд Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. 10–18 марта 1939. Стенографический отчет. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. 1939. С. 31.

(в которой материальные стимулы должны были лишь подкреплять моральные) зависела от «заряженности» общества в целом и чиновников (партийных и государственных), в т. ч. на достижение поставленных партией целей.

Заслуживает внимание мнение научного руководителя РГАСПИ А. К. Со рокина: «Идеократическое государство, как многие определяют Советский Союз, не могло существовать, не поддерживая свою легитимность производством и трансляцией обществу комплекса идей, который в тот или иной момент времени отвечал задачам дня, как их понимало советское руководство» [12, с. 680].

Кроме того, руководителям страны требовалось в преддверии военных испытаний сплотить общество, пережившее раскол революции и Гражданской войны. Выход ими был найден в формировании позитивного образа дореволюционной культуры и истории [1, с. 335].

Изменения в государственной идеологии позволили достигнуть поставленных целей, но потребовали корректировки мировоззренческих установок, транслируемых в т. ч. и через культурную политику.

Итак, уже накануне войны перед ЦК ВКП(б) стояли задачи генерирования новой долгосрочной стратегии (программы партии) и корректировки концепции советского патриотизма.

Военное лихолетье направило все силы и ресурсы на достижение Победы, оттеснив всё прочее на второй план. Приближение мира вернуло в повестку дня запрос на чёткие алгоритмы рывка «через тернии к звездам» и цементирующие многонациональное государство идеологии.

Работа над новой программой ВКП(б) была развёрнута уже летом 1947 г. (раньше, чем отменили снабжение по карточкам!) и выявила необходимость глубокого теоретического анализа специфических особенностей социально-экономической модели, сформировавшейся в ходе реше-

ния задач форсированной модернизации [11]. Лидером партии была инициирована экономическая дискуссия, итоги которой он обобщил в своём «политическом завещании» – как часто называют в историографии книгу И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» [6].

Поиск концептуальных смыслов, объединяющих общество и формирующих *советскую нацию*, начался ещё до Победы.

Волей или не волей, но нашедшиеся на «передовой» агитации и пропаганды писатели вынуждены были самостоятельно нащупывать баланс классового и национального подходов. В августе 1943 г. руководитель президиума Союза Советских Писателей (ССП) А. А. Фадеев, выступая по радио, подчёркивал: «...мы защищаем своё социалистическое отечество, первое в мире Советское государство, ликвидировавшее эксплуатацию человека человеком...»¹. После чего объяснял слушателям значение национальной составляющей советского патриотизма: «...воспитание и развитие в русском народе и во всех народах СССР чувства национальной гордости» было необходимо чтобы, разгромить врага и «...высоко нести знамя советской культуры, науки и искусства..., развивающихся в национальных формах, двигающихся вперед культурное развитие всего человечества...»².

По мнению сотрудников Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (УПиА) далеко не все писатели смогли соответствовать новым условиям. В то время, когда от них требовалось показать «...героическую борьбу и труд нашего на-

¹ Выступление А. А. Фадеева по радио «О советском патриотизме и национальной гордости» // «Мы предчувствовали полыхание...». Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 – сентябрь 1945 г. Документы и комментарии. Т. 2. Кн. 1: 22 июня 1941–1943 гг. / сост. В. А. Антипина, З. К. Водопьянова, Т. В. Домрачева. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 788.

² Там же.

рода в эпоху Отечественной войны...»¹, И. Л. Сельвинский и В. П. Катаев не справились с задачей, а М. М. Зощенко вместо этого «по-обывательски» писал о своих личных переживаниях². Позицию А. П. Довженко партийные чиновники оценивали как самую опасную: в его повести «Победа» они нашли «...чуждые большевизму взгляды националистического характера...»³.

Меры не заставили себя ждать: 2 декабря 1943 г. Секретариатом ЦК ВКП(б) было принято закрытое постановление «О контроле над литературно-художественными журналами», в котором УПиА получило «нагоняй» за то, что были напечатаны «Перед восходом солнца» Зощенко и «Кого баюкала Россия» Сельвинского, а лично на Г. Ф. Александрова, А. А. Пузина и П. Н. Федосеева возложен контроль за содержанием журналов «Новый мир», «Знамя», «Октябрь». В постановлении Секретариата ЦК ВКП(б) от 3 декабря «О повышении ответственности секретарей литературно-художественных журналов» требовалось полностью исключить возможность появления политически вредных произведений, а секретари редколлегии журналов предупреждались об персональной ответственности⁴.

Руководители страны не ограничились лишь «кнутом» (ужесточение контроля за творчеством гуманитарной интеллигенции) и «пряником» (забота об улучшении бытовых условий деятелей науки и искусства)⁵, а развернули поиск

смыслов культурной политики, снимающих противоречия.

Важным этапом этого процесса стал IX пленум Правления ССП СССР, состоявшийся 5–9 февраля 1944 г. Разговор здесь развернулся острый и откровенный. Писатели обсуждали как можно и нужно рассказывать о войне. Резюмировать итоги можно словами О. Ф. Берггольц: «...мы... наблюдали в Ленинграде “бездну низости” и “бездну благородства”... Мы создадим такую литературу, которая будет обогревать душу всего мира, т. к. это будет... литература воинствующего добра»⁶. Вместе с тем позиция А. П. Довженко осуждена не была, а поведение делегации Украины настораживало партийных чиновников⁷.

Дискуссия историков весны-лета 1944 г. и осмысление высказанных в её рамках мнений экспертного сообщества сотрудниками УПиА и секретарями ЦК ВКП(б), работавшими над проектом тезисов по вопросам истории СССР, стали следующей стадией концептуализации державно-патриотической парадигмы советского патриотизма⁸. Героическое прошлое русского народа – пример подвига для советского общества, но самым большим достижением отечественной истории является Октябрьская революция, «...когда русский народ и его основная революционная сила – русский рабочий класс – нашёл в себе силы и способы отрешиться от всех привилегий и предрассудков господствующей ранее нации...»⁹. А. А. Жданов, вычленив существенные черты советского варианта патриотизма, писал: «... Он вырос и укре-

ского состава Красной армии». 18 марта 1944 г. // «Мы предчувствовали полыхание...»... Указ. соч. С. 345.

⁶ Выступление О. Ф. Берггольц. Из стенограммы IX пленума Правления ССП СССР / Там же. С. 76.

⁷ Докладная записка Д. А. Поликарпова Г. М. Маленкову. 23 февраля 1944. Литературный фронт... Указ. соч. С. 109–111.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 222.

⁹ Там же. Проект постановления ЦК ВКП(б) «О недостатках научной работы в области истории». 12 июля 1944. Л. 34.

¹ Постановление Президиума ССП «О журнале «Октябрь» за 1943 г.» / Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 гг.: сб. док-тов / сост. Д. П. Бабченко. М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. С. 92.

² Докладная записка Г. Ф. Александрова, А. А. Пузина, А. М. Еголина Г. М. Маленкову. 2 декабря 1943 // Литературный фронт... Указ. соч. С. 93–104.

³ Там же. С. 104.

⁴ Там же. С. 88–89.

⁵ Например, постановление СНК СССР № 283 «Об организации магазинов и ресторанов в г. Москве для обслуживания работников науки, техники, искусства и литературы, а также высшего офицер-

пился на почве смертельной борьбы с национализмом и победы над нацизмом. Советский патриотизм есть совершенно новое явление [неразб., предположительно, «соответствующее»] советскому строю, строю победившего социализма – СССР. Советский патриотизм вырос у нас на почве победы и укрепления интернационализма, на почве дружбы и братства народов СССР...»¹.

Окончательно закрепил дополнение исторической преемственностью идеологических оснований легитимности советского государства тост И. В. Сталина на приёме в Кремле в честь командующих Красной армии, опубликованный в «Правде» 25 мая 1945 г. [12, с. 681–682].

Выход из войны был для СССР началом противостояния с недавними союзниками по антигитлеровской коалиции. По мнению историка Е. Ю. Зубковой, психологическая установка вернувшихся фронтовиков («самое тяжёлое позади») вступала в конфликт с реальной действительностью, которая не спешила превращаться в «жизнь-сказку» [7, с. 50]. Представляется, что именно с этим была связана серия постановлений ЦК ВКП(б) 1946 г. («О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа; «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа; «О кинофильме “Большая жизнь”» от 4 сентября) – бойцы «литературного фронта» должны были вдохнуть социальный оптимизм и увлечь на трудовые подвиги советских граждан.

Культурная политика позднего сталинизма как механизм реализации задач модернизационного рывка

И. В. Сталин, перечисляя задачи советской культуры в беседе с делегацией общества «Финляндия – СССР» 8 октября 1945 г., поставил на первое место «...вытравить в человека зверя, который в нём есть...», на второе – «поднять куль-

турный уровень отсталых людей, рабочих, крестьян до уровня технической интеллигенции...», на третье – «...братство и взаимное уважение народов...»².

Всё перечисленное лидером партии отчётливо коррелирует с развёрнутым ЦК ВКП(б) «мозговым штурмом» – с созданием непротиворечивой концепции советского патриотизма и работой над алгоритмом строительства коммунистического общества, требующего преодоления противоречий умственного и физического труда, города и деревни. Причём по своей сути эти задачи соответствовали и требованиям нового витка модернизации. Рабочие группы, трудившиеся над новой программой партии, решали проблему строительства коммунистического будущего, основываясь на достижениях научно-технического прогресса: электрификация обеспечит рациональное размещение производства при централизации управления, механизация создаст условия для роста производительности труда, автоматизация – изменит сам характер труда, стирая грань между умственным и физическим, химическая отрасль – создаст новые материалы, необходимые как оборонной, так и гражданской промышленности, машиностроение – обеспечит дальнейшее техническое развитие промышленности страны³. Советские обществоведы рассчитывали таким образом создать экономический фундамент общества «изобилия» (оказавшегося очень близкого по своим характеристикам к обществу «потребления»: «...рост личного потребления, наиболее полное и разностороннее удовлетворение потребностей трудящихся становится одной из главных целей социалистического производства...»)⁴.

Очень близко к идеям лидера партии в проекте программы ВКП(б) были сформулированы задачи культурной поли-

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 367. Л. 160–163.

³ Сталинское экономическое наследство. Указ. соч. С. 67.

⁴ Там же. С. 69.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 799. Л. 16.

тики, направленной на трансформацию советского социума для коммунистического «рая».

Вместе с тем так же, как и социально-экономическая часть алгоритма строительства нового общества представления обществоведов и тут соответствовали модернизационному запросу: обеспечить в городе и в деревне образование молодёжи в объёме полной средней школы, развивать профессионально-техническое образование, расширять сеть и увеличивать контингенты студентов вузов, развернуть строительство НИИ и подготовку кадров для них и т. п.¹. На советские литературу и искусство, «...отображающие величие советской эпохи, героизм и благородные черты советского человека...» возлагались задачи коммунистического воспитания трудящихся².

Заключение

Заслуживает внимания мнение известного политолога С. Г. Кара-Мурзы: «...советское общество и государство не справились с задачей обновления средств легитимизации общественного строя в процессе смены поколений, не смогли обеспечить преемственность в ходе смены культурно-исторического типа, которая происходила в ходе модернизации и урбанизации и совпала с кризисом выхода общества из мобилизационного состояния 20–50-х гг. XX в...» [8, с. 188].

Анализ позднего сталинизма через призму концепции модернизации позволяет глубже понять объективные и субъективные факторы, формировавшие послевоенное развитие СССР, дополняя современные представления о развернувшихся процессах в социально-экономической сфере и в культурной поли-

тике данного периода. Благодаря этому выявляются причины, не позволившие обеспечить СССР преемственность культурно-исторического типа. Несмотря на то, что политика в области культуры в контексте управленческой парадигмы идеократического государства выступала как эффективный механизм достижения «морально-политического единства» и мобилизации общественного сознания, так и не получилось наладить диалог общества и власти. Разработка идеологом, необходимых для эффективного выполнения задач, поставленных ЦК ВКП(б) перед творческой интеллигенцией, в условиях жесткого контроля за гуманитарным знанием, инициировалась только высшим партийным руководством. Поэтому успех «советского проекта» очень сильно зависел от «команды» на «капитанском мостике». Несмотря на достигнутые несомненные успехи (в т. ч. в литературе и искусстве) основное противоречие «двуликого Януса» преодолеть не удалось – перейти к развитию модернизации по органическому типу СССР не смог. Требуя научного «прорыва», лидеры партии не замечали противоречия данной задачи с ужесточением контроля за творчеством.

Вместе с тем выводы историка культуры Е. А. Добренко, подразумевающего под советской нацией общество, травмированное насилием, вряд ли можно признать верными – советские люди, вышедшие победителями из схватки с нацизмом, отстроившие заново страну и создавшие великие произведения, вошедшие в копилку мировой литературы и искусства, совсем не подходят под данную исследователем характеристику.

Дата поступления в редакцию 26.12.2024

¹ Сталинское экономическое наследство. Указ. соч. С. 181.

² Там же.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бордюгов Г. А. «Сталинская интеллигенция». О некоторых смыслах и способах её социального поведения // Новый мир истории России. К 60-летию профессора Вада Харуки / под ред. Г. А. Бордюгова, Н. Исии, Т. Томита. М.: АИРХО-XX, 2001. С. 335–354.
2. Добренко Е. Поздний сталинизм: эстетика политики. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 600 с.
3. Катасонов В. Ю. Экономика Сталина. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 416 с.
4. Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН, 2009. 328 с.
5. Журавлев В. В. Россия в условиях трансформаций. Вып. 7: Россия XX века: тип, этапы и механизмы модернизации. М.: Научный эксперт, 2010. 1040 с.
6. Журавлев В. В., Лазарева Л. Н. «Нельзя «преобразовывать» законы». Экономическая дискуссия 1951 г. в оценке И. В. Сталина // Исторический архив. 2013. № 2. С. 45–77; № 3. С. 3–20.
7. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
8. Кара-Мурза С. Г. Крах СССР. Кто виноват. М.: Родина, 2021. 448 с.
9. Лазарева Л. Н. Вклад архивных документов в формирование исторической памяти (из опыта публикации сборника документов и материалов «Социальная политика позднего сталинизма») // Вестник Московского Государственного Областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 52–61.
10. Лазарева Л. Н. Отражение особенностей догоняющей модернизации «по-советски» в публикаторском проекте РГАСПИ по позднему сталинизму // Историко-культурное наследие в институциональном измерении: мат-лы форума / отв. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 271–276.
11. Лазарева Л. Н. «Через тернии к звездам»: поиск механизмов строительства коммунизма в СССР (социально-экономический аспект) // 1953-й. Подведение итогов и выбор пути: мат-лы конф. / отв. ред. А. К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2023. С. 104–113.
12. Сорокин А. К. История одного правления. Сталин в 1917–1953 гг. Ч. 2.: «О дивный новый мир...» 1945–1953. М., 2024. 872 с.
13. Фатеев А. В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР. М.: МАКС Пресс, 2007. 352 с.
14. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2011. 359 с.

REFERENCES

1. Bordyugov G. A. ["Stalin's intelligentsia". On some meanings and methods of its social behavior]. In: Bordyugov G. A., Ishii N., Tomita T., eds. *Novyy mir istorii Rossii. K 60-letiyu professora Vada Kharuki* [New World of Russian History. On the 60th anniversary of Professor Wada Haruki]. Moscow, AIRHO-XX Publ., 2001, pp. 335–354.
2. Dobrenko E. *Pozdnyy stalinizm: estetika politiki. T. 2* [Late Stalinism: The Aesthetics of Politics. Vol. 2]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2020. 600 p.
3. Katasonov V. Yu. *Ekonomika Stalina* [Stalin's Economy]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2014. 416 p.
4. Kip J., Litvin A. *Epokha Iosifa Stalina v Rossii. Sovremennaya istoriografiya* [The Era of Joseph Stalin in Russia. Modern Historiography]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 328 p.
5. Zhuravlev V. V. *Rossiya v usloviyakh transformatsiy. Vyp. 7: Rossiya XX veka: tip, etapy i mekhanizmy progressa* [Russia in the Conditions of Transformation. Issue 7: Russia of the 20th Century: Type, Stages, and Mechanisms of Modernization]. Moscow, Nauchnyy ekspert Publ., 2010. 1040 p.
6. Zhuravlev V. V., Lazareva L. N. ["Laws Cannot Be "Transformed". The Economic Discussion of 1951 as Assessed by I. V. Stalin]. In: *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive], 2013, no. 2, pp. 45–77; no. 3, pp. 3–20.
7. Zubkova E. Yu. *Poslevoyennoye sovetskoye obshchestvo: politika i povsednevnost* [Post-war Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 229 p.

8. Kara-Murza S. G. *Krakh SSSR. Kto vinovat* [The Collapse of the USSR. Who is to Blame]. Moscow, Rodina Publ., 2021. 448 p.
9. Lazareva L. N. [Contribution of Archival Documents to the Formation of Historical Memory (From the Experience of Publishing a Collection of Documents and Materials "Social Policy of Late Stalinism")]. In: *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2022, no. 1, pp. 52–61.
10. Lazareva L. N. [Reflection of the Features of Catch-Up Modernization "Soviet-Style" in the RG-ASPI Publishing Project on Late Stalinism]. In: Mazur L. N., ed. *Istoriko-kulturnoye nasledie v institutional'noy zavisimosti* [Historical and Cultural Heritage in the Institutional Dimension]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2022, pp. 271–276.
11. Lazareva L. N. ["Through Thorns to the Stars": The Search for Mechanisms for Building Communism in the USSR (Socio-Economic Aspect)]. In: Sorokin A. K., ed. *1953-g. Podvedeniye itogov i vybor puti* [1953. Summing Up and Choosing the Path]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2023, pp. 104–113.
12. Sorokin A. K. *Istoriya odnogo pravleniya. Stalin v 1917–1953 gg. Ch. 2.: «O divnyy novyy mir...» 1945–1953* [History of One Reign. Stalin in 1917–1953. Part 2: "Brave New World..." 1945–1953]. Moscow, 2024. 872 p.
13. Fateev A. V. *Stalinizm i detskaya literatura v otkrytoy nomenklature SSSR* [Stalinism and Children's Literature in the Politics of the USSR Nomenklatura]. Moscow, MAKS Press Publ., 2007. 352 p.
14. Filtser D. *Sovetskiye rabochiye i pozdnyy stalinizm. Rabochiy klass i vosstanovleniye stalinskoy sistemy posle okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny* [Soviet Workers and Late Stalinism. The Working Class and the Restoration of the Stalinist System after the End of World War II]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 359 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазарева Любовь Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории;
e-mail: laz_dom@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyubov N. Lazareva – Dr Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education, Chief Specialist, The Russian State Archive of Socio-Political History;
e-mail: laz_dom@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лазарева Л. Н. Культурная политика позднего сталинизма в фокусе концепции догоняющей модернизации // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 6. С. 88–96.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-88-96

FOR CITATION

Lazareva L. N. The cultural policy of late Stalinism in the focus of the concept of catching-up modernization. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 6, pp. 88–96.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-88-96

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-97-107

ВКЛЮЧЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНЫМ ЗАПАДОМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В АРХИТЕКТониКУ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (КОНЕЦ 40-Х – 50-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

Жиряков И. Г.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Раскрыть использование коллективным Западом европейских интеграционных процессов и других экономических и финансовых инструментов в развёртывании холодной войны в конце 40-х – 50-е гг. XX века.

Процедура и методы. Теоретико-методологическую базу исследования составили принципы объективности и историзма, а также такие общенаучные методы, как проблемно-хронологический и историко-сравнительный.

Результаты. Предпринята попытка доказать, что в развернувшейся холодной войне в конце 40-х гг. XX в. тогдашний коллективный Запад активно использовал различные экономические, финансовые инструменты, торговые ограничения, что один из главных этих инструментов – европейские интеграционные экономические процессы – усилиями политического руководства западных стран были включены в архитектуру холодной войны. Наряду с этим в данной работе делается вывод о том, что советская критическая оценка деятельности США и ведущих стран Западной Европы, направленной на использование экономических дискриминационных средств борьбы в холодной войне против стран социализма, в большинстве своём, актуальна на сегодняшний день.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование помогает более полному пониманию места коллективного Запада в развёртывании холодной войны против СССР и его союзников с использованием экономических, финансовых инструментов, торговых ограничений вообще и европейских интеграционных процессов в частности. Материалы могут быть использованы для подготовки учебных пособий по истории международных отношений и истории европейской экономической интеграции.

Ключевые слова: холодная война, план Маршалла, европейская экономическая интеграция, ЕОУС, ЕЭС, КОКОМ

THE INCLUSION OF ECONOMIC AND FINANCIAL INSTRUMENTS BY THE COLLECTIVE WEST INTO THE ARCHITECTURE OF THE COLD WAR (LATE 40S –50S OF THE 20TH CENTURY)

I. Zhiryakov

*Federal State University of Enlightenment
ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the use of European integration processes and other economic and financial instruments by the collective West in the unfolding of the Cold War in the late 40s – 50s of the 20th century.

Methodology. The theoretical and methodological basis of the research was built on the principles of objectivity and historicism, as well as such general scientific methods as problem-chronological and historical-comparative.

Results. The article attempts to prove that in the unfolding the Cold war in the late 40s of the twentieth century, the then collective West actively used various economic and financial instruments, trade restrictions, and that one of these main instruments – European integration economic processes – was integrated into the architecture of the Cold War by the efforts of the political leadership of Western countries. Along with this, this paper concludes that the Soviet critical assessment of the activities of the United States and the leading countries of Western Europe aimed at using economic discriminatory means of combat in the Cold War against the socialist countries is, for the most part, still relevant today.

Research implications. This article will help to better understand the place of the collective West in the unfolding of the Cold war against the USSR and its allies using economic, financial instruments, trade restrictions in general, and European integration processes in particular. The materials contained in the article can be used to prepare textbooks on the history of international relations and the history of European economic integration.

Keywords: Cold War, Marshall Plan, European Economic Integration, ECSC, EEC, CoCom

Введение

В заключительный период Второй мировой войны вряд ли кто мог предположить, что после её окончания союзнические отношения США, Англии, с одной стороны, и СССР – с другой, сменятся непримиримой враждебностью, что придёт время холодной войны. Эта начавшаяся война представляла собой непримиримую конфронтацию капиталистических и социалистических стран во всех основополагающих сферах жизни обществ.

Можно согласиться с утверждениями некоторых наших отечественных исследователей, полагающих, что в качестве хронологии начала холодной войны необходимо использовать отрезок времени с 1945 г. до конца десятилетия [5, с. 5]. Но и последующие 50-е гг. XX в. отличались

особой остротой в отношениях США и их политических и идеологических соратников и СССР с его восточноевропейскими союзниками.

Казалось многим, что с крушением СССР и восточно-европейского социализма, то время ушло в историю. Некоторые аналитики и сегодня пишут: «Почти всё, что относилось к эпохе холодной войны, способы и методы использования её методов, утратили своё значение и устарели» [12, с. 44].

Ан нет... холодная война не исчезла... Одни исследователи считают, что холодная война после краха мирового социализма получила своё «второе издание», другие – нынешнюю обстановку в мире сравнивают с 1950-ми гг. [10, с. 21].

Так или иначе, острière новой холодной войны направлено теперь против правопреемника СССР в международных отношениях – России. Контуры этой войны начали обстоятельно изучать в нашем обществоведении в последние годы [6, с. 1–92].

Начало холодной войны после Второй мировой войны большинство исследователей связывают, как всегда, с политическими и идеологическими действиями и событиями, представляя их основными инструментами этой войны.

Однако в развернувшейся холодной войне в конце 40-х гг. XX в. тогдашний коллективный Запад использовал экономические, а также финансовые инструменты. Испанский профессор К. Пуанте-Мартин справедливо подчёркивает: «Геоэкономика сыграла важнейшую роль в период холодной войны» [11, с. 10].

Понятие «коллективный Запад» – новый современный термин, ставший уже привычным и устоявшимся. В нашей риторике оно включает страны с англосакским ядром и их сателлитами, которые исторически рассматривают Россию как своего самого опасного противника. Ожидаемо, что там (на Западе) это понятие принимают «в штыки», утверждая, что это искусственно созданная геополитическая конструкция.

Полагаем, что использование термина «коллективный Запад» вполне приемлемо и в изучении начального периода холодной войны.

После Второй мировой войны проявляются первые признаки экономической интеграции западноевропейских стран. Начавшиеся интеграционные процессы позволяли, прежде всего, ведущим европейским странам с меньшими издержками пережить кризисные экономические явления, ускорить, в конечном счёте, развитие своих экономик.

Однако объективно необходимые интеграционные процессы в Западной Европе были включены её элитой при поддержке США в виде важнейшего эконо-

мического инструмента проведения холодной войны.

«Ещё не успели отгреметь залпы Второй мировой войны, как Запад возобновил “экономическую войну” против нашей страны», – точно подмечает известный российский экономист В. Б. Катоанов [13, с. 9].

Британский исследователь Э. Дейтон утверждал, что интеграция в Западной Европе рассматривалась как элемент холодной войны [8, с. 270]. Другой зарубежный учёный Р. Н. Купер писал, что США сделали в годы холодной войны неотъемлемой частью своей внешнеэкономической политики использование экономических санкций, когда у них «поведение иностранного правительства вызывало недовольство»¹. Вот тогда впервые, пожалуй, проявились общие интересы коллективного Запада.

С сожалением надо признать, что в отечественной европеистике определённое время господствовали западные либеральные идеологемы, на основе которых конструировались некоторыми российскими исследователями концепции, чрезмерно восхваляющие европейский интеграционный процесс, деятельность Евросоюза и нередко включающие при этом трансляцию русофобских точек зрения.

И потому, конечно, подавляющим большинством исследователей игнорировалась проблематика экономической войны Запада, руководимого США, с Советским Союзом и другими странами социализма. А если и затрагивались некоторые сюжеты этой войны, то вся вина безапелляционно возлагалась на коммунистические власти.

В сегодняшней международной ситуации, в условиях развернувшейся масштабной санкционной политики стран Европейского союза и США против Рос-

¹ Cooper R. N. Economic aspects of the cold war 1962–1975 [Электронный ресурс]. URL: http://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/3677060/Cooper_EconomicAspects.pdf (дата обращения: 22.11.2024).

сии, рассмотрение экономического компонента холодной войны стран Запада с Советским Союзом как никогда востребовано. По утверждению многих специалистов, нынешние антироссийские действия коллективного Запада включают элементы и политической, и экономической блокады [16, с. 110].

Включение коллективным Западом европейских интеграционных процессов в архитектуру холодной войны

После Второй мировой войны страны Западной Европы столкнулись с громадными экономическими проблемами. В этих странах считали, что самостоятельные экономические усилия не могут обеспечить восстановление Европы и что непереносимым условием такого восстановления должна явиться помощь Соединённых Штатов Америки¹. В этих условиях и появляется план Маршалла, нацеленный, правда, не только на помощь европейцам, но и на решение своих собственных экономических и иных задач.

В начале апреля 1948 г. Конгресс США утвердил «Программу восстановления Европы» (или в другом переводе – Европейскую программу восстановления (ERP)). Она официально была названа по инициативе Трумэна «Планом Маршалла». ERP была рассчитана на 4 года; официально она была прекращена 30 декабря 1951 г.; в октябре 1951 г. проект был трансформирован на военную помощь (поддержка обороны) взаимной безопасности².

План Маршалла сыграл, безусловно, свою позитивную роль в восстановлении экономик некоторых стран Европы. Хотя по ходу его реализации страны –

получатели американской помощи, находившиеся в НАТО, – заметили, как были настойчивы США на вкладывании отправляемых денег в развитие для военной промышленности сырья и полуфабрикатов, таким образом, подталкивая эти страны к милитаризации своих экономик.

В западной литературе принято считать план Маршалла отправной точкой в европейской экономической интеграции, что является, по нашему мнению, явным преувеличением.

Что касается политической сущности плана Маршалла и его места в экономическом противостоянии с СССР, то на Западе некоторое время не было принято об этом говорить и писать. Кстати, и в нашей постсоветской специальной литературе об этом тоже умалчивалось. А если и появлялись какие-то публикации по этой проблематике, то их авторы занимались в основном высмеиванием утверждений советской исторической и экономической литературы о завуалированном политическом и военном компонентах плана Маршалла.

С сожалением приходится констатировать, что и по сей день некоторые российские аналитики, по-видимому, увлечённые западными исследованиями, считают необходимым при описании итогов реализации плана Маршалла отметить в качестве положительного результата то, что он, в частности, «ослабил влияние и СССР..., и коммунистов в Западной Европе» [2, с. 79]. Будет уместно здесь напомнить слова самого Маршалла о том, что отсутствие американской «действенной программы восстановления Европы» могло привести «Западную Европу в объятия коммунизма, и она оказалась бы в руках Советского Союза»³.

Была забыта в западной литературе и в наших постсоветских публикациях, по понятным причинам, довольно негативная оценка плана Маршалла, вы-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 1.

² The Marshall Plan: Lessons learned for the 21st century. 1947–2007. Plovman.sdsu.edu/docs/1947MarshallPlan.pdf / URL: <https://loveman.sdsu.edu/docs/1947MarshallPlan.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 261. Д. 119. Ч. III. Л. 261.

сказанная и в самих США, и в некоторых странах Запада, ещё «на заре» холодной войны. К примеру, такой известный государственный деятель США, как Г. Уоллес, рассуждая о послевоенных международных отношениях, полагал, что Штаты должны реализовывать не конфронтационную, а партнёрскую модель во внешней политике, по сути, признавая план Маршалла инструментом холодной войны¹.

Влиятельная газета «Нью-Йорк пост» признавала, что план Маршалла ничем не отличается от послания Трумэна от 12 марта 1947 г., в котором, по словам корреспондента, содержалось «почти истерическое предложение создать угрозу вокруг России». В шведских газетах также отмечалось «родство» плана Маршалла с доктриной Трумэна².

Итак, США включили план Маршалла в спектр «политической войны». Российский исследователь В. А. Веселов в этой связи отмечает: «Это свидетельствовало о том, что задача данного проекта была не только и не столько в экономической помощи странам Европы (программа была объявлена, когда самый трудный период – первые 2 послевоенных года – был уже позади), сколько в укреплении в этих государствах проамериканской элиты как опоры при достижении внешнеполитических и военно-политических целей США» [4, с. 117].

«План Маршалла предусматривал и чисто геополитические и идеологические условия», – полагают И. В. Андропова и А. Х. Абашидзе [1, с. 159]. Эти условия, по их мнению, легко просматриваются в неких «инструкциях» для получателей американской помощи, в которых недвусмысленно говорится: «Ни одно

правительство, которое будет плести интриги с целью воспрепятствовать восстановлению других стран, не может ожидать от нас помощи...» правительства, политические партии или группы, стремящиеся увековечить людские страдания, с тем, чтобы получить политические или иные выгоды, встретят противодействие со стороны Соединённых Штатов» [1, с. 159].

Другие отечественные специалисты обращают внимание на то, что «с точки зрения политики и международных отношений, план Маршалла стал фактором, усилившим межблоковое противостояние» [17, с. 166].

Таким образом, с осуществлением плана Маршалла начинается отсчёт «раскола Европы на сферы влияния». Европа шаг за шагом становится частью биполярного мира, характерного для периода холодной войны [9, с. 57].

Следующим таким шагом стало образование Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Появление ЕОУС было экономически обусловлено и востребовано Францией и Германией. Но и США отнеслись к ЕОУС далеко не безразлично, поскольку сталелитейная промышленность создавала 30% внутреннего национального продукта [14, с. 157]. При этом, по мнению многих исследователей, заинтересованность США в создании ЕОУС проявлялась также и в стремлении противостоять советскому влиянию в Европе [7, с. 159].

Действительно, антикоммунистические и антисоветские мотивы всегда присутствовали у коллективного Запада в разнообразных планах экономического объединения стран Европы. Для них любой вариант экономического объединения – это часть единого фронта борьбы с советской угрозой [8, с. 47–48].

Изучающим историю холодной войны хорошо известен тот факт, что сам инициатор создания ЕОУС М. Шуман заявлял, что «план объединения ресурсов угля и стали европейских стран сможет открыть

¹ Князев С. «План Маршалла»: Как Америка Европу под себя подмяла. URL: <https://svpressa.ru/post/article/176003/> (дата обращения: 10.10.2024); Сидорчик А. Троянский конь Америки. Как «план Маршалла» лишил Европу независимости. URL: https://aif.ru/society/history/troyanskiy_kon_ameriki_kak_plan_marshalla_lishil_evropu_nezavisimosti (дата обращения: 12.11.2024).

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 261. Д. 119. Ч. III. Л. 291.

путь для военного сотрудничества между заинтересованными странами»¹.

Советский Союз встретил появление ЕОУС с явным подозрением, поскольку, с его точки зрения, положения нового объединения вступали в противоречия с некоторыми решениями Потсдамской конференции, предусматривающими, как известно, недопущение производства металла в Германии с целью использования его в военных целях².

Но не только это обстоятельство тревожило советское руководство. Как верно подмечают некоторые современные отечественные аналитики, «хотя план Шумана и подавался как чисто экономический,... в основу его легли соображения стратегические» [15, с. 10].

Таким образом, создание ЕОУС можно рассматривать как ещё один из экономических инструментов использования Западом интеграционных экономических процессов в холодной войне с СССР. И вполне естественной стала крайне негативная реакция советского руководства на ЕОУС. С одной стороны, эта реакция была уязвимой, с точки зрения её объективности, потому что она находилась в русле идеологизированных и политизированных представлений о западноевропейском интеграционном процессе. Но, с другой стороны, позиция руководства СССР основывалась на анализе тогдашней сложнейшей международной ситуации, когда Запад пытался усилить НАТО, организовать Европейское оборонительное сообщество и т. п.

В течение 1950-х гг. страны Западной Европы продолжают двигаться по вектору европейской экономической интеграции. Разрабатываются планы создания «общего рынка». Советское руководство открыто выразило своё беспокойство

подготовкой таких проектов. Оно заявило весной 1951 г.: «Правящие круги США... пытаются протащить эти планы для того, чтобы подчинить западноевропейские страны экономической гегемонии западногерманских монополистов, обезоружить эти страны перед боннскими милитаристами и реваншистами. Эти планы углубляют раскол Европы и раскол Германии»³.

Конечно, ожидаемо, что Запад абсолютно проигнорировал все опасения СССР. В марте 1957 г. в Риме подписывается Договор об учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС), известное также под названием «Общий рынок» или «Шестёрка»⁴. Учреждается также Европейское сообщество по атомной энергетике. Экономическая значимость указанных договоров хорошо известна. С их появления и начинается современная история Европейского союза.

СССР встретил появление Римских договоров с острой критикой. МИД СССР заключал: «Политические цели ЕЭС состоят в том, чтобы служить агрессивному блоку НАТО»⁵. Советская сторона заявляла о ЕЭС, и как о новом экономическом инструменте в холодной войне, и как о «военном» компоненте европейской экономической интеграции, констатируя тесную связь ЕЭС и НАТО.

Спустя годы позиция советского руководства и советских исследователей, называемых не иначе как «пропагандистами», подвергалась жесточайшей и уничижающей критике в современной отечественной исторической и экономической литературе. Авторы такого рода публикаций нисколько не смущал тот известный факт, что президент США Дж. Кеннеди недвусмысленно подчёркивал именно политический характер ЕЭС. Б. Крайский, известный государствен-

¹ Правда. 1951. 12 сентября.

² Берлинская конференция. 17 июля – 2 августа 1945 г. Протокол Берлинской конференции трех великих держав 1 августа 1945 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/berlin_main.htm (дата обращения: 31.11.2024).

³ Правда. 1957. 11 марта.

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 66. Оп. 45. П. 96. Д. 20. Л. 31.

⁵ АВП РФ. Ф. 66. Оп. 43. П. 90. Д. 19. Л. 6.

ный деятель Австрии, выступая в 1959 г., утверждал, что Общий рынок «не является просто экономическим объединением, а представляет собой, прежде всего, политическое объединение»¹.

Председатель комиссии ЕЭС Хальштейн признавался в декабре 1964 г. в том, что «экономическая интеграция является на деле политической интеграцией», что экономическая политика ЕЭС заставляет вырабатывать единый курс и по неэкономическим проблемам. На неразрывную связь ЕЭС с политикой и практикой НАТО указывали министр иностранных дел Бельгии П. А. Спаак и канцлер ФРГ К. Аденауэр².

Использование США экспортного контроля как инструмента в экономической войне Запада против СССР и других стран социализма

Наряду с опосредственным воздействием экономической интеграции, использовавшимся в холодной войне с СССР, коллективный Запад осуществлял и прямые средства борьбы, среди которых особое место занимал экспортный контроль.

США, реализуя план Маршалла, спровоцировали возрастание спроса на многие важные товары, включая химикаты, сырьё и др., и как следствие, возникает проблема, связанная с их дефицитом. А это, в свою очередь, привело к введению экспортных ограничений.

Зарубежные исследователи оправдывают действия американских властей тем, что «национальная безопасность США в этот период определялась в основном с точки зрения неприкосновенности поставок критически важных материалов, а не в стратегических, идеологических или иных терминах»³.

¹ Kreisky B. Reden. Baden I. Wien 1981. Verlag der Österreichischen Staatsdruckerrei. Wien, 1981. P. 94–98.

² Новое время. 1964. № 28. С. 21.

³ National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 1991. Finding Common Ground: U.S. Export Controls in a Changed Global Environment. Washington, DC: The National Academies [Элек-

Но, так или иначе, США в 1949 г. принимают «Закон о контроле над экспортом», где впервые был установлен жёсткий порядок экспорта из США стратегических товаров и технологий в СССР. В том же году США, ведя закрытые переговоры с Великобританией и Францией, создают Координационный комитет по экспортному контролю (CoCom/КОКОМ)⁴. В этот комитет войдут позднее и те страны, которые будут представлены в ЕОУС и ЕЭС.

Начавшаяся деятельность КОКОМ в январе 1950 г. открывает новую страницу в истории экономических санкций Запада, направленных против неудобных. Прежняя страница была связана с образованием советского государства и 1930-ми гг., когда США примут «Закон о нейтралитете».

Интеграционный комитет (как иногда называли КОКОМ) формировал список, т. н. стратегических товаров, которые запрещено было экспортировать в СССР и другие социалистические страны.

Усиление экспортного контроля США и их партнёрами по КОКОМ было отражением роста напряжённости между Западом и Востоком⁵. В свою очередь, рост напряжённости влиял на расширение списков товаров, запрещённых на вывод в страны социализм. Складывался порочный круг.

Надо заметить, что в Координационном комитете у США не было юридических возможностей по принуждению своих коллег к расширению «запретительных» списков. Но это обстоятельство негативно никак не сказывалось на предложениях Соединённых Штатов Америки

тронный ресурс]. URL: <https://nap.nationalacademies.org/read/1915/chapter/1> (дата обращения: 31.11.2024).

⁴ Technology and East-West trade. United States. Congress [Электронный ресурс]. URL: <https://www.princeton.edu/~ota/disk3/1979/7918/7918.PDF> (дата обращения: 02.11.2024).

⁵ Technology and East-West trade [Электронный ресурс]. URL: <https://www.princeton.edu/~ota/disk3/1979/7918/7918.PDF> (дата обращения: 22.10.2024).

по составлению всё большего количества таких списков, поскольку им удавалось довольно легко, используя свой экономический и политический вес, «убеждать» своих партнёров.

Примеров такого «управления» довольно много. В мае 1951 г. Конгрессом США был принят «Закон об ассигнованиях» совместно с «поправкой Кема», которая предусматривала прекращение экономической помощи по плану Маршалла тем государствам, которые могли бы рискнуть осуществлять поставки Советскому Союзу и социалистическим странам товаров некоего «стратегического характера» [13, с. 33].

«Закон Бэттла» (октябрь 1951 г.) давал возможность американской администрации создавать списки товаров, которые запрещались или ограничивались в экспорте в социалистические страны. Более того, США вынудили своих «партнёров» в странах Западной Европы, Канаде и Японии создавать свои списки товаров, аналогичные американским. В результате принятых ограничений торговля Западом с СССР и другими странами социализма в 1950-е гг. сократилась [13, с. 33].

Правда, надо обратить внимание на одно обстоятельство: в случаях, когда планируемое эмбарго экономически никак негативно не могло сказаться на европейских и иных странах КОКОМ, то «запретительные списки» в рассматриваемое время соблюдались. Но когда дело касалось серьёзных возможных экономических потерь, то тогда эти страны пытались найти лазейки, чтобы обойти запреты. И, как следствие, скрытый экспорт просачивался в страны Восточной Европы и СССР. Как известно, нечто подобное наблюдается и в нынешней санкционной практике Запада.

Сегодня после демонтажа КОКОМ США и зависимые от них европейские страны, опираясь на свой колоссальный экономический, финансовый и научно-технический потенциалы, не только ретанимизировали порочную «кокомовскую»

практику, но и создали более жёсткую систему экспортного контроля в качестве экономического инструмента в борьбе против суверенитета нашей страны.

Применение США и их союзниками некоторых финансовых и торговых компонентов ведения холодной войны против СССР и других стран социализма

Разрабатываемая коллективным Западом во главе с США общая экономическая, торговая и финансовая стратегия, предусматривавшая ослабление СССР и его союзников, состояла из нескольких компонентов. Один из них предусматривал прекращение субсидирования СССР.

США вначале, 15 октября 1945 г., подписали договор с СССР, по которому они согласились предоставить советскому государству кредит сроком на 30 лет в размере 244 млн долларов для оплаты товаров, ранее поставлявшихся по ленд-лизу. Однако уже в январе 1947 г. США отказались от выполнения этого договора [3, с. 175].

Нежелание администрации США пойти навстречу СССР в его просьбе сократить «ленд-лизовские» долги проявилось в том, что она первоначально настаивала на выплате Советским Союзом 1,3 млрд долларов, что составляло почти 13% стоимости всей помощи. Для сравнения, Великобритания получила от американцев возможность заплатить менее 2% стоимости поставок по ленд-лизу [3, с. 175].

Второй компонент экономической войны Запада связан с сокращением предоставления займов. Желание у сталинского руководства получить кредиты от США проявлялось уже в 1945, 1946 г. и весной 1947 г. Советские власти предложили американской стороне за счёт крупных советских заказов на товары и промышленное оборудование предоставить долгосрочный государственный кредит. Однако это обращение не встретило положительного отклика с американской стороны [7, с. 128].

Позже представители западного бизнеса будут признаваться в том, как они «честно пытались отговорить даже частные коммерческие учреждения от предоставления Советам займы, сообщая им о рисках для банков ввиду слабости потока твёрдой валюты Советов, что заставляло банки нервничать при предоставлении кредитов СССР»¹.

Постепенно в экономической политике Запада становится значимым и компонент, связанный с установлением т. н. «потолка» – жёстких ограничений на поставки некоторых товаров из стран СЭВ, в частности, советского газа в Европу так, чтобы Западная Европа зависела от советских поставок не больше, чем на 30%².

Заключение

Проведённый анализ позволяет, на наш взгляд, утверждать, что:

– во-первых, тогдашний коллективный Запад в развернувшейся холодной войне в конце 40-х гг. XX в. активно использовал экономические и финансовые инструменты. Воссоздание исторической картины экономического противостояния стран Запада с Советским Союзом и другими странами социализма в годы холодной войны как никогда актуально в нынешних условиях масштабных экономических санкций стран Европейского союза, направленных против России;

– во-вторых, усилиями политического руководства Запада европейские интеграционные экономические процессы, развернувшиеся параллельно холодной войне, были включены в её архитектуру. Это руководство и не скрывало, что

западноевропейская экономическая интеграция – есть элемент холодной войны;

– в-третьих, начиная с плана Маршалла, можно вести отсчёт «раскола Европы на сферы влияния». Создание ЕОУС, общего рынка свидетельствовало не только о поступательном европейском интеграционном процессе, но и о его использовании в политическом объединении ведущих западноевропейских стран во главе с США для борьбы с миром социализма. Констатируя тесную связь ЕЭС и НАТО, допустимо утверждать, что ЕОУС и Общий рынок являлись и новым экономическим инструментом в холодной войне, и «военным» компонентом в европейской экономической интеграции;

– в-четвёртых, помимо использования Западом экономической интеграции как косвенного воздействия на СССР в холодной войне существовали в западном арсенале и прямые средства борьбы. Самым крупным свидетельством применения таких средств явилось учреждение и деятельность КОКОМ, направленные на ограничения и эмбарго поставок оборудования, товаров и технологий в социалистические страны;

– в-пятых, коллективный Запад во главе с США прибегал и к другим финансово-экономическим инструментам: сокращению предоставления займов, ограничению на поставки некоторых товаров из СССР и других стран СЭВ.

Всё это, в конечном счёте, негативно сказывалось на развитии экономик стран социализма.

Дата поступления в редакцию 26.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Андропова И. В., Абашидзе А. Х. Европейская интеграция: всё новое – хорошо забытое старое // Legal Concept. 2024. Т. 23. № 1. С. 156–164.
2. Боброва В. Д. Программа американской помощи в восстановлении экономики послевоенной Европы (план Маршалла) // Вестник Московского государственного университета печати. 2011. № 12. С. 71–79.

¹ Актуальный урок: тайны экономической войны США против СССР // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20140513/1009560350.html> (дата обращения: 02.11.2024).

² Там же.

3. Бокарев Ю. П. Экономические отношения между СССР и США в первые послевоенные годы (1945–1948) // *Экономический журнал*. 2005. № 9. С. 174–207.
4. Веселов В. А. Длинная тень Второй мировой войны: становление концепции «Национальной безопасности» в США // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2020. № 3. С. 85–124.
5. Громыко А. Была ли альтернатива началу холодной войны // *Современная Европа*. 2020. № 6. С. 5–14.
6. Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики России: докл. междунар. науч. конф. / С. А. Караганов, Д. В. Суслов, Е. А. Примаков и др. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 92 с.
7. История внешней политики СССР. Т. 2: 1945–1985 / под ред. под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пonomарева. М.: Наука, 1986. 691 с.
8. История европейской интеграции (1945–1994) / под ред. А. С. Намазовой, Б. Эмерсон. М.: ИВИ РАН, 1995. 308 с.
9. История международных отношений. Т. III: Ялтинско-Потсдамская система / Ю. А. Дубинин, Б. Ф. Мартынов, М. М. Наринский, Т. В. Юрьева. М., 2012. 552 с.
10. Караганов С. А. О третьей холодной войне // *Россия в глобальной политике*. 2021. Т. 19. № 4. С. 21–34.
11. Пуанте-Мартин К. Экономическая война против России: кто стоит за новой холодной войной? // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2016. № 6. С. 7–19.
12. Касумова А. Э. Место и роль парадигм мягкой силы и публичной дипломатии в современных международных отношениях // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2020. Т. 9. № 3. С. 44–47.
13. Катасонов В. Ю. Экономическая война против России и сталинская индустриализация. М.: Алгоритм, 2014. 272 с.
14. Малышева Н. С. Политические и экономические интересы США в отношении создания Европейского объединения угля и стали (1945–1951 гг.) // *Известия АлтГУ*. 2009. № 4. С. 157–161.
15. Никонов В. А. Европейская интеграция и движение к единой Европе // *Государственное управление*. 2015. Вып. 49. С. 6–26.
16. Томберг И. Р. Китай определяет свою позицию в ситуации вокруг Украины // *Восточная политика*. 2022. № 13. С. 110–123.
17. Фалалеев П. И. «План Маршалла» и западноевропейская интеграция: эволюция позиций Великобритании и Франции (1947–1948) // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2020. № 3. С. 165–190.

REFERENCES

1. Andronova I. V., Abashidze A. H. [European integration: everything new is actually well-forgotten old]. In: *Pravovaya kontseptsiya* [Legal Concept], 2024, vol. 23, no. 1, pp. 156–164.
2. Bobrova V. D. [The American aid program for economic recovery of post-war Europe (Marshall Plan)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo sluzhashchego universiteta pechati* [Bulletin of the Moscow State University of Printing Arts], 2011, no. 12, pp. 71–79.
3. Bokarev Yu. P. [Economic relations between the USSR and the USA in the first post-war years (1945–1948)]. In: *Ekonomicheskii zhurnal* [Economic Journal], 2005, no. 9, pp. 174–207.
4. Veselov V. A. [A Long Shadow of World War II: Development of the National Security Concept in the United States]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika* [Lomonosov World Politics Journal], 2020, no. 3, pp. 85–124.
5. Gromyko A. [Was the Alternative to the Cold War Possible?]. In: *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2020, no. 6, pp. 5–14.
6. Karaganov S. A., Suslov D. V., Primakov E. A., et al. *Zashchita mira, Zemli, vybor svobody dlya vsekh stran: Novyye idei dlya vneshney politiki Rossii* [Defense of Peace, Earth, Freedom of Choice for All Countries: New Ideas for Russia's Foreign Policy]. Moscow, Izd. dom Vysshey shkoly ekonomik Publ., 2020. 92 p.
7. Gromyko A. A., Ponomarev B. N., eds. *Istoriya vneshney politiki SSSR. T. 2: 1945–1985* [History of the Foreign Policy of the USSR. Vol. 2: 1945–1985]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 691 p.

8. Namazova A. S., Emerson B., eds. *Istoriya liderstva (1945–1994)* [History of European Integration (1945–1994)]. Moscow, IVI RAS, 1995. 308 p.
9. Dubinin Yu. A., Martynov B. F., Narinsky M. M., Yuryeva T. V. *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy. T. III: Yaltinsko-Potsdamskaya sistema* [History of International Relations. Vol. III: The Yalta-Potsdam System]. Moscow, 2012. 552 p.
10. Karaganov S. A. [On the Third Cold War]. In: *Rossiia v globalnoy politike* [Russia in Global Affairs], 2021, vol. 19, no. 4, pp. 21–34.
11. Puente Martin C. [Economic War against Russia: Who is Behind the New Cold War?]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences], 2016, no. 6, pp. 7–19.
12. Kasumova A. E. [Place and Role of the Soft Force Paradigm and Public Diplomacy in Modern International Relations]. In: *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye* [Azimuth of Scientific Research: Economics and Management], 2020, vol. 9, no. 3, pp. 44–47.
13. Katasonov V. Yu. *Ekonomicheskaya voyna protiv Rossii i stalinskaya industrializatsiya* [Economic war against Russia and Stalin's industrialization]. Moscow, Algorithm Publ., 2014. 272 p.
14. Malysheva N. S. [Political and economic interests of the United States regarding the creation of the European Coal and Steel Community (1945–1951)]. In: *Izvestiya AltGU* [Bulletin of Altai State University], 2009, no. 4, pp. 157–161.
15. Nikonov V. A. [European integration and the movement towards a united Europe]. In: *Gosudarstvennoye upravleniye* [Public administration], 2015, iss. 49, pp. 6–26.
16. Tomberg I. R. [China Determines Its Position in the Situation Around Ukraine]. In: *Vostochnaya politika* [Eastern Analytics], 2022, no. 13, pp. 110–123.
17. Falaleev P. I. [The Marshall Plan and the European Integration: The Stance of Great Britain and France (1947–1948)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika* [Lomonosov World Politics Journal], 2020, no. 3, pp. 165–190.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жирыков Иван Георгиевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения;
e-mail: ivan1948@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of General History, Federal State University of Education;
e-mail: ivan1948@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Жирыков И. Г. Включение коллективным Западом экономических и финансовых инструментов в архитектуру холодной войны (конец 40-х – 50-е годы XX века) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 6. С. 97–107.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-97-107

FOR CITATION

Zhiryakov I. G. The inclusion of economic and financial instruments by the collective West into the architecture of the Cold War (late 40s – 50s of the 20th century). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 6, pp. 97–107.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-97-107

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-108-115

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ О СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ КАК О НАЧАЛЕ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Фукс А. Н.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Рассмотрение оценок роли и значения Сталинградской битвы в отечественных и зарубежных школьных учебниках.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляют материалы сравнительного анализа истории Сталинградской битвы в отечественных и зарубежных школьных учебниках.

Результаты исследования. Рассмотрены особенности отражения истории Сталинградского сражения в учебниках России, Германии, США, Англии и Украины. По итогам исследования сделан вывод о значительном разнообразии трактовок роли и значения истории Сталинградской битвы в о школьных учебниках разных стран, о её фальсификации отдельными авторами учебных пособий.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы специалистами в области истории и образования, школьными учителями при подготовке к урокам.

Ключевые слова: школьный учебник, Сталинградская битва, коренной перелом в войне, историография Великой Отечественной войны, воспитание патриотизма

RUSSIAN AND FOREIGN SCHOOL TEXTBOOKS ON THE BATTLE OF STALINGRAD AS THE BEGINNING OF A RADICAL TURNING POINT IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. Fuks

Federal State University of Education

ul. Radio 10A, 105005 Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the assessments of the role and significance of the Battle of Stalingrad in domestic and foreign school textbooks.

Methodology. The main content of the study consists of comparative analysis materials on the history of the Battle of Stalingrad in domestic and foreign school textbooks.

Results. The features of reflecting the history of the Battle of Stalingrad in textbooks in Russia, Germany, the USA, England and Ukraine are considered. Based on the results of the study, it is concluded that there is a significant variety of interpretations of the role and significance of the history of the Battle of Stalingrad in domestic and foreign school textbooks, and its falsification by individual authors of textbooks.

Research implications. The research materials can be used by specialists in the field of history and education, school teachers in preparing for lessons.

Keywords: school textbook, Battle of Stalingrad, fundamental turning point in the war, historiography of the Great Patriotic War, education of patriotism

Введение

Сегодня, когда историческая память и содержание отечественной истории стали не только орудием в войне за умы подрастающего поколения, но и ключевыми направлениями в идеологическом обеспечении национальной безопасности Российского государства, возрастает ответственность историков, учителей истории за воспитание школьников в духе гордости за героическую историю страны. В условиях внешних и внутренних вызовов, на переломе эпох особенно важно сохранить единство народа и уважение к подвигу предков. Наша страна пережила множество испытаний, среди которых, безусловно, самым тяжёлым стала война с гитлеровской Германией. Победа в Великой Отечественной войне остаётся и будет на века главным символом единства и героизма нашего народа.

В последние годы значительно увеличился масштаб исследований по вопросам содержания школьных учебников [4, с. 47; 6, с. 274; 9, с. 66; 10, с. 33]. Многие

авторы обращают внимание на значение государственной исторической политики как фактора обеспечения национальной безопасности [1, с. 328; 7, с. 50]. Отдельное направление исследований в науке – это проблемы содержания учебников в странах постсоветского пространства [2, с. 3; 8, с. 121], а также в странах дальнего зарубежья [3, с. 135].

Коренной перелом во Второй мировой войне в школьных учебниках разных стран

Сталинградская битва – начало коренного перелома в борьбе советского народа с нацизмом, определившего всю дальнейшую судьбу хода военных действий. Традиционно советская и современная российская историческая наука проявляют особое внимание к истории этого великого сражения, которое досталось дорогой ценой – сотни тысяч наших солдат сложили свои головы на берегу Волги. Однако в зарубежной науке Сталинградская битва и в целом коренной

перелом в войне всё чаще становятся полем идеологического противоборства и предметом откровенных фальсификаций. Трансформации оценок значения Сталинграда переходят и в школьные учебники [5, с. 166].

Начиная с 1940-х гг., по каждому курсу школьной истории в Советском Союзе использовался один учебник, утверждённый учебно-методическим советом Министерства просвещения СССР.

Авторы всегда подчёркивали важнейшую роль Сталинградской битвы. Так, в многократно переиздававшемся учебнике под редакцией В. К. Фураева сказано: «Победа под Сталинградом явилась началом коренного перелома в ходе Второй мировой войны в пользу СССР и всей антифашистской коалиции»¹. В учебнике новейшей истории, изданном в 1969 г., Сталинградская битва определена как «поворотный момент» в ходе всей Второй мировой войны². В учебнике И. Б. Берхина и И. А. Федосова³ Сталинградской битве также отведён целый параграф, а сама она оценивается как величайший поворот в ходе борьбы советского народа с фашизмом. Указанные оценки роли и значения Сталинградского сражения являлись для всех авторов советских учебников бесспорными.

В изложении истории Сталинградской битвы авторы советских учебников часто приводили описания подвигов героев – Якова Павлова, Василия Зайцева, Рубена Ибаррури и др., что имело непреходящее воспитательное значение. Примеры подвигов предков, отстаивших свободу и суверенитет нашей страны –

самый сильный инструмент воспитания патриотизма.

К сожалению, с распадом СССР такая традиция воспитания растворяется в перипетии политических дебатов и игр. В это время на государственном уровне был провозглашён тезис о «деидеологизации истории», что, по сути, являлось «идеологизацией наизнанку», направленной на разрыв культурно-исторической преемственности и связи поколений. Достаточно сказать, что только в федеральный комплект учебников по школьным курсам истории в конце 1990-х гг. вошло 114 учебников с грифами Министерства образования и науки РФ «допущено» и «одобрено». В методологическом плане в большинстве из них господствовала эклектика, отсутствовали причинно-следственные связи в раскрытии логики исторического процесса. По сути, в сознание школьников внедрялась разрушительная для государства неолиберальная идеология с отрицанием положительного опыта советского периода [9, с. 66].

В учебниках, изданных с начала 1990-х гг., пересмотрены многие подходы к освещению Второй мировой войны, принятые в Советском Союзе. Однако значение Сталинградской битвы никто не подвергал сомнению. Коренной перелом во Второй мировой войне локализовался событиями конца 1942–1943 гг. на восточном фронте. Особая роль, безусловно, отводилась Сталинградской битве. Однако в некоторых учебниках, в большинстве случаев изданных в 1990-е гг., авторы подчёркивали тот факт, что коренной перелом состоялся в т. ч. и благодаря действию союзных войск (сражение у атолла Мидуэй, контрнаступление английских войск в Северной Африке в 1942 г., военные действия в Атлантике)⁴.

¹ Новейшая история (1939–1976): Учеб. пособие для X класса / П. М. Кузьмичев, Г. К. Левин, В. А. Фролов, Л. М. Предтеченская, В. К. Фураев. М.: Просвещение, 1977. С. 27.

² Новейшая история (1939–1968): Учеб. пособие для X класса / под ред. П. М. Кузьмичева, В. А. Орлова. М.: Просвещение, 1969. С. 29.

³ Берхин И. Б., Федосов И. А. История СССР. 9 класс: учебник / под ред. М. П. Кима. М.: Просвещение, 1982. 383 с.

⁴ Мединский В. Р., Торкунов А. В. История 10 класс. История России 1914–1945 гг. Учебник. Базовый уровень. М.: Просвещение, 2024. С. 76–78; Сороко-Цюпа О. С. Новейшая история зарубежных стран. XX – начало XXI века: Учебник для 9 кл. М.: Просвещение, 2006. С. 81–84.

Особенно сильно роль Сталинградской битвы и в целом восточного фронта приписал А. А. Кредер, издавший свой учебник на средства фонда Дж. Сороса. Можно также отметить уменьшение интереса авторов учебников 1990-х гг. в целом к Сталинградской битве: в среднем объём материала о ней в общем объёме учебника истории XX в. уменьшился на 26%. Большая часть авторов учебников рассказ о Сталинградской битве приводила не в отдельном параграфе, а среди другого материала о Великой Отечественной войне. А. А. Кредер впервые поднял вопрос о цене Сталинграда. В исторической науке того времени стал активно обсуждаться вопрос о якобы имевших место ошибках командования – оно отказалось эвакуировать город, и бои обернулись трагедией для жителей. Однако в школьных учебниках этот дискурс не закрепился.

В современных учебниках более рельефно представлен воспитательный потенциал истории Сталинградской битвы: объём материала о начале коренного перелома в них заметно увеличился. Материал о подвигах наших предков в Великой Отечественной войне как никакой другой способствует решению важной государственной задачи по патриотическому воспитанию. Так, например, в учебнике А. В. Торкунова целый параграф отдельно посвящён описанию подвига наших героев в Сталинградской битве.

Реализацией государственного проекта перехода на единую концепцию отечественной истории в школе стал выход в свет учебника истории России под редакцией В. Р. Мединского¹. В данном учебнике началу коренного перелома в войне с нацизмом посвящён целый параграф. Авторы ярко показывают примеры подвигов героев Сталинграда (Х. Н. Нурдилова, Я. Ф. Павлова и др.), особо отмечая мировое значение победы под Сталинградом: «Победа под Сталинградом

положила начало коренному перелому в войне. Эхо её прокатилось по всему миру. Во всех оккупированных странах резко усилилось движение Сопротивления»².

В школьных учебниках США, Англии и Германии, к сожалению, ситуация иная. В большинстве американских учебных пособий ключевым событием Второй мировой войны названо вступление США в войну. Некоторые американские авторы школьной учебной литературы поворотными пунктами в войне называют сражения при Гуадалканале и у атолла Мидуэй, в которых ключевую роль сыграла армия США, а также открытие второго фронта и высадка десанта в Северной Африке: «Когда США вступили в войну, она уже “полюхала” на территории почти всей Европы, в Северной Африке и части Советского Союза. К концу 1942 г. силы союзников начали останавливать немцев и итальянцев. В Северной Африке британские солдаты побеждали немцев... Эти события были важнейшими поворотными пунктами войны...»³.

Американские авторы учебников часто в качестве основного аргумента большой значимости вступления США в войну указывают резкое изменение соотношения сил сторон. Безусловно, в исторической науке такой способ фальсификации с помощью формализованных статистических цифр известен давно. Он, однако, не учитывает степени вовлечённости участников событий, их героизма и роли в достижении победы. Вступление США не стало коренным переломом и быть им не могло, ибо советские солдаты один на один продолжали бороться с фашизмом. Степень же вовлечённости США во Вторую мировую войну была не столь весомая – наши союзники долго тянули с открытием второго фронта. Американцам следовало помнить о цене Победы: более 28 млн потерь Советского Союза и около 400 тыс. потерь американ-

¹ Мединский В. Р., Торкунов А. В. История 10 класс. История России 1914–1945 гг. Учебник. Базовый уровень. М.: Просвещение, 2024. 496 с.

² Там же. С. 78.

³ The United States of America: history and present / M. Fisher, F. Boorlin. Washington, 2022. P. 213.

ских войск. Советский Союз заплатил в 60 раз большую цену за Победу жизнями своих соотечественников.

Авторы английских учебников в качестве ключевых также выделяют в основном события на западном театре военных действий. Однако большинство «поворотных пунктов», названных в учебных книгах для школ Англии, связано с участием в них английских вооружённых сил. К примеру, в учебнике К. Коутса отмечено всего одно сражение, «изменившее весь ход Второй мировой войны»: «В сражении под Эль-Аламейном, в котором доблестные английские войска и их союзники одержали победу над противником, определился перелом в войне»¹.

История Сталинградской битвы в английских и американских учебниках при этом либо не упомянута вообще, либо представлена в виде одного абзаца – как одно из множества событий Второй мировой войны. Такой отказ от упоминания коренного перелома в войне – пример явной фальсификации истории в виде жонглирования фактами. Незначительные события возвеличиваются, ключевые же умалчиваются или рассказываются вскользь.

Авторы немецких учебников более объективны в оценке роли СССР в годы Второй мировой войны, нежели их американские и английские коллеги. Это было обусловлено идеологией исторической вины Германии, которая в современных условиях уже сходит на нет в связи с внедрением правящей элитой в сознание немцев русофобских идей. В немецких учебниках поворотным пунктом войны определяются неудачные для гитлеровских войск боевые действия под Сталинградом. Так, например, в учебнике «Зеркало: откуда мы, кем мы являемся»: «Сталинград стал символом военного перелома»². Наряду со Сталинградской

битвой многие авторы выделяют сражения на других театрах военных действий, «подтверждавшие поворот в войне»³: капитуляция немецкого африканского корпуса, сражение при Эль-Аламейне, высадка союзников в Сицилии. Нельзя сказать при этом, что авторы немецких учебников действительно объективны – Сталинградская битва «теряется» во множестве событий, которыми оперируют авторы немецких учебников. В учебных книгах для школ Германии в целом немного представлено материала об истории хода Второй мировой войны – больше про быт, трудности населения, Холокост и другие преступления нацизма. Ни в одном учебнике не сказано напрямую, что советская армия освободила мир от нацизма.

Общей тенденцией американской, английской и немецкой литературы в последнее десятилетие становится уменьшение интереса к Сталинградской битве в целом. Из части учебников её история исчезает, в некоторых книгах её значение представлено размыто и неявно. В целом интерес к Сталинградской битве в учебниках уменьшился на 15% в первой четверти XXI в.

Коренным образом изменилось отношение к истории Сталинградской битвы у авторов украинских школьных учебников. Если в учебниках, изданных в 1990-е – 2000-е гг., Сталинградское сражение и коренной перелом в войне изучались в курсе истории Украины (лишь фактический материал о ходе битвы), то современные программы изучения истории в Украине вообще вытеснили материал о Сталинграде в курс зарубежной истории. Материал о коренном переломе в войне там представлен размыто, отмечена роль всех фронтов в совокупности, подчёркивается особое значение вступления США в войну. Курс же истории Украины в основном представляет материал о положении в Украине в годы Великой Отечественной войны. В учебнике В. С. Вла-

¹ The United States of America: history and present / M. Fisher, F. Boorlin. Washington, 2022. P. 212.

² Rueckspiegel: Woher wir Kommen – wer wir sind / Hrsg. von H.-J. Lenzian, U. R. Schoerken. Paderborn: Schoeningh, 1996. P. 164.

³ Kowts K. The history of Great Britain. L., 1978. P. 146.

сова о Сталинградской битве сказано лишь вскользь, и то во взаимосвязи с освобождением Украины: «Катастрофа, которой подверглись войска Вермахта под Сталинградом, подготовила предпосылки для очистки Украины от оккупантов. 18 декабря 1942 г. врага выбили из первых украинских сёл»¹.

Такое противопоставление Украины и СССР даже в материале о Великой Отечественной войне – характерная особенность украинских учебников последнего десятилетия. Из учебников истории Украины вообще исключён материал о событиях 1942–1943 гг. и перемещён в учебные книги по зарубежной истории. Перенос целого этапа истории собственной страны в курс зарубежной – явный отказ от научного принципа историзма в изложении событий прошлого [10, с. 33].

Заключение

Сравнительно-историографический анализ школьных учебников позволяет сделать вывод о том, что оценка истории Второй мировой войны напрямую зависит от политических и идеологических тенденций в научном и образовательном пространстве различных государств. В последнее время русофобские настроения Запада усилили тренд на фальсификацию Великой Отечественной войны.

Сталинградская битва – это подвиг советского народа, не имеющий аналогов в мировой истории. Ценой великих потерь сотней тысяч жизней наших бойцов мы одержали победу над армией вермахта, положив начало коренному перелому во Второй мировой войне. Подвиг советского народа навсегда останется в памяти поколений россиян.

Автор этих строк в канун сорокалетия Победы побывал на берегах Волги в районе Сталинграда. И буквально в течение трёх минут нахождения у плотины волной вынесло шлем советского воина, пробитого фашистской пулей. Этого я не забуду никогда.

Вся история битвы под Сталинградом – материал, обладающий колоссальным воспитательным потенциалом для формирования мировоззрения подрастающего поколения наших соотечественников в духе любви и преданности Отечеству. В школьном курсе современной истории, в методических рекомендациях по теме Сталинградской битвы и методистам, и учителям истории необходимо акцентировать внимание на величайшем подвиге советских воинов, отдавших свою жизнь за нашу Родину в сражениях с «коричневой чумой».

Дата поступления в редакцию 26.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибан И. В., Лыта С. В. Как помнить и что знать? Блокада Ленинграда в школьных учебниках отечественной истории // Историко-педагогические чтения. 2019. № 23. С. 328–335.
2. Еньшина А. А. Конструирование образа советского прошлого в исторической памяти жителей Республики Беларусь средствами школьной учебной литературы // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2024. № 1. С. 3–14.
3. Клепалов А. В., Нажинова Л. М. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: проблема интерпретации в российском и американском учебниках истории // Инновационное развитие профессионального образования. 2020. № 1. С. 135–141.
4. Ковригин В. В. Повышение воспитательного потенциала духовно-нравственных ценностей в образовательных программах и преподавании цикла гуманитарных дисциплин в школе // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 47–54.
5. Ковригин В. В. Школьное историческое образование: между «сциллой» научной истины и «хагрибдой» целей воспитания // Вестник Омского университета. 2015. № 1. С. 166–168.

¹ Власов В. С. История Украины: учебник для 10-го класса. Киев: Генеза, 2018. Р. 46.

6. Кравцова Е. С. Освещение хода Курской битвы в современных школьных учебниках истории России // *История Курской битвы: проблемы и перспективы исследования и сохранения памяти: мат-лы конф.* / гл. ред. В. В. Коровин. Курск, 2023. С. 274–277.
7. Морозов Ю. В. Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2015. № 25. С. 50–63.
8. Пенькова О. Б. Попытки деформации исторической памяти о Великой Отечественной войне: анализ современных украинских учебников // *Значение и роль Советского Союза в победе над нацистской Германией и её союзниками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Новый взгляд и осмысление: мат-лы конф.* / отв. ред. Е. В. Туфанов. Ставрополь, 2024. С. 121–127.
9. Фуks А. Н., Ковригин В. В. Проблемы фальсификации истории Великой отечественной войны и содержание школьных учебников по отечественной истории // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2017. № 2. С. 66–70.
10. Фуks А. Н., Ковригин В. В. Трансформация подходов к освещению второй мировой войны в российских и зарубежных школьных учебниках // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2020. № 3. С. 33–41.

REFERENCES

1. Griban I. V., Lyta S. V. [How to remember and what to know? Siege of Leningrad in school textbooks on national history]. In: *Istoriko-pedagogicheskiye chteniya* [Historical and pedagogical readings], 2019, no. 23, pp. 328–335.
2. Enshina A. A. [Constructing the image of the Soviet past in the historical memory of residents of the Republic of Belarus via school educational literature]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the State Social and Humanitarian University], 2024, no. 1, pp. 3–14.
3. Klepalov A. V., Nazhipova L. M. [The Great Patriotic War of 1941–1945: the problem of interpretation in Russian and American history textbooks]. In: *Innovatsionnoye razvitiye professionalnogo obrazovaniya* [Innovative development of professional education], 2020, no. 1, pp. 135–141.
4. Kovrigin V. V. [Increasing the educational potential of spiritual and moral values in educational programs and teaching Humanities courses at school]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Federal Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences], 2024, no. 1, pp. 47–54.
5. Kovrigin V. V. [School history education: between the "Scylla" of scientific truth and the "Charybdis" of educational goals]. In: *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 2015, no. 1, pp. 166–168.
6. Kravtsova E. S. [Coverage of the Battle of Kursk in modern school textbooks on the history of Russia]. In: Korovin V. V., ed. *Istoriya Kurskoy revolyutsii: problemy i perspektivy issledovaniya i sokhraneniya pamyati* [History of the Battle of Kursk: problems and prospects of research and preservation of memory] Kursk, 2023. Pp. 274–277.
7. Morozov Yu. V. Falsification of the Results of World War II as Part of the Information campaign against Russia]. In: *Natsionalnyye interesy: priority i bezopasnost* [National Interests: Priorities and Security], 2015, no. 25, pp. 50–63.
8. Penkova O. B. [Attempts to Deform the Historical Memory of the Great Patriotic War: Analysis of Modern Ukrainian Textbooks]. In: Tufanov E. V., ed. *Znachenije i rol' Sovetskogo Soyuza v pobede nad natsistskoy Germaniyej i yeye soyuznikami v gody Velikoy Otechestvennoy vojny 1941–1945 gg. Novyy vzglyad i osmyslenije* [The Significance and Role of the Soviet Union in the Victory over Nazi Germany and Its Allies during the Great Patriotic War of 1941–1945. A New Look and Understanding]. Stavropol, 2024, pp. 121–127.
9. Fuks A. N., Kovrigin V. V. [Problems of History Falsification of the Great Patriotic War and the Content of School Textbooks on National History]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauk* [Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences], 2017, no. 2, pp. 66–70.
10. Fuks A. N., Kovrigin V. V. [Transformation of approaches to coverage of the Second World War in Russian and foreign school textbooks]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences], 2020, No. 3. P. 33–41.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фукс Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой по развитию просветительской деятельности Российского общества «Знание» Государственного университета просвещения;
e-mail: anfyks20@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Fuks – Dr. Sci. (History), Prof., Department Head, Department for the Development of Educational Activities, Russian Society "Knowledge", Federal State University of Education;
e-mail: anfyks20@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фукс А. Н. Отечественные и зарубежные школьные учебники о Сталинградской битве как о начале коренного перелома в Великой Отечественной войне // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 6. С. 108–115.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-108-115

FOR CITATION

Fuks A. N. Russian and foreign school textbooks on the battle of Stalingrad as the beginning of a radical turning point in the Great Patriotic War. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 6, pp. 108–115.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-108-115

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2024. № 6

Над номером работали:
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик А. Ю. Назарова
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин
Корректор А. А. Глазунова

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.istpolitmgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7,25, уч.-изд. л. 9.
Подписано в печать: 30.12.2024 г. Дата выхода в свет: 14.02.2025 г. Заказ № 2024/12-11.
Отпечатано в ГУП
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А